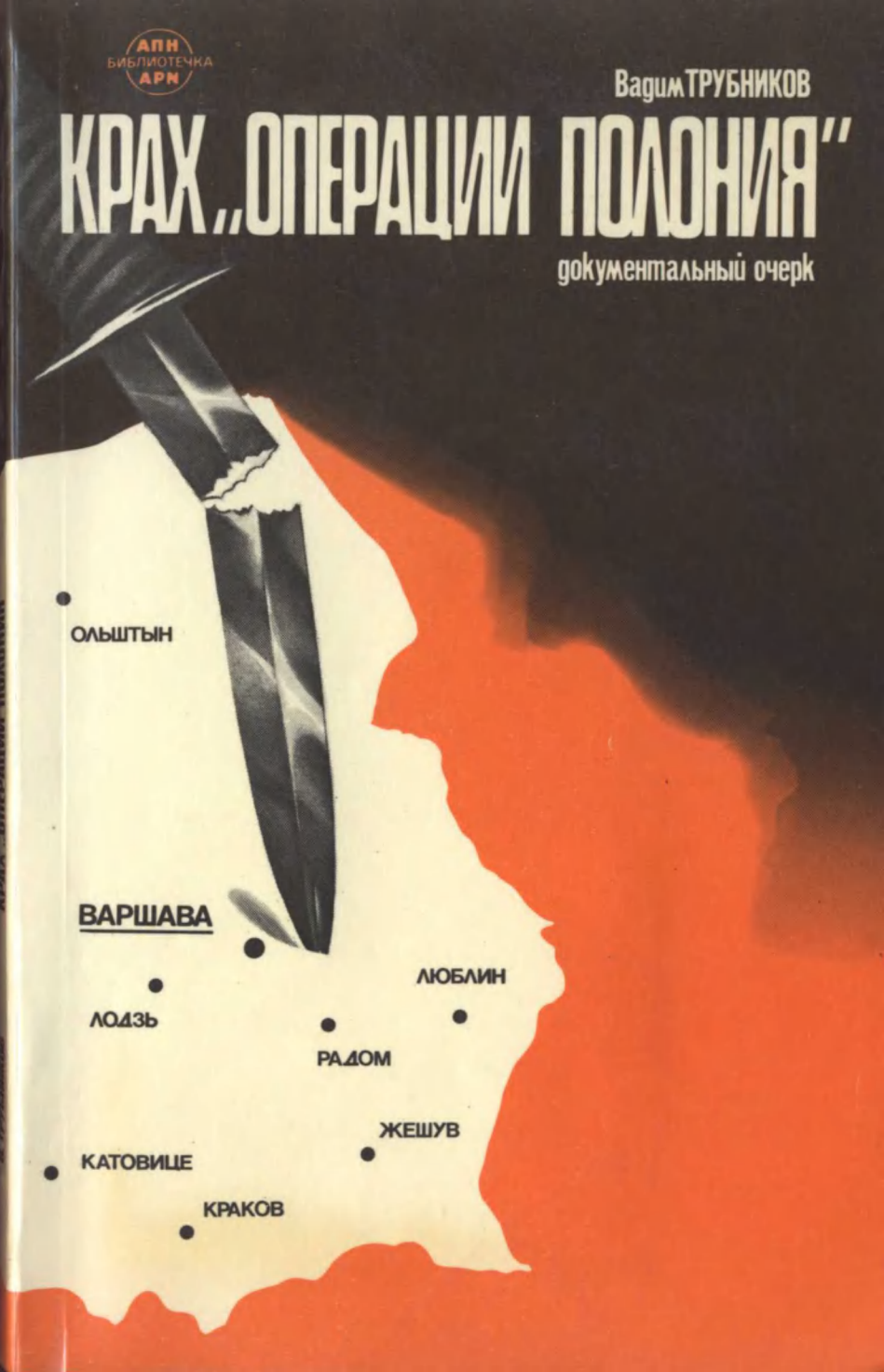

Вадим ТРУБНИКОВ

КРАХ „ОПЕРАЦИИ ПОЛОНИЯ“

документальный очерк

ОЛЬШТЫН

ВАРШАВА

ЛОДЗЬ

ЛЮБЛИН

РАДОМ

ЖЕШУВ

КАТОВИЦЕ

КРАКОВ

**Вадим
Пантелеймонович
ТРУБНИКОВ (р. 1930)**

окончил
Ташкентский
государственный
университет.
Кандидат
философских наук,
журналист.
Главный редактор
журнала
«Социализм: теория
и практика»,
выпускаемого
Агентством печати
Новости на
иностранных языках.
Автор ряда работ по
проблемам научного
коммунизма.
Некоторые из них
изданы за рубежом.
Работал в Гроте в
журнале «Проблемы
мира и социализма».
Неоднократно бывал
в Польской Народной
Республике, в
течение длительного
времени изучает ее
социально-
экономические и
политические
проблемы.

Вадим ТРУБНИКОВ

КРАХ „ОПЕРАЦИИ ПОЛОНИЯ“

1980–1981 гг.

документальный очерк

**Издательство Агентства печати Новости
Москва, 1983**

Рецензент И. Н. Медведев

0802020000

© Издательство Агентства печати Новости, 1983

Содержание

От автора	7
Пролог	11
Часть первая. Польская контрреволюция: игра в четыре руки	
Три круга антипольской игры	21
Сценарий в работв — требуются исполнитвли...	25
Тайный этажи «антивласти»	33
«Один... ноль... пуск!»	48
Часть вторая. «Солидарность»: путь в ничто	
До и послв «жаркого лета» восьмидесятого	65
«Кукушкино яйцо» контрреволюции	93
Метаморфозы «рабочего профсоюза»	114
Независимый? Самоуправляемый? Профсоюз?..	127
Тупики «забастовочного терроризма»	140
Вверх по лестнице, ведущей вниз	152

Часть третья. Заговор: последние 46 дней

Ноябрь — месяц предпоследний	165
Радомский старт путчистов. 3 декабря	185
Большие сборы контрреволюции. 4—10 декабря	197
Перед пропастью. Гданьск, 11—12 декабря	210
Спасительный контрудар. 13 декабря	226
Вместо эпилога	241

От автора

Минуло ровно два года с того дня, когда был поставлен на точку на одной из самых драматических страниц в истории Польской Народной Республики. В этот день — 13 декабря 1981 г. — перед лицом нависшей угрозы контрреволюционного переворота высшие органы власти ПНР в соответствии с конституционными установлениями ввели в стране военное положение. Опасный и драматический события 1980—1981 гг., тех 500 дней, когда на страну одна за другой накатывались разрушительные волны хаоса и анархии, остались позади. Завершились и те трудные месяцы, в течение которых было остановлено сползание страны к краю пропасти, куда толкали социалистическую Польшу ее внутренние и внешние враги. Страна встала на путь экономической и политической стабилизации, постепенного преодоления критической дезорганизации народного хозяйства и общественной жизни.

Но события тех тяжелейших для польского народа 16 месяцев все же не стали прошлым. Подтвердилась старая истина, что разрушить всегда неизмеримо легче, чем создать. Польские экономисты подсчитали, что для возвращения к докризисному уровню понадобится не менее 4—5 лет.

Не стал достоянием архивов и горький опыт случившегося. Извлечь из событий 1980—1981 гг. суровые и поучительные уроки необходимо и для того, чтобы, как подчеркивают руководители ПОРП, не допустить повторения чего-либо подобного.

Но прежде чем приступить к конкретному рассмотре-

нию сложных, переплетающихся, в подчас неоднозначных факторов и событий общественного кризиса в ПНР, хотелось бы высказать несколько общих соображений.

Основные источники, причины и движущие силы кризисного развития Польши в 1980—1981 гг. были ясны и во время этих событий. Но истинно всегда конкретно. А это значит, что далеко не достаточно лишь констатировать то общее, что проявилось в предыдущих эпизодах такого кризисного развития. Например, в Венгрии и Чехословакии, да и в самой Польше раньше, в 1956 или 1970 гг. Необходимо осмыслить особенности польского кризиса 1980—1981 гг., его отличив от кризисных ситуаций 1956 г. в Венгрии или 1968 г. в Чехословакии.

В ПНР идет интенсивная аналитическая работа. В обсуждениях и дискуссиях, развернувшихся в ПОРП, в широких кругах польской общественности, ставится множество самых острых вопросов, ответы на которые можно, востановленно, получить, лишь углубленно анализируя все эпизоды и повороты конкретных событий.

Сегодня, когда достоянием гласности стали тайные архивы вожаков «Солидарности», других антисоциалистических группировок, когда обнаружены и опубликованы некоторые секретные документы Белого дома, ЦРУ, натовских спецслужб, когда раскрыты основные механизмы взаимодействия международного империализма с польской контрреволюцией, невозможно отрицать очевидное. А именно: события в Польше в 1980—1981 гг. были во многом результатом тщательно спланированной, масштабной и многоаспектной подрывной операции. Польше, как сказал Первый секретарь ЦК ПОРП В. Ярузельский на пленуме ЦК в феврале 1982 г., империалистические стратеги «оправдали роль взрывателя под зданием мира... С Польши должен был начаться процесс развала социалистического содружества, поворот вспять европейской истории на целую эпоху». Чрезвычайные меры, принятые конституционными властями ПНР в декабре 1981 г., поворот к экономической и политической стабилизации, осуществленный в стране в последующие месяцы, сорвали этот замысел. Многолетняя операция, на которую было затрачено столько сил и средств, провалилась.

И еще одно общее замечание. Иногда высказываются мнения, что чуть ли не единственная причина общественного кризиса в Польше — это широкое и целенаправленное

дестабилизирующее воздействие империализма на обстановку в стране. Существует и противоположная точка зрения, сводящая все дело к ошибкам и срывам в социально-экономической политике ПОРП. Обе посылки грешат односторонностью.

Действительное соотношение факторов, вызвавших кризис, сложное. В том-то и дело, что невозможно в чистом виде выделить причину и следствие чрезвычайной социальной напряженности и последовавших за этим драматических событий. Роль «первотолчка» не может быть отдана ни одному из факторов; они не могут быть рассматриваемы вне их органической связи. Эту сложность взаимодействия причин кризисного развития констатировал и XXVI съезд КПСС. «Там... где к подрывной деятельности империализма,—говорится в Отчетном докладе ЦК,—добавляются ошибки и просчеты во внутренней политике, возникает почва для активизации враждебных социализму элементов. Так произошло в братской Польше...»

Нам представляется, что последовательный рассказ о польских событиях 1980—1981 гг., о соотношении внутренних и внешних причин, определивших их течение и окраску, основанный на документах ПОРП, материалах из архивов польской контрреволюции, свидетельствах прессы и ставших известными, правда, еще немногочисленных, но впечатляющих материалах подрывных центров Вашингтона и НАТО, может оказаться небезынтересным.

Автор не ставил перед собой цели осветить все перипетии этого драматического периода, уделив основное внимание деятельности контрреволюционных сил и их империалистических союзников и вдохновителей. Автор не мог, естественно, в равной степени сосредоточиться на таких важнейших процессах того времени, как внутривластные изменения ПОРП до и после IX Чрезвычайного ее съезда, эволюция других социалистических сил, разработка и осуществление народной властью антикризисных мер, подготовка экономической реформы и т. д. Все эти темы лишь обозначены в той мере, в какой требовалось для того, чтобы не терялась основная канва событий. Очень помогли автору поездки в Польшу, позволившие многое, о чем говорится в книге, увидеть собственными глазами, уточнить в беседах и дискуссиях с польскими товарищами.

Вместе с тем автор считал возможным по ходу рес-

сма­три­вае­мых со­бы­тий, осо­бен­но в слу­чаях их не­од­но­знач­но­сти и раз­ной трак­тов­ки, вы­ска­зать свои лич­ные оцен­ки и кос­нуться не­ко­то­рых про­блем тео­ре­ти­че­ско­го пла­на. Пред­став­ляя на суд чи­та­те­ля этот до­ку­мен­таль­ный очерк, ав­тор не пре­тен­дует на пол­ноту ана­ли­за. Те­ма, за­тро­ну­тая в кни­ге, ждет но­вых, бо­лее ка­пи­таль­ных ис­сле­до­ва­ний.

Де­ка­брь 1983 г.

A partir de 1978, Estados Unidos ha intentado desestabilizar el régimen político de Polonia, por consiguiente el "eslabon mas débil del sistema socialista en Europa". Poco antes de que los trabajadores polacos se unieran en piña en torno al sindicato Solidaridad, como su única esperanza democratizadora, su única salida a la crisis socioeconómica, pero también de identidad diferenciada del norteamericano de origen polaco que llegó a alcanzar uno de los puestos claves de la Administración estadounidense, consejero de Seguridad del presidente, Zbigniew Brzezinski, elaboró un plan para atacar el sistema socialista de la URSS en Europa a través

tiempo

ПРОЛОГ

Польская драма 1980—1981 гг., которая могла, как писала 16 декабря 1981 г. газета «Трибуна люду», орган ЦК ПОРП, «привести страну к братоубийственной гражданской войне, под корень подсесть ее позиции в мировом сообществе, превратить Польшу во асеевропейского нищего, в международного попрошайку», готовилась даано—задолго до того, как она начала разворачиваться на открытой сцене польской общественной жизни.

За океаном тщательно отработывались возможные сюжетные повороты этого необычного драматического действия, сценической площадкой которого становилась целая страна. Страна, опасно ослабленная ошибками и просчетами ее руководителей. Сооружались политические и идеологические декорации, подбирались исполнители главных и второстепенных ролей. Но при асяком удобном и неудобном случае Вашингтон громогласно заявлял о своей непричастности к кризисному развитию ПНР. И, быть может, эта легенда была бы еще долго в его пропагандистском обиходе, если бы не сенсационная публикация в феврале 1983 г. испанским журналом «Тьемпо» полученного редакцией сверхсекретного документа— «Плана США по дестабилизации Польши».

Этот план был передан на утверждение тогдашнему

президенту США Картеру его помощником по национальной безопасности Бжезинским¹ 17 марта 1978 г. В нем были детально и со знанием дела расписаны методы и средства вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела ПНР, способы дестабилизации всей общественной жизни этой страны. Но он не ограничивался этими пунктами. В представленном плане предлагался подробнейший сценарий подготовки и проведения государственного переворота в Польской Народной Республике. ...Опровержения мадридской публикации из Вашингтона не последовало.

Дезинформационный маневр: во имя чего?

Кроме вполне понятного стремления вашингтонской администрации скрыть сам факт существования специального комплексного плана организации одним государством — Соединенными Штатами — «необъявленной войны»

против другого суверенного государства — Польской Народной Республики, у Белого дома была еще одна причина, по которой он предпочел бы оставаться в тени. А именно: необходимо было убедить мировую общественность, что социально-политический кризис 1980—1981 гг. в Польше явился следствием ее собственных, чисто внутренних коллизий.

Дело в том, что задуманный администрацией Рейгана антисоциалистический «крестовый поход» нуждался в

¹3. Бжезинский — один из ведущих американских идеологов и стратегов антикоммунизма. Выходяц из польских буржуазных кругов, сын крупного дипломата довоенной Польши, он, по собственному его свидетельству, с детства мечтал стать «президентом Польши». Первый всплеск популярности Бжезинского как одного из ваторов теории «навешения мостов», направленной на «мирный», эволюционный подрыв мирового социализма, приходится на середину 60-х гг. В 1966 г. Бжезинский стал

директором исследовательского института по вопросам коммунизма при Колумбийском университете США. Автор ряда книг (наиболее известная «Между двумя веками. Роль Америки в технотронную эру»). Во время президентства Картера (1976—1980) Бжезинский занимал пост помощника президента, руководителя Совета национальной безопасности, которому подчиняются непосредственно все разведывательные службы США, включая ЦРУ.

идеологическом обосновании и иллюстрациях. И здесь Польше отводилась роль главного доказательства «необратимого кризиса социализма», «начала его конца» (Рейган).

Не случайно в книгах и статьях на польскую тему, во множестве появившихся на Западе, неизменно проводится мысль о «спонтанности», «стихийности» антисоциалистического движения, «единодушии рабочего класса и всего народа», проявившихся в польских событиях 1980—1981 гг. И если уж весь польский народ «как один» поднялся против социализма, то «демократический Запад» аыглядит куда как благопристойно и благородно: он сочувствовал полякам в их «освободительной» борьбе, он спасал их от голода, когда «коммунистическая экономика» — в силу, конечно, собственной недееспособности — пришла в полное запустение. Наконвц, Запад неустанно и строго «предупреждал» Советский Союз и другие социалистические страны от «вмешательства в польский эксперимент». И не более.

Публикация плана «тайной войны» против социалистической Польши, принесшей столько бедствий ее тридцатимиллионному народу, обнажает всю меру участия США а придании польскому кризису катастрофического характера.

Следует сказать, что публикация испанским журналом «Плана США по дестабилизации Польши» облегчила и работу над этой книгой. Конечно, уже давно было ясно, что тайная и не столь уж тайная война Запада, особенно США, против народной Польши, их многочисленные дестабилизирующие акции осуществлялись на редкость скоординированно, последовательно и по нарастающей линии. Но когда автор начинал выстраивать хронологически события в Польше и вокруг нее в период, предшествовавший началу кризиса 1980—1981 гг., осмысливать связь между ними, их внутреннюю логику, ему в некоторых случаях оставалось полагаться на интуицию, строить хотя и обоснованные, но все же гипотезы.

Только один пример. В конце 1977-го и особенно в начале 1978 г. весь «антипольский оркестр» (ва-

шингтонские правительственные и иные деятели, спецслужбы стран НАТО, контрреволюционные группировки в самой Польше и эмигрантские) вдруг заиграл особенно слаженно и энергично. Акции, сборища и заявления антипольского содержания посыпались как из рога изобилия. К тому же они стали достаточно шумными. Но наблюдатель по-прежнему видел лишь самые верхние слои. Главное оставалось скрытым: почему *именно тогда* возник внезапный бум антипольской активности?

**«План
Бжезинского»: масштабы,
цели,
средства**

На этот вопрос и ответил журнал «Тьемпо». Отсутствующее звено в цепи доказательств было наконец найдено. С помощью этого «ключа» многие события, даже те из них, которые могли показаться случайными и изолированными, выстроились в единую линию и получили свое объяснение. Обнаружилось, что концепции, лозунги и действия врагов социализма в Польше не только до лета 1980 г., но и в последующие бурные месяцы общественного кризиса были лишь исполнительским «слепком» с уже изготовленных за океаном «форм».

Присмотримся же к внезапно обнажившейся логике событий.

Начало 1977 года. Заняв ключевой пост в Белом доме, Бжезинский наконец получает возможность приступить к реализации давно вынашиваемых идей. Он поручает ЦРУ и другим спецслужбам разработку комплексного плана «опрокидывания» социалистического строя в ПНР. К этому заданию подключается один из крупнейших американских центров стратегических и политических исследований, специализирующийся на разработке подрывных операций, — «Рэнд корпорейшн»¹. Среди тех, кто

¹Еще в 60-х гг. «Рэнд корпорейшн» оказалась в центре скандала международного масштаба, когда выяснилось, что детальный план военного переворота в Индонезии и свержения президента Сукарно

был подготовлен в недрах этого «исследовательского учреждения». Программа операции против Польши была, таким образом, не первым ее опытом подобного рода.

участвовал в «польских разработках» для американских секретных служб, был, как стало недавно известно, и некто Чвсинский, бывший полковник Войска Польского¹.

Декабрь 1977 года. К этому времени «Рэнд корпорейшн», надо полагать, завершила свой труд. Он был нужен Бжезинскому именно к данному сроку. Ведь в декабре 1977 г. состоялся официальный визит в ПНР президента США Картера в сопровождении, естественно, помощника по национальной безопасности. В рамках программы их пребывания по настоянию американцев прошли, под благовидным предлогом встреч с «представителями широкой общественности», беседы Бжезинского с лидерами некоторых диссидентских группировок. Хотя история пока умалчивает о деталях этих бесед, надо полагать, что они прошли достаточно результативно и Бжезинский возвратился домой с «визой» лидеров польской контрреволюции на своем плане.

Январь 1978 года. Пока план по дестабилизации социалистической Польши дорабатывался и шлифовался, Белый дом занялся собиранием всех необходимых сил в единый кулак. Исполнительским прикзом президента Картера за № 12036 от 24 января 1978 г. создается во главе с Бжезинским специальный «координационный комитет по разведке» в рамках Совета национальной безопасности. Не вызывает сомнений, что учреждение этого комитета было вызвано не в последнюю очередь начинающейся антипольской операцией — самой масштабной и сложной из всех «тайных войн», предпринимавшихся когда-либо США.

Именно в это время — с начала 1978 г. — польские органы безопасности зафиксировали значительную активизацию антисоциалистического подполья.

17 марта 1978 года. В этот день Бжезинский передает

¹Он был завербован западными спецслужбами несколькими годами ранее. В 1977 г. бежал из ПНР и сразу же подготовил для ЦРУ детальный отчет о положении в польской армии, ее роли в Варшавском Договоре. Отметим, кстати, дату

его бегства и зададим себе в этой связи вопрос: случайно ли ему был дан приказ «исчезнуть из Польши» именно в 1977 г., когда завершалась подготовка комплексного плана операции против ПНР?

на утверждение президенту готовый план дестабилизации Польши⁴.

Вот основные положения «плана Бжезинского», дающие представление о масштабах, целях и перспективах этой антипольской программы Вашингтона.

Отправная идея: «После анализа обстановки в отдельных странах мы,—подчеркивает помощник президента США,—пришли к выводу, что Польша является самым слабым звеном среди государств Восточной Европы».

Средства и методы: Чтобы вызвать «пожар в Польше», Бжезинский рекомендует: а) вынуждать польских коммунистов «к уступкам в области прав человека» и обеспечить тем самым большую свободу действий для антисоциалистических подпольных группировок; б) всеми способами «расширять влияние католической церкви»; и, наконец, в) основательнее использовать «влияние польских эмигрантов».

Рычаги внешнеполитического воздействия: Основным таким рычагом автор плана считал использование критической финансовой задолженности ПНР странам Запада. «В 80-е годы,—прогнозирует Бжезинский,—Варшава будет вынуждена выплачивать 90 процентов своих доходов от экспорта на покрытие долгов, которых достигнут суммы 18—20 млрд. долларов». В плане определены и другие методы внешнеполитического воздействия на положение в ПНР. «Для формирования прозападной политики,—подчеркивает Бжезинский,—необходимо использовать все доступные средства».

Пути «идеологической эрозии»: Новоявленный Маккиавелли особое внимание в своих разработках уделяет путям «идеологического размягчения» ПОРП, союзных с ней партий и народного государства. Политические отношения США с Польшей должны быть прежде всего нацелены, согласно терминологии, употребляемой автором плана, на «создание в высших государственных сферах Польши преобладания национализма над коммунизмом».

⁴Через несколько дней план направляется трем ключевым фигурам—госсекретарю, министру обороны и директору ЦРУ с предписа-

нием срочно представить Совету национальной безопасности свои предложения.

Иными словами, речь шла о том, чтобы добиться абсолютизации ими национальных особенностей «польского социализма». «Пропаганда Соединенных Штатов должна быть сфокусирована на несовместимости интересов Польши с коммунистической моделью».

Структуры антисоциалистической оппозиции: «Польская оппозиция, поддерживаемая католической церковью,— пишет Бжезинский,— должна формироваться в основном из людей, настроенных прозападно, имеющих опыт борьбы против существующего строя. Организованная на базе нелегальных и полуофициальных группировок, оппозиция будет способна создать свободное народное движение сопротивления (не «Солидарность» ли?—В. Т.), вовлекая в него рабочих, крестьян, интеллигентов, студентов».

Сроки операции: Приступить к реализации разработанной программы надлежало, по расчетам Бжезинского, в начале 80-х гг., когда финансовый долг ПНР перейдут критическую черту чрезмерной задолженности. «Это обстоятельство станет удобным моментом», и тогда операция вступит в завершающую стадию. «В итоге наши действия,—уверенно прогнозирует помощник президента США по национальной безопасности,—должны привести к дестабилизации положения в Польшу. В этих условиях в рядах ПОРП возникнет смятение и неразбериха, а оппозиция завоюет массу сторонников».

Осуществление переворота: И, наконец, в документе, переданном Картеру, определяется программа действий контрреволюции по захвату власти. Были представлены два варианта. В качестве предпочтительного рассматривается «создание коалиционного правительства из умеренных коммунистов, независимых экономистов, деятелей оппозиции и представителей церкви». Вполне понятно, что формирование такого разношерстного «плюралистического» правительства должно было стать лишь промежуточным этапом на пути создания истинно «прозападного» правления. В этом случае, констатирует Бжезинский, «процесс разложения будет длительным».

Предусматривался и другой, менее желательный при сложившемся соотношении международных сил, но все же допустимый, второй вариант. В случае, если на пути

«тихой» контрреволюции возникнут непредвиденные препятствия, Бжезинский не исключал «антикоммунистического восстания». «Соединенные Штаты,— нацеливал он в своем плане все задействованные для его реализации ведомства,— должны приложить максимум усилий, чтобы активизировать развитие событий в указанных направлениях».

План предусматривал и принятие США, в рамках преждв всего НАТО, необходимых мвр к тому, чтобы «вниманив союзников сосредоточилось на Польшв».

Таков в общих чертах антипольский документ, разработанный в Белом домв в началв 1978 г. и впервые извлеченный на белый свет испанским журналом «Тьемпо» пять лет спустя.

В том же 1978 г., вскоре послв представлвния «Плана...» на утверждвние хозяина Белого дома комиссия по иностранным делам амвриканского сената создала — разумвется, опять во главе с Бжвзинским — спвциальный «координационный комитет по вопросам Польши». Назначив этого сенатского комитета, действовавшего в контакте с «комитвтом по разведке» при Белом доме,— обеспечить участие в внтипольской опврации общественных кругов: частных банков, реакционных профсоюзов, руководящго аппарата республиканской и демократической пвртий, органов информации, лоббистов консервативной польской эмиграции.

Твк разработанная в деталях и утвержденная высшими инстанциями Вашингтона антипольская программв¹ была запущена в двйствие. Машина двстабилизации начала набирать обороты.

¹ Вскоре стало известно и ее кодовое название: «операция Полония». По совпадению известие об этом пришло тожв с Пиренейского полуострова. В апреле 1983 г. в Лиссабоне вышла в свет книга известного португальского публициста Мичела Урбану Родригеша «Польша и Афганистан. Импералистическое окружение и двзин-

формация», в которой он исследовал подрывные операции против этих двух стран. «В начале 70-х гг.,— говорится в книге,— Белый дом и государственный департамент пришли к выводу, что Польше стала весьма уязвимой для всякого рода подрывной деятельности, направляемой с Запада. Тогда и была задумана «операция Полония»...

RADIO FREE EUROPE

Division of the
FREE EUROPE COMMITTEE INC.
One Capitol Square - New York 20 - New York
Ed. 17 1961

**RADIO
FREE**

ПОЛЬСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ: ИГРА В ЧЕТЫРЕ РУКИ

TOP SECRET

SECRET

SECRET

TOP SECRET

Declassify on: **TOP SECRET**
Authority: **TOP SECRET**
Date: **TOP SECRET**

В последнее время некоторые польские авторы вслед за Западом, хотя и исподволь, и с оговорками, нет-нет да и пытаются реабилитировать в глазах общественности руководителей контрреволюции в Польше в 1980—1981 гг. В том числе, естественно, и экстремистских вожakov «Солидарности». Вот одна из таких попыток, предпринятая недавно выступившим на страницах популярного варшавского еженедельника «Политика» неким Я. Гавликом: «Я предполагаю наличие доброй воли и самых благородных побуждений не только у многих миллионов рядовых участников движения, но и у его руководства... Я верю в благородство их мотивов... признаю личные заслуги тех людей, сохраняю ко многим из них уважение и симпатию...»

Но факты—упрямая вещь. И лишь они могут по-настоящему высветить сущность тогдашних событий и истинную роль в них лидеров антисоциалистической оппозиции.

...Вдумаемся еще раз в зловещие формулировки одобренного президентом США «плана Бжезинского»: «привести к дестабилизации положения в Польше...», способствовать «смятению и неразберихе...», для этого «использовать все доступные средства...». Любому здравомыслящему человеку ясен их однозначный смысл. А ведь это официальный документ...

Теперь, когда уже невозможно опровергнуть ни сам факт существования «плана по дестабилизации Польши», ни то обстоятельство, что лидеры оппозиционных социализму группировок были загодя информированы о его целях и средствах, эти люди не могут сказать, что они не

ведали, что творили. Напротив, сознавая все легко предвидимые последствия своих действий, они с готовностью ввязались в «необъявленную войну» Вашингтона против родной им страны, против собственного нврада.

Какие мотивы вели их к этому? Нвнависть к социализму, жажда власти, корыстолюбив или преклонение пвред ценностями буржуазного мира? Каковы бы они ни были, польскому народу пришлось дорого заплатить за безответственность и авантюризм этих деятвлй. Но для них «действительные интересы польского народа,—как сказал В. Ярузельский в февралв 1982 г.,—его границы, спокойствие и условия жизни, безопасность польского государства нв имели значвния».

Мы квк-то привыкли нвывать силы, развязавшие в Польше стихию хаоса и анархии, контрреволюционными, хотя они уже давно заслужили ещв одно определвние — *антинациональных*. Это о них говорила 16 декабря 1981 г. «Трибуна люду»: «Манипулируя поляквми и вводя их в заблуждвние, *польскими руками* нашу страну хотели превратить в мяч, которым разыгрывался матч вовсе не за польские интвресы»¹.

Три круга антипольской игры

А матч этот был начат Западом уже давно. С того самого времвни, когда Польша после окончания второй мировой войны встала на путь социализма. Но мяч в этой игре всв никак не шел в польские ворота.

Ещв в 1944—1948 гг.—тогда это произошло по инициативе британского премьера Чврчилля — была предпри-

¹ Даже некоторые высшие представители польской католической церкви, во многом и ощутимо поддерживавшей антисоциалистическую оппозицию, подчес выражали протест против прямых и тесных связей ее руководителей с западными подрывными центрами. При-

мас Польши, ныне покойный кардинал С. Вышиньский (умер в мае 1981 г.), однажды выразился недвусмысленно, подчеркнув, что некоторые люди среди лидеров «рабочего профсоюза» «хотят вершить при помощи «Сопидарности» непольские дела».

ната попытка прервать начавшийся поворот страны к социализму средствами гражданской войны. Подпольные реакционные группировки — сторонники реставрации довоенных буржуазных порядков — организовали вооруженные банды и начали многолетнюю борьбу против народной власти. Этот первый круг антипольской, разыгранной англичанами, игры дорого обошелся многострадальному народу: еще 30 тысяч свежих могил появилось на польской земле. Но империализмом он был проигран.

Следующий круг антипольской игры Звезд, надеясь на рванш, решил открыть в 50-е гг., но уже силами новой, американской команды. В Вашингтоне появляется план «полномасштабной секретной войны» против Польши, Венгрии и Чехословакии (его кодовое обозначение — «операция Радсок-Радзеп»). С помощью сброшенных в эти страны хорошо обученных и подготовленных вооруженных групп Вашингтон планировал вызвать там «повстанческую деятельность», в том и «антикоммунистические восстания». Эта операция тоже не принесла желаемых результатов.

Империализм все отчетливее сознавал, что экспорт «горячей» контрреволюции, навязанный на американском политическом жаргоне «отбрасыванием коммунизма», демонстрирует свою неэффективность. Продолжавшееся изменение соотношения сил на международной арене делало все более бесперспективными любые формы вооруженного штурма социалистического государства, предпринятого внутренней реакцией при неумеренной силовой поддержке извне. Социализм обнаружил прочную жизненную силу и устойчивость. Это заставило идеологов и политиков империалистического мира уже в середине 60-х гг. приступить к поиску иных приемов и методов.

Именно в эти годы разрабатывается стратегия, «деликатно» названная «политикой навешивания мостов». Она была провозглашена США в 1964 г. во время президентства Джонсона (1963—1968). Главная ее цель, по определению тогдашнего государственного секретаря Руска, состояла в том, чтобы «мирными средствами поощрять в коммунистическом мире эволюцию к открытым обществам» (читай: к капитализму. — В. Т.). «Смысл всех» в империали-

стической стратегии экспорта контрреволюции, естественно, не изменяла конечных целей. Ставка на «тихую», «ползучую» контрреволюцию означала лишь одно: операция по свержению социализма в избранной для этого стране растягивалась во времени, становилась поэтапной. Еще тогда Бжезинский — молодой профессор, ставший ближайшим советником президента Джонсона по делам Восточной Европы, обозначил последовательность в реализации схемы «эволюционного реформизма»: от идеологической эрозии к дестабилизации политической системы, а затем к коренным переменам в общественно-экономическом строе.

Конечно, акцент на методичную осаду социализма, «тихую» контрреволюцию не означал полного отказа от использования методов вооруженного штурма. Они оставались в арсенале империализма — с той только разницей, что ими не *начинался*, как в прежних схемах, а *завершался весь комплекс предусмотренных дестабилизирующих мер*. «США, не ожидая крушения коммунистического господства, — писал в 1967 г. тот же Бжезинский, — решили на будущее стимулировать постепенные изменения в отдельных социалистических странах... В этих целях наиболее интенсивные усилия предпринимаются в Польше». Именно Польше, таким образом, вновь отводилась роль испытательного полигона для практической проверки пригодности «эволюционного реформизма».

Но случилось так, что им стала соседняя Чехословакия. Здесь в 1968 году, в связи с возобладанием в руководстве страны ревизионистских элементов, неожиданно открылись как будто бы благоприятные возможности для попытки дестабилизировать социализм в этой стране. Поэтому все внимание империалистических подрывных центров тогда сконцентрировалось на ситуации в Чехословакии.

«Чехословацкий эксперимент», не принесший теоретикам «ползучей» контрреволюции успеха, потребовал критического пересмотра и уточнения некоторых первоначальных положений «политики наведения мостов».

Пока шла эта работа, в Польской Народной Республике начал, по мнению «мозговых центров» Запада, складываться благоприятный баланс объективных и субъекти-

вных факторов дестабилизации. Ставка на эту страну им представлялась — конечно, при целенаправленных и энергичных усилиях — почти беспроблемной.

Какие же объективные реальности Польши конца 60-х — начала 70-х гг. благоприятствовали, как полагали стратеги «ползучей» контрреволюции, демонтажу социализма именно в этой стране, давали многообещающий третий круг антипольской игры?

Вот они:

— молодость польского рабочего класса, по преимуществу сформировавшегося уже после войны, в ходе социалистической индустриализации (с 1938 по 1970 г. он вырос почти в 4 раза), идеологическая незрелость определенных его отрядов, тесные связи с деревней, делавшие его восприимчивым к псевдопролетарским и псевдосоциалистическим идеям и лозунгам;

— преобладание мелкоформальных индивидуальных хозяйств в деревне¹ и довольно широкое распространение частного предпринимательства в городе, во многом питающих частнособственническую, индивидуалистическую психологию значительной части населения;

— исключительно сильное, даже по мировым стандартам, влияние католической церкви, которая, как известно, регулировала свои отношения с народным государством

¹ В 1956 г., в результате серьезных ошибок, допущенных при коллективизации сельского хозяйства, многие кооперативы распались (в 1960 г. госхозы и кооперативы располагали всего 12 процентами земельных угодий и производили 13 процентов валовой продукции аграрного сектора польской экономики). Экономически неэффективное мелкокрестьянское производство было законсервировано на десятилетия. Во время поездки в Польшу в 1961 г. автору этих строк приходилось слышать от авторитетных ученых и партийных работ-

ников, что в Польшу удалось найти «собственный» путь решения аграрной проблемы, обусловленный особыми традициями польского крестьянства, которое-де может «органически вписаться» в социалистическую систему, оставаясь единым. Во что это обошлось, хорошо известно: возникла и постоянно углублялась диспропорция между динамично растущей крупной промышленностью и технически примитивным сельским хозяйством. Это противоречие сыграло немалую роль в кризисном развитии Польши.

на принципах, более схожих с «нейтралитетом», нежели с сотрудничеством;

— значительное влияние на некоторые слои общества обширной польской эмигрантской общины, разбросанной по разным странам Запада, и прежде всего в США, и настроенной по преимуществу консервативно или даже воинственно антисоциалистически.

Это как раз были те факторы, которых так «не хватало», по мнению вашингтонских сценаристов, «пражской весны» 1968 г.

К этим объективным обстоятельствам «подверстывались» — и это было самым опасным для судьбы социализма — серьезные промахи и ошибки в деятельности органов партии и народной власти, проявившиеся прежде всего в пренебрежении назревшими проблемами хозяйственной политики, идеологической работы. Это не могло не вызвать нарастания негативных процессов, особенно в сфере общественного сознания.

Сценарий в работе — требуются исполнители...

Давлением на перечисленные «болевые точки» и планировалось вызвать процесс постепенного, с помощью враждебных новому строю элементов внутри страны, перерождения социализма в Польше. Основным объектом разлагающего воздействия был избран рабочий класс, ставка делалась на его отрыв от ПОРП, на нарушение связей между рабочими и их политическим авангардом¹.

¹ Именно поэтому была взята ориентация на модель капитализма не столько «американского», сколько «западноевропейского» образца. Как подчеркивал Бжезинский, «в Польше и во всей Восточ-

ной Европе стоит задача трансформировать мирным путем коммунистические правительства в правительства социал-демократического типа».

Главным в идеологическом обеспечении операции должен был стать тезис о создании такого «социализма», который включал бы в свою социально-политическую структуру «независимые профсоюзы» и «самоуправляемые предприятия». В идею об этом, призванную дворовитизировать и деморализовать массы польского рабочего класса, закладывались и теория «неурезанного дохода», раскритикованная еще К. Марксом, и реформистский идеал «общества потребления», и левые концепции «самоуправления», основанного на групповой собственности, — словом, любые идеологические оружие, казавшееся пригодным для этого случая. Были опровергнуты и отправные лозунги: «улучшенный социализм», «самоуправляемая экономика», «свободное предпринимательство».

Параллельно отработывалась и «организационная инфраструктура» (под этим подразумевалось создание взаимосвязанной и взаимодействующей подпольной сети). Она сводилась к двум основным постулатам: а) сеть антикоммунистических организаций должна быть сформирована задолго до начала «взрыва», чтобы руководить его подготовкой; б) основные кадры должны вербоваться из буржуазной и мелкобуржуазной среды (хотя в качестве «витрины» не исключались отдельные «рабочие деятели»). Однако для успешного достижения поставленных целей это должны быть люди не откровенно консервативных и даже не буржуазно-либеральных ориентаций, а приверженцы либо социал-демократизма, либо левого «революционаризма».

В конце 60-х гг. начался поиск подходящих фигур, способных в дальнейшем стать «агентами антикоммунистической оппозиции». В поле зрения сразу же попали два сравнительно молодых польских диссидента Я. Куронь и К. Модзелевский¹, спровоцировавшие в марте 1968 г.

¹ Эти «деятели» — Куронь и Модзелевский — давно уже шли рука об руку. И тот и другой в свое время были членами ПОРП. Свою «особую позицию» они продемонстрировали еще во время известных со-

бытий 1956 года. В 1962 г. Модзелевский установил в Италии контакты с одним из лидеров западноевропейских троцкистов Л. Мафгани. После возвращения из Италии Модзелевский привлек к троц-

студенческие еолнения в Варшаве — так называемый «мартовский путч»¹. Такая активность, «творетическая подкованность», а глвное — определенное соответствие воззрений этих деятелвй идеям, которые планировалось использовать для размягчения классового сознания польских рабочих, делали их в глазах вашингтонских теоретиков «ползучей» контрреволюции вполне подходящими кандидатурами. Бжезинский сразу подметил, что «программ» Куроня и Модзелевского, изложенная ими еще в 1964 г. и опубликованная в западной прессе, — это как раз то, что нужно. Говоря о ней в своей книге «Между двумя веками» (1970), Бжезинский отмечает, что их идейные установки «не имели достаточно четких очертаний». Но как раз подобная неопределенность установок и лозунгов вполне устраивала стратегов дестабилизации социализма, поскольку позволяла повернуть их в нужный момент в желательное русло.

кистской деятельности Куроня. Тогда же они вместе с философом-ревизионистом Л. Колаковским (позже эмигрировал в Англию и стал одним из идеологов польской «тихой» контрреволюции) организовали в Варшавском университете дискуссионный клуб «Кривой круг», где пропгандировали троцкистские идеи среди молодежи. В середине 60-х гг. Куронь и Модзлевский были исключены из ПОРП (Куронь — второй раз; впервые — в 1953 г.). Модзелевский был главным организатором скандального «празднования» в 1967 г. группой

сионистов в Варшаве «победы Израиля» в войне против арабов. В силу неуемного тщеславия и стремления покрововаться, Куронь со своими бонапартистскими замыслами всегда был больше на виду, хотя основной фигурой в этом «тандеме», как показели дальнейшие события, был Модзелевский. «Первым в ряду самых ярых врагов реального социализма в Польше, — писала в 1983 г. варшавская газета «Жолнеж вольности», — стоит Кароль Модзелевский, наиболее тесно связанный с враждебными диверсионно-вражескими центрами».

¹ По их замыслу он должен был начаться в Варшавском университете, а затем распространиться по всей стране. Авантюристическая затея не удалась. Вместе с ними организаторами «мартовского путча» (он совпал по времени с «пражской весной») были будущие активные деятели контрреволюции, ведущие

эксперты «Солидарности» А. Микник и Б. Геремек, именв которых читатель еще не раз встретит а этой книге. Так образовалось первоначальное руководящее ядро антисоциалистических сил — группа дирижеров польских событий 1980—1981 гг.

Западные подрывные центры начали работу с Куронем и Модзелевским, вначале исподволь углубляя и шлифуя их антисоциалистические воззрения, а затем и вооружая профессионально-организаторскими навыками нелегальной деятельности. Бойкий Куронь был намечен на роль лидера будущей антисоциалистической организации¹, а более политически острый и гибкий Модзелевский — ее «серого кардинала».

В соответствии с запланированным *«двухслойным» составом* будущих «сил сопротивления» (*управляемый* рабочий класс, другие категории трудящихся и *управляющая* элита — интеллигентские слои) распределялись обязанности и между имеющимися в распоряжении ЦРУ и других западных спецслужб информационными *каналами идеологического воздействия*.

Фактический филиал ЦРУ — радиостанция «Свободная Европа», вещающая на языках народов восточноевропейских социалистических стран (передачи на польском языке составляли 60 процентов), «Голос Америки», «Немецкая волна» и другие западные правительственные радиовещательные службы нацеливались на пропаганду в самой плоской форме, предназначенную для масс. Иная роль была отведена парижскому эмигрантскому журналу «Культура»².

¹ Вот характеристика личных качеств Куроня, данная польским публицистом Я. Кольчинским: «Я познакомился с ним, — рассказывает Кольчинский, — в начале 50-х гг., когда мы работали вместе в Варшавском комитете Союзов польской молодежи. Уже тогда он отличался самовлюбленностью и непомерными амбициями. В период октябрьских событий 1956 г. Куронь сколотил «Союз молодых бунтарей» —

группировку левацкого толка. Потом стал наставником одной из молодежных организаций харцеров. Из ребят 12—15 лет он намеревался сформировать свою личную гвардию, которая в дальнейшем послушно осуществляла бы его «теории» на практике. Эти педагогические упражнения были замечены. За антипартийную фракционную деятельность его в 1953 г. исключили из рядов ПОРП».

² Под «крышей» этого издания также обосновались штатные и внештатные сотрудники ЦРУ, из секретных фондов которого и оплачивались их услуги.

«Мы, политическая польская эмиграция, — писал в свое время один из редакторов «Культуры» Мирошавский, — рассматриваем Соединенные Штаты как своих

Надо сказать, что с первого же номера — а она начала выходить в 1946 г. сначала в Риме, а затем обосновавшись в Париже — «Культура» стала рупором самых реакционных кругов польской эмиграции. Но отныне ее «литературная деятельность» была переориентирована на Польшу, причем на избранную аудиторию. Журнал, по сути дела, превращался в трибуну, где должен был начаться обмен «теоретическими» и не столь «теоретическими» идеями между эмиграцией и антисоциалистическими оппозиционерами внутри страны¹.

Итак, можно констатировать, что к концу 60-х — началу 70-х гг. теоретическое обоснование и первые тактические разработки «операции Полония» были завершены². Настало время широкого поиска исполнителей ее главных ролей.

Эта задача также была поручена «Культуре». Началось обучение «элитарной» аудитории журнала методам и формам нелегальной работы, способам конспирации. С этой целью журналом было издано специальное «методическое пособие» под названием «Алфавит оппозиционера». Подробнейшую программу «мирной» контрреволюции в Польше представил в «Культуре» уже упоминавшийся Ко-

союзников и считаем, что для выполнения нашего долга мы должны иметь возможность действовать. Все союзники Америки пользуются

материальной помощью. Я не вижу, почему польская эмиграция должна отказываться от нее.

¹ Этот канал работал исправно благодаря помощи западных дипломатических представительств в Варшаве, которые, как сообщал летом 1980 г. парижский еженедельник «Пуэн», регулярно перевозили в дипломатическом багаже, на подлежащем таможенному досмотру,

сотни экземпляров этого издания и распространяли его по нужным адресам. Когда это открылось, массовый завоз «Культуры» прекратился. После этого ее стали распространять в виде ксерокопий, подготовленных в тех же посольствах.

² Именно в свете этих фактов португальский журналист М. Урбану Родригеш датирует начало «операции Полония» рубежом 70-х гг. И хотя план, разработанный Бжезинским, появился только в 1978 г.,

никакого противоречия между этими двумя датами нет. В первом случае речь шла о *плане подготовки «операции Полония»*, а во втором — о *плане ее фронтольной реализации*.

лаковский. Его статьей была открыта целая серия публикаций. В них излагались формы и способы конспирации, обосновывались лозунги, цели и возможные направления контрреволюционной работы в массах.

Перспективность этих «польских разработок» была как будто подтверждена гданьскими событиями декабря 1970 г. Как известно, волнения в рабочих центрах Балтийского побережья страны были вызваны тогда серьезными ошибками партийно-государственного руководства в социально-экономической сфере. И хотя этот конфликт не перерос в политическое выступление, сам факт забастовок и демонстраций настраивал стратегов и тактиков «ползучей» контрреволюции на оптимистический лад¹.

Во время этих рабочих выступлений на небосклоне контрреволюции как раз и появилась фигура, которой так недоставало заокеанским «сценаристам» для начала нового круга антипольской игры. Если определенной дезорганизованной части рабочего класса предназначалась роль главного дестабилизатора всей общественно-политической обстановки в стране, то нужен был, конечно, и «рабочий лидер», символ «пролетарского характера» буду-

¹Видимо, именно после этих событий и появилась обобщающая конкретная разработка «операции Полония». Этот документ пока неизвестен, но его основные положения, без сомнения, нашли отражение в введенном в действие в США с января 1974 г. «Боевом наставлении ФМ 33-5» под названием «Психологические операции — техника и приемы». В этом наставлении легко просматривается польская фактура. В одном из разделов этого воинского наставления разбирается «гипотетический пример» долговременной операции, проводимой США и странами НАТО против «неизвестной страны». Операция начинается с того, что в «неизвестном портовом городе» этой страны среди рабочих возникают волнения. Цель операции — помочь «угнетен-

ному народу самоопределиться», вызвать рост недовольства правительством и убедить «докеров и рабочих» в необходимости типичных выступлений. Авторы военного наставления рекомендуют далее поиски «эмоционального оратора», как его называют в документе, хорошо известного в рабочей среде данного района. Предусматривалось также использование радиостанций и распространение листовок в этой «неизвестной стране» с призывами к забастовкам и инструкцией по их проведению. Не случайно в унисон с американцами и западногерманская разведывательная служба (БНД) как раз в начале 70-х гг. создает свой долгосрочный «целевой план по Польше», сведения о котором просочились в западную прессу.

щих выступлений. Лех Валенса — молодой рабочий-электрик, которому тогда еще не было тридцати лет, разбитной, с неплохо подвешенным языком, хотя и невежественный в политике, по мнению западных подрывных служб, мог стать неплохим исходным материалом для постепенной лепки из него номинального «вождя рабочей революции». Он привлек их внимание, когда в декабре 1970 г. стал членом гданьского забастовочного комитета¹.

Итак, события декабря 1970 г. еще больше утвердили ввторов «польского сценария» во мнении, что при определенных обстоятельствах рабочий класс может стать главным объектом соответствующей обработки. Однако для этого были нужны: широкая сеть антисоциалистических организаций внутри страны, дальнейшее расшатывание классового сознания рабочих и, если удастся, углубление тех трещин, которые события декабря 1970 г. обнаружили в его отношениях со своим политическим авангардом.

Они подстегнули организаторов готовящегося «польского эксперимента», дали возможность уточнить конкретные детали, позволяющие повернуть те или иные события в нужном направлении, а также способы доведения положения в Польше до критической точки кипения.

Но чтобы довести страну до этой точки, необходимо было обзавестись мощными *экономическими рычагами дестабилизации*. Такими возможностями империализм в начале 70-х гг. не располагал. Их еще предстояло создать.

Все знают, что эти годы вошли в историю как рубеж, с

¹Вполне устраивали организаторов операции и личные качества Валенсы: стремление к популярности и жадность к деньгам, показная набожность и преклонения перед буржуазными стандартами жизни. Атмосферу, в которой формировался Валенса, достаточно наглядно характеризует тот факт, что его отец в 1973 г. эмигрировал в Америку, где сразу же примкнул к самым реакционным польским организациям, а в 1980 г. на выборах

голосовал за Рейгана. Между 1971 и 1980 гг. Валенса работал всего несколько месяцев электромехаником на судовых верфях в Гданьске. Все десять лет он проходил свои «университеты», будучи тесно связан с подпольем. Однако жил он с семьей безбедно. Все эти годы его содержала на свои средства католическая церковь. Поступали обильные «вспомоществования» и от зарубежных опекунов.

которого началась разрядка международной напряженности. Но Запад начал отказываться от курса «холодной войны» не по доброй воле, а только под давлением изменившегося соотношения сил на международной арене, достижения Советским Союзом, Варшавским Договором военно-стратегического паритета с США и НАТО. Социалистические страны, последовательно проводя курс на политическую и военную разрядку, разумеется, понимали, что в новых условиях следует ждать обострения борьбы на социальном и особенно на идеологическом фронтах. Однако не всегда и не везде в социалистическом мире соблюдали необходимую меру в поддержании контактов с капиталистическими странами. Это прежде всего относится к ПНР.

Соединенные Штаты имели свой взгляд на предназначение разрядки. Они рассматривали экономические связи со странами социализма, продажу требующейся им новой техники и технологии, предоставление торговых кредитов и займов в качестве эффективного средства, которое заставит эти страны пойти на политические и идеологические уступки.

Предпринятый маневр, оказавшийся безрезультатным в масштабах всего социалистического содружества, «сработал» в Польше¹. Ее бывшее партийно-государственное руководство проводило далеко не взвешенную внешне-экономическую политику, полагая, что можно «быстро и основательно» решить проблему создания мощного индустриального потенциала с помощью западных кредитов и массовой закупки промышленного оборудования в развитых капиталистических странах. Результаты такой политики не замедлили сказаться. Если до 1971 г. Польша имела активное сальдо в торговле с капиталистическим миром, то с 1972 г. оно превратилось в пассивное. В кредит было закуплено на 8 млрд. долл. оборудования. Уже в 1975 г. польский экспорт в страны Запада покрывал лишь 52 процента стоимости импорта. Так Польша была вовлечена в опасную «кредитную ловушку». Для того чтобы платить

¹Вспомним формулировку в «Пятом тезисе» Бжезинского: «...самое слабое звено среди государств Восточной Европы».

долги и проценты по ним, она вынуждена была брать все новые кредиты и займы под солидные проценты. По выражению журнала «Форчун» — органа большого бизнеса США, западные банки постепенно начали приобретать роль «финансового полицейского» Польши. *Экономический рычаг дестабилизации социалистической Польши становился реальностью.*

Вслед за введением в действие экономического рычага дестабилизации и опираясь на растущую финансовую, торговую и научно-техническую зависимость ПНР, Запад приступил к форсированному организационному обеспечению контрреволюционного процесса в этой стране. Иными словами — к активному содействию в создании там *политического рычага дестабилизации социализма.*

Тайные этажи «антивласти»

Вплоть до середины 70-х гг. в Польше не существовало сколько-нибудь заметных и четко оформленных антисоциалистических организаций, хотя диссидентские настроения в определенных, прозападно ориентированных интеллигентских кругах, целенаправленно формируемые парижской «Культурой», были довольно сильны.

При помощи западных радиоголосов во главе со «Свободной Европой», соответствующего подбора — специально для Польши — кино- и телефильмов и даже прессы рекламировались потребительство, националистические амбиции, расшатывались нравственные и социальные устои и идеалы польских трудящихся¹.

¹Размышляя недавно над «странностями» западного бизнеса по отношению к Польше в 70-е гг., варшавский ученый, доктор психологических наук Л. Войтасек привел любопытные цифры. За художественный фильм для телевидения ПНР платила американским прокатным концерном баснословно

дешево — всего тысячу долларов. Но тот же фильм, взятый у той же фирмы Францией или Канадой, обходился им минимум в 60 тыс. долл. Нет нужды пояснять, кто и почему компенсировал американским бизнесменам их убыточные контракты с Польшей.

Овладение экономическим рынком давлению на руководящие польские круги позволяло западным архитекторам «тихой» контрреволюции рассчитывать на успех своего проекта. «Организационная инфраструктура» контрреволюции могла уже создаваться под защитным зонтиком западных кредитов. Вместе с тем постепенно польским властям навязывались «правила игры» в отношении растущего диссидентства. Как говорил о тех временах на научной конференции в Варшаве (февраль 1982 г.) директор Института науки о партии Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП А. Косецкий, «деятельность антисоциалистической оппозиции была хорошо известна бывшему политическому руководству страны, которое, однако, стремилось выглядеть перед Западом либеральным, достойным доверия тех, кто давал Польше финансовый займы».

С помощью ведущих ученых-политологов в «мозговых центрах» США была разработана целая политико-организационная концепция, которая потом была переложена на язык четких инструкций для антисоциалистических оппозиционеров. Согласно этой концепции, «инфраструктура демократии» (читай: антипод политической системы социалистического общества) должна представлять собой триединство: «свободные политические организации», «свободные профсоюзы» и «свободная пресса». Начинать дело, естественно, следует с политических штабов, которые затем стимулируют создание «свободных профсоюзов» и «свободной прессы». Тем самым подпольем создается система как бы параллельных, или, другими словами, «альтернативных», структур «антивласти», дезорганизующей народное государство. В дальнейшем, в процесс «мирной» контрреволюции, они постепенно и не приметно заменяют институты социалистического государства.

Как мы увидим дальше, проследивая ход событий 1980—1981 гг., «оригинальные идеи» теоретиков польской контрреволюции вроде Куроня, Модзелевского и Геремека¹ относительно «антигосударства» и «альтернативных

¹ Геремек прошел типичный для вожаков польской контрреволюции

путь нравственного и политического падения. Он еще в молодости

структур» оказались простым пересказом тезисов, сформулированных за океаном почти десятилетием раньше.

В 1974 г. в ноябрьском номере парижской «Культуры» была опубликована инструктивная статья «Политическая оппозиция в Польше», в которой излагался конкретный «долговременный план» интенсивного насаждения подпольной сети. Было настоятельно рекомендовано незамедлительно приступить к сколачиванию «самоуправляемых инициативных групп», которым надлежало стать опорными пунктами будущей «антивласти». «Инициативным группам» вменялось в обязанность выпускать собственные нелегальные издания, а также использовать для своих целей легальную печать в Польше, особенно религиозную, и официальные общественно-политические институты. Это было сигналом к действию. *Начался интенсивный процесс создания подпольных структур.*

Как шёл этот процесс, достаточно хорошо известно. Однако не во всех подробностях. Считалось, например, что первым кирпичом в здании «альтернативных структур» контрреволюции стал так называемый «Комитет защиты рабочих» (КОР), созданный в сентябре 1976 г. и получивший впоследствии известность как главная пружина контрреволюционных событий 1980—1981 гг.

отличался неумным честолюбием. В своем стремлении продвинуться он тогда достаточно преуспел: до 1956 г. занимал пост в партийном комитете ПОРП в Варшавском университете, а затем работал в парткоме Академии наук. «Железной рукой», с позиций «сверхортодоксальности» подавлял, как вспоминают люди, работавшие тогда с ним, малейший намек на дискуссионность. Во время событий 1956 г. допустил тактическую ошибку: сделал ставку на крайне правых, ревизионистские силы в ПОРП, почитав, что с социализмом в Польше будет скоро покончено. В результа-

те он лишился высших постов. Однако, оставшись в Академии, выступал в амплуа специалиста по средневековой культуре». Пробыл три года во Франции на академическую стипендию, где вошел в тесный контакт с журналом «Культура». Участвовал в «мартовском путче» в Варшаве. После его провала был исключен из партии, но продолжал научную деятельность. Во время событий 1980—1981 гг. наконец как будто начал осуществляться его мечта — он занял пост руководителя группы советников «Солидарности».

Но совсем недавно — в конце 1982 — в начале 1983 г. — обнаружилось, что у КОР был «хозяин» — строжайше за-
конспирированная организация, ни разу за все время кри-
зиса не появившаяся на польской политической сцене.
Речь идет о «Польском независимом соглашении»
(ПНС)¹.

Она была создана в самом начале 1976 г. Организа-
ционная схема ПНС во многом воспроизводит принципы
деятельности и строения масонских лож и мафии. Именно
«Польское независимое соглашение» стало первым зве-
ном в выполнении того долговременного плана организа-
ции подполья, о котором оповестил в ноябре 1974 г.
журнал «Культура».

Как выясняется, ПНС осуществляла функции троякого
рода: во-первых, организатора и координатора деятельно-
сти антисоциалистической оппозиции во всех ее проявле-
ниях и формах: нелегальной, полуполигальной и открытой;
во-вторых, политического руководителя всей подпольной
сети — и на этапе подготовки контрреволюционного вы-
ступления, и на время самих событий; и, наконец,
в-третьих, ПНС служила главным канвлом связи польской
контрреволюции с ЦРУ и другими спецслужбами.

Словом, это была предельно узкая, элитарная под-
польная организация. В перспективе она должна была
стать центром формирования высшей иерархии «новой
Польши». «Она объединяла, — как подчеркнула в июне
1983 г. газета «Жолнеж вольности», — только избранных,
преисполненных чувства превосходства над «простона-
родьем», что предписывало ее членам готовиться к осу-
ществлению высшей власти после реставрации капитализ-
ма в стране».

Именно «Польскому независимому соглашению» Ва-
шингтоном поручалась задача «создания правовых и орга-
низационных рамок, гарантирующих возникновение и
упрочение плюралистической демократии в Польше».
Подготовленные ПНС инструктивные материалы издава-
лись только анонимно. И лишь самый узкий круг посвя-

¹ О нем стало известно из пуб- ября 1982) и «Жолнеж вольности»
ликаций «Трибуны пюду» (21 но- (16 апреля 1983).

ценных знал, что статьи, регулярно появлявшиеся на страницах «Культуры» без подписи, выходили из-под пера руководителей ПНС. Как писала 16 апреля 1983 г. «Жолнеж вольности», «организация под названием «Польское независимое соглашение» была решающим источником большинства организаций так называемой «демократической оппозиции» в Польше... Она тайно присутствовала во всех оппозиционных группировках».

Даже сегодня почти ничего не известно ни о руководителях¹ ПНС, ни о ее составе (предполагается, что в ней в качестве рядовых членов числились некоторые вожаки КОС—КОР и «Солидарности»). Известно только, что деятельностью ПНС руководил так называемый «учредительный комитет», часть членов которого постоянно находилась на Западе, осуществляя непосредственные контакты с подрывными центрами, будучи, так сказать, его посланцами.

Мы так подробно говорим здесь об этой необычной и самой зловещей организации польской контрреволюции, тогда нигде не упоминавшейся, но везде незримо присутствовавшей, потому что в дальнейшем читатель уже практически не встретится с ней на страницах этой книги.

¹ Только в 1982 г., например, выяснилось, что полномочным эмиссаром ЦРУ в Польше, одним из создателей «Польского независимого соглашения» был доктор философских наук З. Найдер. Именно в его руках были сосредоточены многие нити антисоветского заговора в 1980—1981 гг., хотя он был фигурой внешне малоприметной и не проявлял особой активности. Как выясняется, такие шумные и броские фигуры на сцене антисоциалистической оппозиции, как Куронь, Михник и другие, были сами марионетками в руках ПНС, «лишь паралагая, — как пишет «Жолнеж вольности», — на язык политической практики идиотные программы за-конспирированных «братьев», живым примером которых может служить Найдер». Бывший редактор еженедельника «Творчость» («Твор-

чество»), член Союза польских писателей, в последнее время — кандидат в доценты Варшавского университета, Найдер давно уже был кадровым сотрудником ЦРУ (контактировал и с английской разведкой). Как «специалист по вопросам культуры», регулярно, по многочисленным «приглашениям», выезжал в американские и английские университеты в порядке «научных обменов», а также в Париж и Мюнхен — штаб-квартиры «Культуры» и «Свободной Европы». В декабря 1981 г., поняв, что игра проиграна и опасаясь разоблачения, Найдер бежал из Польши. Ровно через четыре месяца, в апреле 1982 г., он был назначен шефом польской секции «Свободной Европы» — «честь», которой ЦРУ удостоивает лишь избранных.

Пока еще нет тех ниточек, которые могут повести к раскрытию ее роли на тех или иных этапах конкретных событий. Единственное, что достаточно наглядно,— это идентичность многих идей программы «Солидарности» (осень 1981 г.) директивам «Польского независимого соглашения».

И еще одна примечательная деталь. Руководя созданием широкой и взаимосвязанной подпольной сети, ПНС строго придерживалась рекомендованной модели (вспомним «триаду»: «свободные политические организации», «свободные профсоюзы», «свободная пресса»). В свете этого вновь открывшегося обстоятельства по-иному выглядит не только сама очередность, порядок создания организационных структур контрреволюции, но и их взаимодействие и иерархия.

С учетом роли ПНС совсем уже наивным выглядит миф о появлении антисоциалистической оппозиции как стихийной реакции различных слоев польского населения на ошибки властей, на деформации социализма. Да, эти ошибки и деформации были; более того, все осязаемое давало себя знать нарушение связи между ПОРП и властями, с одной стороны, и значительными массами трудящихся—с другой. Но без целенаправленной работы контрреволюционных элементов недовольство не вылилось бы в разрушительные действия, а нашло другие, может быть, острокритические, но конструктивные формы. К тому же в этих подпольных структурах простых рабочих и служащих тогда можно было пересчитать по пальцам.

Раскрытие глубоко законспирированной политической мафии, действовавшей под вывеской «Польского национального соглашения», еще раз подтверждает беспочвенность другой распространенной легенды: о «самоуправляемом», «независимом» характере возникших в период 1976—1979 гг. оппозиционных группировок. Становится ясным, что все эти «комитеты», «союзы», «движения», «объединения» и т. п. не представляли собой некой хаотичной совокупности. Хотя это и не всегда легко прослеживается, все они вписывались в жесткие рамки перевернутой пирамиды, острием которой была всемогущая ПНС.

В отличие от «Польского независимого соглашения»,

по поводу которого до сих пор западные средства массовой информации хранят гробовое молчание, учреждение в сентябре 1976 г. «Комитета защиты рабочих» (КОР), к которому вскоре прибавилось второе название «Комитет общественной самообороны» (КОС), получило самое широкое паблисити. И немудрено: ведь, кроме всех прочих функций, КОС—КОР предписывалось служить «прикрытием» для ПНС.

Момент для объявления о создании КОС—КОР выбирался весьма тщательно. Вначале было решено провести «генеральную репетицию», используя готовившееся правительством ПНР (об этом было широко известно) решение о повышении цен на некоторые продукты питания с компенсацией для значительной части трудящихся в виде увеличения зарплаты¹. Партийные организации, органы народной власти, профсоюзы перед принятием этих мер, в тот момент необходимых для восстановления равновесия на рынке, не разъяснили трудящимся, в силу каких объективных трудностей они экономически неизбежны. Этим умело воспользовались контрреволюционеры. Будущие лидеры КОС—КОР Куронь, Модзелевский и Михник², исподволь направляя недовольство рабочих в

¹ В 1978 г. в экономике Польши прозвучал первый тревожный сигнал: быстрое повышение денежных доходов населения при нивелирующемся

отставании темпов роста национального дохода вызвало нарушение равновесия на товарном рынке.

² Михник—давний коллега Куроня и Модзелевского на антисоциалистическом поприще (с середины 50-х гг.)—был одной из самых злобствующих фигур в истории польской контрреволюции. Человек действия и значительной энергии, питаемый ненавистью к социализму, он был не оратор-демагог, как Куронь, и не мастер изощренной интриги, как Модзелевский. Амплуа Михника—организаторская деятельность. Он был сторонником любых, самых низких методов в борьбе с социализмом, вплоть до

развязывания в подходящий момент открытого террора. Во время своих неоднократных поездок в Италию он досконально изучал «опыт» так называемых «красных бригад». Был тесно связан с Мартой Петрусевич, которую хорошо знал еще в Варшаве (в 1983 г. Петрусевич была привлечена к ответственности итальянскими органами правосудия за связь с «красными бригадами»). В период событий 1980—1981 гг. был одним из ведущих советников «Солидарности».

нужное им русло¹, взяли курс на выборочные забастовки. В качестве испытательного полигона ими были избраны предприятия воеводского центра на востоке страны — Радома и некоторые заводы и фабрики Варшавы, прежде всего тракторный завод «Урсус». Старания контрреволюционеров завершились определенными успехами: в июне 1976 г. и в Радоме, и в Варшаве прошли забастовки дезориентированных рабочих.

К сентябрю, когда было объявлено об учреждении КОС—КОР, пропагандистское обеспечение его появления, к которому приложили руку средства массовой информации Запада, сработало плохо. В дополнение к финансовому зонтику, который был, конечно, основным защитным средством, обеспечивающим свободу действий антисоциалистической оппозиции, стратегии «операции Полония» попытались создать КОС—КОР ореол «свободной организации трудящихся».

В состав КОР в качестве членов-учредителей вошли 34 антисоциалистических деятеля², среди которых настоящих рабочих, как говорится, «от станка», не было. «Крестным

¹ Накануне этих событий один из активных антисоциалистических оппозиционеров, профессор экономики Э Липиньский выезжал в Мюнхен — штаб-квартиру «Свободной Европы». Ведь для успеха задуманной акции необходима была интенсивная радиокомпания, направленная против правительственных мер, чтобы еще больше дезориентировать рабочих.

² Иногда возникают сомнения: не преувеличивается ли роль КОС—КОР, который, по его данным, был малочисленной организацией. Мог ли он при этом оказывать решающее влияние на ход событий? Действительно, КОС—КОР имел не так уж много «членов-учредителей»: к 34, поименно названным в 1979 г., были официально добавлены еще с десятков-другой новых фамилий. Но все дело в том, что в основу организационной структуры КОС—КОР был заложен хитроумный принцип. Во-первых, не все люди, публично объявленные как «члены-учредители» КОР,

действительно были его активистами. Вынесение их имен на официальную вывеску имело целью экзальтировать истинный (весьма малочисленный) штаб этой подпольной группировки. И второй элемент мистификации: главную силу КОС—КОР составляли так называемые «закрытые члены», которых было, очевидно, несколько тысяч. Цифра пока точно неизвестна, как, впрочем, и большинство самих «закрытых членов». Но именно они и были проводниками влияния КОС—КОР на другие — нелегальные и легальные — организации.

отцом комитета,— как писала в апреле 1983 г. «Жолнеж вольности»,— был Модзелевский, несмотря на то что сам оставался в тени находившихся на первом плане Куроня и Михника». Куронь наконец осуществил давно лелеемую мечту, обретя на Западе славу «вождя» движения за «обновление Польши», а Михник выступил в роли его «исполнительного директора». Именно в этом качестве он выезжал вскоре после создания КОР в Париж, где договорился с представителями ЦРУ и журнала «Культура» о совместных пропагандистских акциях и о столь необходимой финансовой и технической помощи. Заметим, кстати, что некоторым чинам католической церкви в Польше, хотя они и поддерживали явно и тайно антисоциалистическую оппозицию, претили откровенные контакты предводителей КОС—КОР с американской разведкой и ее «крышей» — парижской «Культурой». Вышиньский призывал паству осторожнее относиться к тем, кто, как он выразился, «стреляет из-за парижского забора».

По сценарию «операции Полония» КОС—КОР не предназначалась роль «рабочего объединения» (для этого планировалось создать «свободные профсоюзы»). Он должен был стать *главной политической организацией польской контрреволюции*, ее полулегальным штабом, так сказать, *alter ego* сверхсекретного дирижера — «Польского независимого соглашения».

КОС—КОР был задуман как «плюралистическое» объединение, способное собрать всех, кто был готов выступить против существующего строя. На первом этапе развития контрреволюционного процесса, согласно планам операции, не важно было, какой именно хотят видеть будущую Польшу члены КОС—КОР; главной «объединяющей идеей» становилось лишь одно — ненависть к реальному социализму. В Вашингтоне были уверены, что Польша, если удастся «отбросить» в ней социализм, будет такой, какой он пожелает ее видеть. Польская пресса в свое время насчитывала внутри КОС—КОР минимум семь ориентаций: анархизм, троцкизм, ревизионизм, реформизм, клерикализм, буржуазный либерализм и даже сионизм¹.

¹ В этой крайне пестрой идеологической смеси не было только фа-

шизма, крайне правого консерватизма и воинственного велико-

Этот разношерстный идеологически, но единый по главным политическим целям конгломерат должен был стать, во-первых, центром, от которого в самое ближайшее время должны были отпочковаться «специализированные» подпольные организации, работающие в разных социальных слоях и с разными профессиональными группами, и, во-вторых, «политической школой» антикоммунизма для подготовки руководящих кадров различных партий в «будущей ппюралистической Польше».

В связи с появлением КОР и терпимым отношением к этому польских властей на Западе росли радужные надежды. «С точки зрения... видимых проявлений либерализации, как она понимается на Западе,— с нескрываемым удовлетворением писал в 1976 г. известный американский политолог Р. Ремингтон,— можно сказать, что Польша не является теперь проблемой, ибо в ней все идет настолько хорошо, как этого можно только желать».

Итак, с сентября 1976 г. в ПНР начала активно функционировать формально незаконная, а фактически полуоткрытая политическая организация, на деятельность которой власти смотрели сквозь пальцы. Секрет КОР был воистину для большинства поляков секретом Полишинеля¹.

польского шовинизма. И это не случайно: у архитекторов антисоциалистического подполья на этот

счет были свои тактические резюмэ, о чем будет сказано ниже.

¹Как раз осенью 1976 г. автор был в ПНР на научном симпозиуме. Однажды в одном из варшавских кафе польские коллеги обратили мое внимание на двух посетителей, что-то громко и оживленно обсуждавших.

— Вот люди из КОС—КОР! — сказали мне. Эти два человека с крайне развязными манерами как-то не соответствовали моим представлениям о нелегальной антигосударственной деятельности. Конечно, в стране, находящейся в переходном периоде к социализму, могут встретиться люди, предпочи-

тающие ему буржуазные порядки. Но свобода действий для тех, кто собирается дестабилизировать страну, ликвидировать конституционный общественный и государственный строй, и создают для этого путчистскую организацию. Подобное не укладывалось в голове, но вполне вменялось в соответствующие статьи уголовного кодекса не только Польши, но и любого другого государства...

— А не опасна ли такая свобода для активных контрреволюционеров? — спросил я.

В соответствии с планом использования в качестве тарана дэмонстрация социализма двозначившихся слоев рабочего класса основное внимание КОС—КОР сосредоточил на поисках организационных форм будущих «свободных профсоюзов». Одновременно началось и формирование третьего элемента контрреволюционной «триады» — «свободной прессы». Ее первенцем стал подпольный журнал «Роботник» («Рабочий»), начавший циркулировать в стране уже в первой половине 1977 г. Впрочем, «Роботник» и был учрежден прежде всего для внедрения в сознание трудящихся самой идеи «свободных профсоюзов». Вскоре ему на подмогу пришли мюнхенская «Свободная Европа» и парижская «Культура». В феврале 1978 г. КОР создает так называемый «Комитет свободных профсоюзов» в крупном индустриальном центре на юге страны — Катовице. В апреле образуется «комиссия свободных профсоюзов (Балтийского) побережья», которая начала выпускать свой нелегальный бюллетень — «Роботник выбжежа» («Рабочий побережья»). Его первым редактором был контрреволюционный деятель нового, «второго поколения» — А. Гвязда¹, которое позже — уже

— Нисколько, — благодушно ставили мои собеседники. — Впервые, всех наших доморожденных «свергателей» можно накрыть одной шапкой. И потом — зачем из-за такой мелочи ссориться с Западом.

¹ В ноябре 1976 г. Гвязда примкнул к КОР. Тогда же он направил в сейм и одновременно на Запад письмо, в котором потребовал легализовать эту организацию. После подписания декларации о создании «комиссии свободных профсоюзов побережья», действовавшей тогда только на территории Гданьска, именно он оперативно передал ее в Мюнхен на радиостанцию «Свободная Европа», с которой с этого момента тесно сотрудничал по нелегальным каналам. Усиленно занимался распространением коровской литературы. Будучи введен,

Если понадобится, мы изолируем их за несколько часов.

Нисколько они заблуждались, стало полностью ясно ровно через четыре года.

как подчеркивала позже газета «Жопнеж вольности», «в первый круг святая святых» КОС—КОР, слабо разбирался в стратегии и тактике контрреволюции и в своих действиях руководствовался прежде всего слепой ненавистью к социализму. Гвязда был всегда сторонником самых крайних мер. После августа 1980 г. стал одним из руководителей фракции «радикалов» (или, как их еще называли, «фундаменталистов»), стремившихся незамедлительно покончить с социализмом в стране, поднять тотчас же «антикоммунистическое

во время событий 1980—1981 гг. изрядно потеснило «стариков».

Подавляющее большинство рабочего класса с большой настроенностью реагировало на такие «профзатеи» и не шло, как предполагалось, в массовом порядке в такие «пролетарские» комиссии и комитеты. Хотя уже без всякого энтузиазма относилось к действующим профсоюзам, пораженным тяжелой болезнью бюрократизма. У ПОРП и народной власти, без сомнения, тогда еще были все возможности остановить контрреволюцию. Но для этого необходимо было принять срочные и чрезвычайные меры, способные восстановить доверие рабочего класса. В том числе и оздоровить деятельность профсоюзов. Такие предложения все настойчивее звучали в среде польских коммунистов, но, к сожалению, высшее политическое руководство к ним не прислушалось.

КОС—КОР энергично продолжал работу по насаждению все новых антисоциалистических группировок. В мае 1977 г. им был создан «студенческий комитет солидарности» (СКС). В 1977—начале 1978 г. организации СКС возникли и начали действовать в Варшаве, Вроцлаве, Познани, Гданьске и Щецине. В Гданьске было создано так называемое «движение защиты прав человека и гражданина». Затем возникло «движение молодой Польши», которое создало свои группы в Кракове, Лодзи, Люблине, Щецине, Торуне, Варшаве и других городах. Начало выходить еще одно нелегальное издание — журнал этой организации под названием «Братняк»¹.

восстание» без какого-либо учета обстановки. Почти всех в КОС—КОР и руководстве «Солидарности» подозревал в «пособничестве» коммунистам. Вожаки КОС—КОР умело использовали крайний экстре-

мизм Гвязды для того, чтобы преодолеть свойственную Валенсе нерешительность и мягкотелость, сделав Гвязду заместителем председателя «Солидарности».

¹Во второй половине 1977 г. коскоровцы, действуя после первых экспериментов уже с размахом, в обстановке полной безнаказанности, организовали нелегальное издательство «Нове» (польская аб-

бревиатура его полного названия — «Независимое книгопечатное издательство»), которое к лету 1980 г. выпустило почти 100 книг вполне определенного содержания.

К концу 1977—началу 1978 г. КОС—КОР удалось сформировать почти во всех крупных промышленных и культурных центрах страны пока что малочисленную, но разветвленную сеть подпольных группировок. Их еще, конечно, предстояло выполнить количественно. Но организационные формы для вовлечения в антисоциалистическое движение какой-то части двух важнейших для осуществления целей контрреволюции групп польских трудящихся: рабочего класса и молодой интеллигенции (в том числе учащейся молодежи) были в основном готовы. Оставалось только ждать добычи в расставленные капканы¹.

Таким образом, можно констатировать, что к 1978 г. оба главных рычага для дестабилизации социалистической Польши—рычаг экономический, находящийся непосредственно в руках правящих кругов США и их союзников по НАТО, и рычаг политический в виде достаточно широкой и централизованной подпольной сети—были вчера готовы и могли быть задействованы синхронно и целенаправленно в нужный момент.

Грозный призрак тяжелых экономических и политических потрясений и народных бедствий вырисовывался все явственнее.

Возникает закономерный вопрос: понимали ли контрреволюционные активисты, что запланированный взрыв в ПНР, дестабилизация ее общественной и экономической жизни, разрушение хозяйственного потенциала страны, внесение нужды и лишений в каждую польскую семью выгодны лишь империалистическому Западу?

Знали ли эти люди, что заокеанские стратеги вовсе не собирались помогать созданию «процветающей и великой Речи Посполитой»? Что им было нужно ослабленное, находящееся в состоянии хронического кризиса польское государство? Верили ли те, кто постоянно твердил о «бо-

¹ К созданной сети фактически примыкала и фракционная разионистская группировка «Опыт и будущее», появившаяся под вывес-

кой хотя и не одобряемого, но все же действовавшего в ПОРП «дискуссионного клуба».

лее динамичном обществе» для поляков, в то, что империализм будет помогать им создавать такое общество, буквально засыплет страну займами и кредитами — и все это для того, чтобы в центре Европы, как похвалялся Валенса, возникла «вторая Япония»?

Но совершенно очевидно, что контрреволюционные вожаки — люди достаточно политически искушенные — отдавали себе отчет в том, как обстоит дело в действительности (рассказы и сказочки были предназначены для «простонародья»). Разумеется, они твердо знали, чего хотят. А хотели они получить свои «тридцать сребреников» — министерские посты, роскошь и миллионы в западных банках¹. Они твердо знали, что получают их в случае успеха «операции Полония». Что же касается народа, страны в целом, то их благо было этим людям, погрязшим в корысти и амбициях², безразлично.

¹ Сейчас стало известно, что 146 деятелей антисоциалистической оппозиции во время событий 1980—1981 гг. открыли свои личные счета в швейцарских и других западных банках. Если эти вклады — лишь их «трудовые сбереже-

ния», то куда уплыли многие миллионы золотых и иностранная валюта из касс бывшей «Солидарности» (о чем сообщили ревизоры, проверявшие ее финансовое хозяйство)?

² Но это вовсе не означает, что они отработывали свои «тридцать сребреников» самым примитивным способом — как платные агенты западных спецслужб. Может быть, некоторые из этих людей и пошли бы на это, но для ЦРУ был более целесообразен иной уровень отношений. Если так можно выразиться, «партнерский». Любопытное уточнение на этот счет внес на одной из пресс-конференций в начале 1982 г. полковник контрразведки ПНР З. Вислоцкий. «Меня часто спрашивают, — сказал он, — кто из руководства КОС—КОР и других подпольных организаций являлся агентом ЦРУ. Мне кажется, что этот

вопрос вызван недопониманием целей западных спецслужб в Польше. ЦРУ не было заинтересовано в том, чтобы главарь подрывных контрреволюционных организаций были пойманы с поличным как американские агенты. Для такой грязной работы были другие руки. Предводители КОС—КОР, например Куронь, не нуждались в том, чтобы пользоваться шифровками для общения с американскими разведчиками. Они свободно встречались между собой и обменивались данными и мнениями по той или иной интересующей обе стороны проблеме...»

Достаточно привести рассуждения «вождя польских рабочих», как его ввличают на Западе, Валенсы, который в порыве откровенности определил свое истинное отношение к народу. «Я всегда был по своей натуре предводителем наподобие барана, который ведет отару овец или быка, возглавляющего стадо,—говорил он в беседе с корреспондентом западногерманского журнала «Штерн» в начале 1981 г.—Людям тоже нужен такой бык, иначе стадо разбредется и сожрет чужую траву, которую найдет по пути, и ни одна скотина не пойдет в нужном направлении». Венский журнал «Критишес кристентум» («Критическое христианство») в своем майском номере за 1983 г. дает дополнительные штрихи к портрету Валенсы. Во время его интернирования (с декабря 1981 по ноябрь 1982 г.), как сообщает журнал на основе рассказов людей, встречавшихся тогда с Валенсой, главное, что его больше всего беспокоило,—это судьба личного капитала, находящегося на Западе. Как известно, в 1980—1981 гг., когда Валенса был главой «Солидарности», он получил много призов, премий и других наград, присужденных ему всякого рода западными организациями и фондами. В целом набралась кругленькая сумма—свыше миллиона долларов. Не без оснований парижская газета «Фигаро» 16 декабря 1982 г. назвала бывшего лидера «Солидарности» «самым богатым человеком в Польше». И временно интернированный «рабочий лидер» много размышлял над тем, в какие западные банки надежнее и с большей выгодой поместить свои деньги. Предложение Ватиканского банка, сообщает «Критишес кристентум», положить этот миллион в его надежные сейфы из расчета 15 процентов годовых (150 тыс. долл. ежегодного дохода) Валенсу вначале не устроило, ибо он слышал, что в США учетная ставка финансовых учреждений—20 процентов. Не должно же быть так, цитирует журнал брошенную в сердцах откровенную фразу Валенсы, чтобы многим «весь тот балаган пригодился больше», чем ему самому (под «балаганом» он подразумевает драматические события 1980—1981 гг.).

Вот они, движущие мотивы «борьбы за справедливость»; вот она, истинная цена предательства собственного народа.

«Один... ноль... пуск!»

Как раз в 1976 г., когда полным ходом шло формирование контрреволюционного подполья в Польше, в Белый дом пришел новый «тандем»: Картер—Бжезинский. Именно Бжезинскому предстояло завершить амбициозные планы «трансформации» социализма на его бывшей родине. «Польская проблема» стала одним из ключевых направлений внешней политики США.

К этому времени зависимость страны от западных кредитов, техники и технологии приближалась к критической точке. Торговый дефицит страны в обороте с Западом продолжал возрастать грозными темпами. Если за пять лет (1971—1975) Польша ввезла из развитых капиталистических стран товаров на 9 млрд. долл. больше, чем экспортировала туда (что уже было весьма опасным), то а последующие три года (1976—1978) положение катастрофически усугубилось. Дефицит в торговле с Западом выражался в огромной цифре — 12,5 млрд. долл. Эта разница покрывалась новыми кредитами и займами. В 1977 г. сумма долга ПНР Западу приблизилась к 15 млрд. долл. Проценты на них отнимали все большую часть экспортной выручки страны в конвертируемой валюте. Приближались и сроки, когда нужно было возвращать основные суммы, взятые в долг, чего нельзя было сделать без новых займов. Страна попала в замкнутый круг: чтобы отдавать старые долги, нужно было залезать в новые, еще более крупные. Кредитная задолженность росла как снежный ком.

Антипольская финансовая дубинка в руках Вашингтона становилась все более увесистой. Именно этот «способ убеждения», как подчеркивает ныне польская печать, был широко использован во время переговоров Картера—Бжезинского с польским руководством в Варшаве в декабре 1977 г. Американский президент без дипломатических реверансов поставил будущее польско-американских отношений, особенно в экономической сфере, в непосредственную зависимость от «прогресса в области прав

человека». Американская сторона оговорила, как стало известно впоследствии из польских источников, «особые условия» для получения Польшей кредитов на Западе.

Был достигнут «компромисс»: польские власти, дав обязательство «не трогать» КОС—КОР, в то же время отказались легализовать эту организацию. Такой «компромисс» вполне устраивал Бжезинского: ведь дело не в форме, а в существе. КОС—КОР получил требуемую «свободу рук».

Из всего, с чем читатель познакомился выше, должно быть понятным, почему именно начало 1978 г. (а как мы помним, «план по дестабилизации Польши» был утвержден президентом Картером весной того года) было избрано в качестве момента перевода «операции Полония» в решающую стадию, именуемую на жаргоне американских подрывных центров «психологической атакой». Все дело в том, что *основные рычаги экономической, политической и идеологической дезорганизации Польской Народной Республики были наготове*. После небольшой достройки и шлифовки анутрипольского рычага можно было нажимать на кнопку «пуск».

«Психологическая атака» началась в профессионально точно избранный момент. Годом-двумя раньше еще не была готова контрреволюционная подпольная сеть, а двумя-тремя годами позже благоприятный момент мог оказаться упущенным. Дело в том, что в руководящих польских кругах, прежде всего в самой ПОРП, началось постепенное, хотя и замедленное, осознание пагубности «кредитной лихорадки», намечался поворот к более взвешенному внешнеэкономическому курсу. Принимались — правда, пока что половинчатые — меры к изменению неблагоприятного соотношения между экспортом и импортом в торговле с развитыми капиталистическими странами. Определенные сдвиги в этом смысле уже обозначились. По сравнению с 1975 в 1979 г. пассивное сальдо в торговле с Западом сократилось в два раза. Однако драгоценное время уже было во многом упущено, прежнее руководство так и не сумело глубоко и самокритично проанализировать свои ошибки и осуществить давно ставший насущным кардинальный поворот во внешнеэкономической стратегии.

Белый дом не мог не учитывать в своей антипольской программе эти уже наметившиеся новые тенденции в ПНР. Крупнейшие эксперты Запада все более склонялись к мнению, что благоприятный момент может быть упущен и Польша сумеет через несколько лет выбраться из «кредитной ловушки»¹.

Поэтому весь огромный дестабилизирующий механизм был быстро и решительно запущен на полную мощность в 1978—1979 гг.

С этого момента начался отсчет времени, оставшегося до запрограммированного Вашингтоном «спонтанного взрыва» общественного недовольства в Польше.

Если мы вспомним основные позиции «плана Бжезинского», то легко убедимся, насколько пунктуально он выполнялся. Вот перечень некоторых внешне разрозненных событий 1978 г., которые выстраиваются в единую цепь, если посмотреть на них с этой точки зрения.

В срочном порядке созывается съезд всех польских эмигрантских организаций в США. Они ставят перед своими членами задачу: «оказывать финансовую помощь Польше» (но лишь при условии «соблюдения прав человека»); «усилить поддержку католической церкви и диссидентов»; «лично содействовать изменениям» в стране. Вскоре в ПНР хлынул поток американцев польского происхождения «в гости к родственникам». В 1978 г. было зарегистрировано рекордное число таких «гостей» — 120 тысяч человек. В последующие два года их количество не снижалось. Часть из них «временно» обосновалась «на родине» (несколько десятков тысяч человек). Как стало известно позже, расходы, связанные с пребыванием в ПНР, аккуратно возмещались им различного рода благотворительными фондами.

В середине 1978 г. был утвержден секретный циркуляр

¹Характерен вывод, сформулированный авторитетной в западных кругах газетой «Франкфуртер альгемайне цайтунг», которая писала 18 августа 1980 г.: «Если бы Варша-

ва смогла продолжить в течение ближайших двух-трех лет нынешнюю экспортную и импортную политику, то ей бы удалось в основном выпутаться».

Управления по международным связям (ныне Информационное агентство США) с конкретным планом работы на Польшу на 1979—1980 гг. Многие формулировки этого документа почти дословно цитируют «план Бжвэинского». Рекомендуются, в частности, использовать: «существенное влияние католической церкви в Польше», «возможности большой польской общины в США», «все возможные средства для подрыва экономической и политической привязанности Польши к СССР и другим коммунистическим государствам, входящим в Варшавский Договор и Совет Экономической Взаимопомощи», «поощрение тех поляков, которые выступают против проводимой в стране политики». Одновременно по указанию президента Картера в том же году было увеличено вдвое время передач радиостанции «Свободная Европа» на польском языке.

Оперативно реализовывались и те пункты американского плана, которые касались вовлечения в его орбиту союзников США. К концу 1978 г. в штабах НАТО появляется согласованный со всеми ее членами секретный план под кодовым названием «Хилекс-5». Основное внимание в нем было сконцентрировано на координации между партнерами по Североатлантическому блоку финансово-экономической политики в отношении ПНР с целью дальнейшего расшатывания экономики страны и повышения уровня ее зависимости от Запада. Принятие плана «Хилекс-5» означало, что *международный заговор против социалистической Польши к этому времени не только был организован, но и договорно оформлен между соответствующими правительственными службами ряда стран—членов НАТО*. Одновременно планируемыми службами НАТО были внесены коррективы в разработку стратегических и тактических военных планов. С 1978 г. при проведении штабных игр и маневров в обязательном порядке предусматривался фактор «использования возможных забастовок и волнений в социалистических странах».

Так обстояло дело с подготовкой внешних рычагов развязывания и поддержки контрреволюционного процесса в ПНР.

В самой Польше создание этажей «антивласти» тоже приближалось к завершающей стадии.

Как уже отмечалось, в 1978—1979 гг. в стране сформировалась разветвленная сеть подпольных «объединений», «союзов», «комитетов». К лету 1980 г. вряд ли можно было найти сколько-нибудь значительный польский город, где не функционировали бы их небольшие, но активные ячейки, уже готовые принять под свое крыло «разгневанные массы», когда придет запланированный «час икс». Появляются и новые, «специализированные» организации (например, по инициативе некоторых преподавателей краковского Ягеллонского университета в конце 1979 г. возникает «академическое движение обновления», которое быстро распространяет свое влияние на другие университетские центры). Но в целом последние два года перед началом событий 1980—1981 гг. были отмечены ростом уже существующих подпольных группировок, их подготовкой к контрреволюционному «сезону половодья».

Однако, как говорится, нет правила без исключения. 1 сентября 1979 г. объявилась новая контрреволюционная организация под громким названием «Конфедерация независимой Польши» (КНП), которой суждено было сыграть заметную разрушительную роль в событиях, начавшихся после лета 1980 г.

На первый взгляд в обстоятельствах ее появления было много нелогичного. Зачем, казалось бы, к КОС—КОР нужно подсаживать еще одну организацию общеполитического характера? Для чего был нужен этот конкурент? Ведь этот «последний штрих» был нанесен на практически уже законченный «полотно» под названием «антисоциалистическое подполье». И, как увидим, не случайно.

Сколотить КНП было поручено давно известной своим теснейшим альянсом с ЦРУ диверсионно-террористической организации «Свободная Польша», штаб-квартира которой находится в США со времени ее основания в 1975 г. Возглавляет ее некий Ганф — немец, родившийся и выросший в Польше, бывший агент фашистского гестапо. Эта организация объединяет лиц польского происхождения, сотрудничавших с гитлеровцами и после раз-

грома фашизма бежавших на Запад. Даже консервативно настроенные круги польской эмиграции Ганфа и его «Свободную Польшу» демонстративно отвергают.

В первой половине 1979 г. «Свободной Польшей» была составлена политическая программа для КНП, разработана ее организационная структура и подобрано первоначальное ядро учредителей из числа «своих людей» в самой Польше. Так что в сентябре 1979 г. произошла, если говорить по существу, простая смена вывесок: агентура Ганфа в ПНР из «отделения» «Свободной Польши» превратилась в формально самостоятельную «Конфедерацию независимой Польши».

Так, меньше чем за год до начала «польских событий» рядом с КОС—КОР—политическим штабом польской контрреволюции, стянувшим под свои знамена основную массу антисоциалистических элементов, был размещен его «квази-конкурент» с крайне националистической и откровенно антикоммунистической программой.

Конечно, идеология воинствующего великопольского шовинизма, копирования почти без изменений буржуазно-помещичьей платформы Пилсудского—фашиствующего диктатора довоенной Польши—не могли, по крайней мере на первых порах, обеспечить КНП сколько-нибудь массовой социальной базы даже в среде антисоциалистической оппозиции. «Мы отвергаем программу эволюции,— как бы в пику КОС—КОР заявлял «вождь» КНП Л. Мочульский⁴,— ибо не хотим никаких преобразований существующей системы с сохранением ее основополагающих структур, а стремимся к разрушению самих

⁴ Мочульский—в то время 50-летний публицист, взгляды которого представляли собой крайнюю степень правого радикализма, выступав на протяжении многих лет в западной печати как открытый противник социализма. Идеалом государственного устройства он считал режим довоенной Польши. 24 раза привлекался к ответственности

за антигосударственную деятельность. Был одержим антисоветизмом и ненавистью рабочий класс. Его политическим манифестом была непегапная брошюра «Революция без революции», которая воспроизводила практически полностью основные программные тезисы «Свободной Польши».

этих структур. Различные формы вооруженной борьбы могут оказаться самым успешным и необходимым методом».

Подобная лобовая платформа тем более не могла рассчитывать на отклик в трудовой среде. Но такая задача и не ставилась.

Истинный смысл появления КНП на горизонте польской контрреволюции можно понять, если вспомнить, что подготовленный в Вашингтоне сценарий был *двухвариантным*. И в каждом из этих вариантов «конфедератам» была уготована своя роль.

Возьмем первый вариант. В случае успешного осуществления планов дестабилизации польского социалистического государства методом «тихой» контрреволюции, главным рычагом которой был КОС—КОР, «Конфедерация независимой Польши» должна была стать не конкурентом КОС—КОР, а своеобразной «группой давления» на весь антисоциалистический фронт с крайне правого фланга. Как справедливо заметила «Жолнеж вольности» 8 января 1982 г., именно в этих целях «было решено создать квази-конкурентную КОС—КОР—крайне националистическую и антисоциалистическую организацию, которая активизировала бы контрреволюционные силы».

Появление подобного «правого фланга» должно было сплотить и подтолкнуть под крышу «широкой плюралистической, либеральной» программы коровцев колеблющиеся, нерешительные общественные группы в стане антисоциалистической оппозиции. Прямая полярность программ КОС—КОР и КНП—либерализм и реформизм против фашиствующей пилсудчины—предreshала выбор этих группировок в пользу коскоровцев. Именно поэтому «конфедератам» предписывалось скрыто внедряться в другив антисоциалистические группировки.

Совершенно иная роль предназначалась КНП в том случае, если ход событий с неизбежностью потребует обращения ко второму варианту, заложенному в «плане Бжезинского»,—открыто насильственному вооруженному путчу. В этих обстоятельствах именно «конфедераты» превращаются в основной рычаг переворота. Вот в чем, пожалуй, самая важная причина создания в канун вступле-

ния «операции Полония» в решающую фазу этой, построенной на началах железной дисциплины, вовнезированной организации. КНП с самого начала строилась по образцу тех подпольных вооруженных антисоциалистических групп, которые действовали на территории Польши в первые годы народной власти; поэтому она была таким формированием, которое в случае необходимости можно было мгновенно превратить в хорошо вооруженные и обученные штурмовые отряды.

Свое основное внимание, как мы увидим дальше, «конфедераты» сосредоточили на той неустойчивой части молодежи, которую можно было сравнительно быстро при необходимости «взять под ружье», оставив рабочий класс и интеллигенцию как материал, более пригодный для целей «ползучей» контрреволюции, в основном на попечении своего «визави» — КОС—КОР.

Так что считать «Конфедерацию независимой Польши» с ее «старомодной» идеологией и лобовыми методами действий лишь инородным образованием, как подчас представляется дело не только на Западе, но и в некоторых польских кругах, было бы глубоко ошибочным.

При всем отличии тактических программ и способов контрреволюционного действия «эволюционисты» из КОС—КОР и сторонники методов «железной руки» из «Конфедерации» в борьбе с социализмом вполне уживались друг с другом, олицетворяя *два разных пути достижения одной цели*. Каждая из них делала свое дело, для каждой из них планировался и свой «звездный час».

«Конфедерация», стало быть, оказалась последним, но достаточно важным элементом разветвленного контрреволюционного подпольного механизма, сформировавшегося в Польше к 1980 г. Он не представлял собой конгломерата автономных группировок и кружков, спонтанно возникших на «волне народного недовольства», а был, как мы видим, целенаправленно и тщательно «сконструирован» по довольно строгой иерархической централизованной схеме. К середине 1980 г. в Польше насчитывалось около 40 таких группировок со своими филиалами и отделениями во всех или в большинстве воеводств страны. Почти все они действовали, не особенно утруждая себя конспирацией, на глазах у властей. С одной стороны, их

бережно охранял «финансовый полицейский» — западные кредиты, размеры которых строго соотносились с уровнем «соблюдения прав человека»¹, а с другой — нво-правданная уверенность прежнего политического руководства страны, не осознававшего всей огромной опасности растущего подполья. Деятельность антисоциалистических группировок оно расценивало больше как фрондёрство мелких и разобщённых диссидентствующих группок².

Достаточно полно просматривается сегодня и организационная соподчинённость частей всего подпольного механизма.

Тайным штабным бункером контрреволюции, напрямую связанным с ЦРУ, было «Польское независимое соглашение» (ПНС). Ему, надо полагать, подчинялся КОС—КОР — в качестве полулегального руководящего политического центра. Последний, в свою очередь, имел своих полномочных — официальных или тайных — эмиссаров в антисоциалистических организациях, работающих в отдалённых социальных и профессиональных группах населения. Пока что до конца не раскрыты каналы этих иерархических связей, ещё не известно, кто из руководителей ПНС входил в руководящую верхушку КОС—КОР, «Солидарности» и т. д. Не ясна пока и схема соподчинённости «Конфедерации независимой Польши»: направлялась ли

¹ Приведем здесь ещё одну поддержку из «плана по дестабилизации ПНР»: «Всеми средствами нужно навязать Польше политику получения больших займов в странах Западе на покупку импортной технологии для подъёма экономики. Теоретически эта политика выгля-

дит обнадеживающе, однако на практике она приведет к такому положению, когда... экономическое давление заставит Варшаву идти на уступки Западу, принося в жертву элементы коммунистической доктрины».

² Но к 1980 г. их уже нельзя было «собрать» в ту «одну шапку», о которой автору этих строк толковали польские собеседники в 1976 г. Недооценка опасности контрреволюции влекла за собой ослабление бдительности, что настраивало на благодушный лад даже те организации, которые отвечают за спокойствие и безопасность государст-

ва. Обилие антисоциалистических группировок, которые начали вдруг вылезать из всех щелей со времени начала общественно-политического кризиса летом 1980 г., оказалось почти полной неожиданностью и вызвало, по свидетельству польской прессы, растерянность властей.

она как параллельная организационная структура непосредственно из Вашингтона через филиал ЦРУ «Свободная Польша» или же подчинялась «Польскому независимому соглашению».

Однако весь этот подпольный механизм в 1979 г. оставался всего лишь каркасом, «эскизом»; этот «эскиз» еще предстояло прорисовать: подготовить и расставить на местах руководителей разного уровня и заполнить созданные ячейки механизма массами, прежде всего рабочими.

Первоочередное внимание было уделено подготовке кадров для будущих «свободных профсоюзов». Эта задача была поставлена в 1978 г. в соответствии с запрограммированным ходом контрреволюционных событий, которые должны были начаться с рабочих забастовок, создания забастовочных комитетов, перерастающих в структуры новых «профсоюзов». Было запланировано и место, где должно было начаться «стихийное движение рабочего протеста», — город Гданьск. «Лозунг свободных профсоюзов, — писал на страницах коскоровского журнала «Роботник» в октябре 1980 г. один из руководителей КОС—КОР Г. Вуец, — был частью нашей программы уже два года тому назад. Мы уже тогда знали, что путь к их созданию лежит через организацию забастовок и стачечных комитетов. Мы предвидели, что все это начнется в Гданьске». Весьма любопытное признание.

Поэтому к подготовке преданных КОС—КОР активистов «свободных профсоюзов» приступили уже в 1978 г. В это дело включился не только «Роботник», но и специально созданный в подполье в середине того же года журнал «Рух звязковы» («Профсоюзное движение»). Кроме того, КОС—КОР организовал специальные учебные сборы для будущих «профсоюзных активистов». После получения соответствующих инструктажей они специально устраивались на важнейшие предприятия, благо повсюду требовались рабочие руки. Там они исподволь нащупывали тех, на кого можно будет опереться. В помощь им была выпущена специальная серия брошюр «Библиотечка рабочего», распространявшаяся массовым тиражом. Нельзя не упомянуть в этой связи и о настоящей массовой атаке на умы и чувства рядовых поляков, которую предприняли

в канун событий 1980 г. «Свободная Европа», «Голос Америки», «Немецкая волна» и другие западные радиостанции.

По инициативе КОС—КОР в конце 70-х гг. в крупнейших польских городах были организованы нелегальные общества по чтению «общеобразовательных лекций», или, как их прозвали, «летучие университеты». На такие «лекции» допускали не каждого желающего. Вначале тщательно проверяли «абитуриента», его социальное происхождение, взгляды, ближайшее окружение. Занятия «летучих университетов» проходили на частных квартирах. Здесь давали необходимый набор идейных концепций и политических лозунгов, навыки конспиративной работы. Списки прошедших «курс обучения» передавались руководителям подпольных центров. Так создавался резерв, из которого черпались кадры низовых работников подполья для использования их, как только начнется открытый контрреволюционный процесс.

В итоге к середине 1980 г. антисоциалистические силы насчитывали уже не две-три сотни, как это было к середине 70-х гг., а несколько тысяч достаточно хорошо обученных и организованных активистов, готовых к практическим действиям.

К 1980 г., таким образом, было не только в основном завершено формирование «командного состава» контрреволюции, созданы необходимые организационные структуры, но и достаточно расшатано — в той степени, какая была необходима, по мнению организаторов «операции Полония», — гражданское сознание значительных масс польских рабочих, других социальных групп трудящихся. Внешние и внутренние силы контрреволюции были готовы начать штурм социализма.

По команде свыше спровоцировать «стихийный общественный взрыв» было поручено банкам¹.

Как это произошло, подробно поведала в октябре 1980 г. газета «Нью-Йорк таймс»: «В прошлом году поль-

¹ Финансовая задолженность ПНР Западу к этому времени пере-

валила за критическую точку и приближалась к 20 млрд. долл.

ское правительство наконец согласилось представить западным банкам более подробные данные об экономическом положении страны. Его просили дать эти сведения побыстрее в соответствии с достигнутыми соглашениями в целях укрепления доверия (банков). Польша пошла на это, чтобы обеспечить поступление новых кредитов для погашения долгов.

Право на более активный контроль за делами в Польше дало банкам Запада возможность настаивать на внесении изменения в экономическую политику страны. Они поставили вопрос о срочном сокращении государственных субсидий на поддержание стабильных цен на продовольствие во имя увеличения запасов иностранной валюты.

Нажим, оказанный банками на последних переговорах о кредитах (начало 1980 г.—В. Т.), заставил Польшу принять решение о повышении розничных цен на мясо, что, в свою очередь, вызвало волну забастовок (курсив мой.—В. Т.)¹.

В связи с началом забастовок в ПНР летом 1980 г. западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг» патетически восклицала: «...начался исторический эксперимент. Проверяется, верен ли тезис о том, что можно добиться изменения коммунистической системы путем мирного сближения Запада с Востоком. Ибо именно эта идея была и остается идеологическим обоснованием той политики, которая проводится Западом вот уже 10 лет... На примере Польши станет ясным, чего стоят хельсинкские договоренности... Сближения было более чем достаточно, теперь на очереди долгожданные перемены!»

Итак, пусковой механизм дестабилизации Польши был включен. Начался обратный отсчет времени: «три... два...

¹Здесь «Нью-Йорк таймс» умышленно упрощает цепь событий в Польше летом 1980 г., их причинную связь. Сами по себе корректировки цен, которые в силу разных причин проводятся в социалистических странах, не ведут к па-

дению жизненного уровня населения. Вопрос о ценах, конечно же, не был причиной, а только последним необходимым контрреволюции толчком для того, чтобы «начать делов».

один...» Но обязательно ли этот механизм должен был сработать? А если да, то так ли уж неотвратимо это должно было привести Польшу к общественным катаклизмам той силы и того масштаба, на которые рассчитывали в Белом доме, в правящих кругах всего Запада?

Tygodnik

SOLIDARNOSĆ

..СОЛИДАРНОСТЬ":
ПУТЬ В НИЧТО

bratniak 28

GONIEC

MALOPOLSKI

WYDAJE

Nr 34

Grupa
10.06
1981.

KRAKÓW

NSZZ SOLIDAR

SOLIDARNOSĆ
DOINOSIĄSKA

7 kwietnia 1981 r.

NR 4

UNIVERSITAS

NSZZ "SOLIDARNOŚĆ"

WIAOMOŚCI
KRAKOWSKIE

Запущенный Вашингтоном механизм перевода «операции Полония» в ее завершающую стадию сработал в положенное время. В июле 1980 г. в ряде польских городов прошла первая волна массовых забастовок. Потенциальная опасность контрреволюции, ее попыток реставрации капиталистических порядков, всегда существующая в классово разделенном мире, превратилась для социалистической Польши в разрушительную реальность.

Такой драматический поворот событий лета 1980 г., конечно, не был, да и не мог быть, лишь результатом действий, пусть самых энергичных и сконцентрированных, внешних империалистических сил. Империализм давно уже перестал быть всемогущим. Своими перманентными и настойчивыми подрывными акциями он еще способен осложнить строительство нового общества, но не в состоянии прервать его. Зловещий образ всемогущего сеятеля плевел, который полными пригоршнями разбрасывает семена контрреволюционных сорняков где и когда ему заблагорассудится, и они, дружно прорастая, заглушают все, что уже возделано на социалистических нивах, сегодня явно устарел.

Угроза социализму, реальная опасность контрреволюции может возникнуть и возникает, как показывает исторический опыт, лишь там и тогда, где и когда акции империализма «совмещаются» с серьезными и длительными ошибками во внутренней политике стран, против которых эти акции направлены. Эти ошибки, волюнтаристски нарушающие закономерности движения и развития нового социального строя, постепенно накапливаясь и распространяясь на все сферы общественной жизни, вы-

зывают серьезные деформации. Так возникают предпосылки социально-экономических кризисов и кризисов общественного сознания, особенно опасных в условиях, когда страна еще не завершила основных задач переходного периода от капитализма к социализму и в ее социальной структуре сохраняются буржуазные и мелкобуржуазные группы и слои. Именно это и случилось в Польше.

Нельзя в целом не согласиться с оценкой основных источников, причин и движущих сил кризисного развития в ПНР в 1980—1981 гг., высказанной недавно заместителем главного редактора газеты «Трибуна людей» Е. Крашевским: «Мы много говорим о кризисах в народной Польше и ищем их причины в наших ошибках. Это правильный путь, но будем же справедливы: факторами, серьезно способствовавшими кризису, были как в 1956 г., так и в 1980 г. такие реакционные группировки и западные центры. Вначале они использовали наши ошибки, в затем становились самостоятельной движущей силой кризисов». Что ж, эту «схему» возникновения кризисного процесса в Польше, постепенно перерастающего в контрреволюционный, можно принять, но с одним, и не наш взгляд, существенным уточнением.

Вряд ли будет правильно столь категорично делить этот процесс на изолированные «отсеки»: сначала — ошибки, а потом уже действия империалистических и контрреволюционных сил. Столь ли они автономны? Не способствуют ли внешние силы появлению и усугублению тех «внутренних ошибок», которые выступают в роли «первотолчков»? Сегодня подобная постановка вопроса не выглядит столь уж умозрительной¹.

¹ Не случайно, видимо, influential в западных правящих кругах «клуб мудрецов» — так называемая «трехсторонняя комиссия», состоявшая из ведущих бизнесменов, политиков и политологов США, Западной Европы и Японии, организованная в начале 70-х гг. американским миллиардером

Д. Рокфеллером под председательством все того же вездесущего Бжезинского, в своем докладе «Капитальное рассмотрение отношений между Востоком и Западом» (1976) настоятельно рекомендовала правительствам западных стран «формулировать перед (коммунистическим) партнером альтернативу»

Однако ограничиться правильными, но довольно общими констатациями — значит сказать слишком мало о существе польских событий. Ведь контрреволюционный процесс в Польше — стране как будто по всем статьям благополучной и процветающей — вылился в столь специфические формы, получил такой размах, а негативные явления иногда принимали здесь такие внешне привлекательные черты, что все это никак не укладывается в стереотипы, привычные нашему сознанию¹.

Разностороннее осмысление характера и форм острого кризисного развития, открытого бурными событиями середины 1980 г., продолжается и поныне — не только в Польше, но и среди марксистов других стран. И это понятно: ведь на вопросы, поставленные тогда самой жизнью, можно ответить, лишь скрупулезно изучая — круг за кругом, все еще открывающихся фактов и обстоятельств — противоречивую и запутанную картину тех тяжелейших для польского народа шестнадцати месяцев.

Вот некоторые из них, сформулированные теоретическим и политическим журналом ПОРП «Наша дорога» в мартовском номере за 1983 г.: «Как же случилось, что через 37 лет после установления народной власти в Польше правые силы оказались столь сильны? Почему им удалось столь успешно использовать допущенные у нас ошибки и направить недоброжелателей трудящихся в выгодное для себя русло? Где истоки процесса, который начался с выдвижения требования создать новые профсоюзы и завершился планами захвата власти? Почему часть рабочего класса некритично подпала под влияние антисоциали-

вы так, чтобы тот или иной предлагаемый нами курс во внутренних делах представлялся ему более выгодным». Известно, что «клуб муд-

рецов» слов на ветер не бросал и его рекомендациями мало какое западное правительство пренебрегало.

¹ И первым среди таких явлений, конечно, был феномен «самоуправляемого рабочего профсоюза» «Солидарность», который на поверку оказался — но как долго многим

пришлось идти к этой истине! — хитроумной фикцией: и не рабочий, и не самоуправляемый, и не профсоюзом.

стических кругов в руководстве «Солидарности»? Почему этот процесс продолжался столь долго и почему часть общества и по сей день не отдает себе отчета в том, что дальнейшее контрреволюционное развитие событий привело бы к развалу государства и национальной катастрофе?» Перечень подобных «трудных» вопросов можно было бы продолжить. Скажем, в силу каких причин нарушилась связь между ПОРП как политическим авангардом рабочего класса и значительными группами этого ведущего класса польского общества? Или: почему в польском обществе возник глубокий кризис общественного сознания, столь явственно сказавшийся на превращении экономического кризиса в политический с перерастанием последнего в длительный социально-политический конфликт?

Эти и другие проблемы, вставшие в связи с кризисным развитием 1980—1981 гг., находятся, по сути дела, в центре внимания каждого пленума ЦК ПОРП, какие бы конкретные задачи ни рассматривались на них,— а таких пленумов прошло со времени IX Чрезвычайного съезда польских коммунистов (июль 1981 г.) уже 14. Собираются научные конференции и симпозиумы. Словом, начата серьезная аналитическая работа. И она продолжается.

До и после «жаркого лета» восьмидесятого

Для того чтобы лучше понять причины событий, случившихся в ПНР на грани 80-х гг., стоит вернуться назад и остановиться, хотя бы кратко, на некоторых вехах почти 40-летней истории народной Польши.

Но прежде—одна любопытная деталь. Западные радио- и телестанции, другие средства массовой информации, которые изо дня в день живописуют материальные

трудности жизни поляков, острый дефицит многих товаров первой необходимости, буквально десятилетиями почти не сообщали ничего капитального и серьезного об этой стране. В течение 35 лет информация о Польше (исключая, разумеется, периоды обострения здесь политической или экономической ситуации) была настолько редкой и скудной, что западный слушатель или читатель мог и забыть о существовании в центре Европы этого крупного социалистического государства. И делалось это неспроста.

Ведь народная Польша принадлежит к тем странам, где социализм со всей наглядностью проявил свою преобразующую силу, свой стремительный динамизм, выразившийся в крутом подъеме экономики, культуры и жизненного уровня ее населения. Но все это упорно замалчивалось.

А вспомнить нелишне, что довоенная буржуазная Польша была в основном аграрной (более 60 процентов населения жило в деревне) отсталой страной со слабо развитой промышленностью, так и не превзошедшей уровня 1913 г. Численность рабочего класса была мизерной — около миллиона; таково же было количество хронически безработных. Трудно было найти в Европе другую страну, где деревня так устойчиво сохраняла полуфеодалный облик и столь резкие социальные контрасты. 44 процента земель находилось в руках помещиков. У 4 миллионов крестьян-батраков земли вовсе не было. Четверть населения страны была полностью неграмотной. В 1926 г. в панской Польше установилась полуфашистская, террористическая диктатура Пилсудского, который, как записано в конституции 1935 г., был ответствен «лишь перед богом и историей».

Во время гитлеровской оккупации Польша лишилась 40 процентов того скудного национального богатства, которым она обладала к началу второй мировой войны. Почти три четверти промышленных предприятий было разрушено. Пятая часть населения уничтожена захватчиками. Многие поляки-патриоты погибли, сражаясь плечом к плечу с Советской Армией за освобождение своей родины. Страна лежала в развалинах.

Именно с этой отметки стартовал социализм в Польше. Крупная промышленность перешла в общенародную собственность, крестьянам были отданы бывшие помещичьи земли. К началу 50-х гг. благодаря упорному труду поляков был восстановлен довоенный уровень производства. За последующие два десятилетия Польская Народная Республика сделала гигантский шаг вперед. Промышленная продукция с 1950 по 1970 г. выросла в 7,1 раза, национальный доход в 3,7 раза. Такого динамичного подъема не знала ни одна капиталистическая страна Европы¹. На базе быстрого экономического расцвета резко возрос культурный уровень, была полностью ликвидирована неграмотность, значительно поднялось благосостояние народа. Страна превратилась из аграрной в индустриальную, а промышленный рабочий класс стал еще больше. Таковы были итоги двух десятилетий — времени, арифметически сопоставимого со сроком существования буржуазной довоенной Польши (1918—1939).

За годы народной власти из аграрной периферии Европы, которой была уготована роль разменной монеты в больших империалистических играх, Польша превратилась в авторитетную, мощную индустриальную страну² — равноправного члена социалистического содружества.

Но, пожалуй, самым впечатляющим в жизни Польши десятилетием — и по динамике экономического, прежде всего промышленного, развития, и по темпам роста уров-

¹ За 1950—1970 гг. промышленное производство в Италии, например, увеличилось в 4,7 раза, в ФРГ — в 4,1, Франции — в 3, Великобритании — в 1,8 раза. На-

циональный доход возрос за этот же срок в ФРГ — в 3,4 раза, Италии — в 3, Франции — в 2,7 и Великобритании — в 1,7 раза.

² В итоге трех десятилетий развития по социалистическому пути ПНР вошла в число десяти ведущих индустриальных стран мира (при

0,8 процента населения планеты производила к концу 70-х гг. 2,5 процента мировой промышленной продукции).

ня жизни населения — были 70-е гг. В этом отношении ПНР не знала себе равных среди индустриально развитых стран мира. Как будто такими результатами можно было бы гордиться. Однако и в самой Польше этому десятилетию не дают однозначной оценки. Более того, характер социально-экономического развития в 70-е гг. подвергают — и справедливо — серьезному критическому анализу. Почему? Какие имеются основания для такого рода суждений?

Чтобы лучше разобраться в этом — обратимся вначале к беспристрастному языку статистики. За 1971 — 1980 гг. Польша — уже высокоразвитая индустриальная страна — смогла более чем удвоить свой промышленный потенциал (рост в 2,1 раза), а национальный доход — основу народного благосостояния поднять на 72 процента.

Но самым заметным итогом 70-х гг., не имеющим аналогов в мировой практике, был стремительный взлет уровня доходов населения ПНР. С 1970 по 1979 г. реальная зарплата рабочих и служащих выросла в полтора разв. Динамика роста зарплаты в Польше была в это десятилетие в 1,5—2,5 раза выше, чем у ее социалистических соседей. В расчете на каждого жителя резко увеличилось потребление основных продуктов питания (в том числе мяса на 32 процента). И все это при сохранении стабильных цен. За эти же годы гигантским скачком возросла и комфортабельность быта поляков. С 1971 по 1980 г. число холодильников у населения увеличилось в 3,6 раза, телевизоров — в 1,9, легковых автомобилей — в 4 раза. В 1978 г. ПНР вышла по количеству строящихся квартир (в расчете на 10 тысяч населения) на второе место среди стран — членов СЭВ. Таких темпов роста сразу по всем перечисленным параметрам благосостояния не имела ни одна социалистическая страна, даже более промышленно развитая, чем Польша.

Но так ли уж бесспорны эти сдвиги? Чем они в конце концов обернулись для польского народа? Ведь есть такие победы, которые таят в себе неотвратимость грядущих поражений. Польские реалии семидесятых, к сожалению, подтверждают эту истину.

И действительно, более чем благополучная картина

польской жизни, взятая обобщенно, в масштабах десяти лет, при более внимательном рассмотрении уже у самой поверхности обнаруживала массу, на первый взгляд, неожиданных негативных моментов.

Во-первых, в обществе заметно росла социальная напряженность, вылившаяся в рабочие забастовки в Радоме и некоторых других городах летом 1976 г. Во-вторых, все чаще стали обнаруживаться признаки товарного неравновесия на рынке, нехватка некоторых изделий массового спроса, в том числе ряда продуктов питания (при таких цифрах роста!). В-третьих, как мы уже видели, именно в эти годы, особенно во второй половине десятилетия, возникли и активизировались анτισоциалистические группировки и организации. И, наконец, значительно укреплялись позиции католической церкви, социальная доктрина которой отнюдь не разделяет социалистические принципы. Росло число верующих, усиливалось влияние католической церкви на общественную жизнь страны.

Чтобы лучше разобраться в этих противоречивых явлениях, есть резон взглянуть на социально-экономическую жизнь Польши не с высоты птичьего полета, когда видна общая панорама, а спуститься на землю. Тогда мы увидим, с одной стороны, что первая и вторая половины этого десятилетия резко различаются между собой по результатам, а с другой — что, несмотря на всю свою внешнюю несхожесть, оба пятилетия — неразрывные части одного целого, выходящие из одного корня. Те же факторы, которые обеспечили внешне ослепляющий успех в первой половине 70-х гг., стали источником серьезных неудач следующего пятилетия.

Посмотрим, как это выглядит. 1971 — 1975 гг. были отмечены весьма быстрыми темпами роста национального дохода. За пять лет он увеличился на 59 процентов. В следующем же пятилетии произошло стремительное падение темпов его роста — более чем в 8 раз! При этом уже в 1979 г. национальный доход впервые в истории социалистической Польши не только не вырос, но упал на 2 процента. Выработка промышленной продукции после взлета на 64 процента в 1971 — 1975 гг. в последующие пять

лет также резко замедлила темпы роста — почти в 2,5 раза. Негативные сдвиги начались и в аграрном секторе экономики. Валовая продукция сельского хозяйства составила в 1980 г. только 90 процентов уровня 1975 г. Вполне понятно, что при таком положении дел в промышленности и сельском хозяйстве рост реальной зарплаты рабочих и служащих резко затормозился. Если в 1971 — 1975 гг. реальные заработки этих основных категорий польских трудящихся увеличились рекордно — на 42 процента, то в 1976 — 1979 гг. их рост еле дотянулся до отметки 5 процентов.

Но самым поразительным было то, что планирующие органы в плане на 1976 — 1980 гг. нарисовали весьма радужную картину, вроде бы и не предвидя таких катастрофических результатов. Темпы роста были запланированы почти на уровне предыдущего пятилетия: национальный доход страны предполагалось увеличить на 40 — 42 процента, промышленное и сельскохозяйственное производство — соответственно на 48 — 50 и 16 — 19 процентов.

Что это было: грубые просчеты пловников или результат принципиальных ошибок в экономической стратегии? А быть может, неожиданно проявились неблагоприятные и непредвиденные внутренние и внешние факторы, которые оказались способными перечеркнуть все намеченные планы?

Попробуем разобраться в этом. Начнем с того, что во второй половине 70-х гг. развитие народного хозяйства всех европейских социалистических стран протекало в довольно сложных условиях.

Начатый с 70-х гг. перевод экономики с экстенсивного пути развития (увеличение числа занятых, количественный рост предприятий и продукции и т. д.) на решительное использование интенсивных факторов экономического роста (повышение производительности труда на базе новой техники, технологии и роста квалификации работников при возрастающей экономии сырья, энергии и т. д.) оказался более сложным и длительным, чем предполагалось ранее. Перестройка всего хозяйственного механиз-

ма, поиск новых, более эффективных форм управления во всех этих странах, в том числе и в СССР, затянулись¹.

Усложнились и внешние условия. При разработке планов экономического развития в социалистических странах Европы на вторую половину 70-х гг. была, как справедливо отмечали ученые-экономисты этих стран, недооценена глубина экономического кризиса на Западе. А между тем трижды за 70-е гг. мировая капиталистическая экономика испытывала серьезные спады, которые не могли косвенно не воздействовать на мировое социалистическое хозяйство. Отсутствием необходимого опыта планирования в условиях интенсивного торгового и научно-технического сотрудничества государств двух систем сказалось, в частности, и в недоучете размеров риска широкомасштабной промышленной кооперации с западными фирмами с точки зрения хотя бы даже неустойчивости экономического развития капитализма.

Обострение международной обстановки, новый тургонки вооружений, начатый уже американской администрацией президента Квтера, также не могли не сказаться на условиях и климате международных хозяйственных связей. Усиливался протекционизм, дискриминация социалистических стран в экономической сфере уже по чисто политическим соображениям.

Все это вместе взятое, естественно, привело к тому, что практически во всех социалистических странах Европы в ходе выполнения пятилетних планов на 1976—1980 гг. удалось не во всем достичь намеченных рубежей.

Однако общие для европейских социалистических стран неблагоприятные факторы, многие из которых выявились уже в ходе выполнения пятилетки 1976—1980 гг., мало что объясняют в существовании тех экономических провалов, с которыми столкнулась в это время ПНР. Ведь все эти негативные явления не нарушили хозяйственной устойчивости и восходящего характера социально-

¹ «Главная причина состоит в том, — отмечалось на XXVI съезде КПСС, — что еще не полностью преодолены сила инерции, традиции и привычки, сложившиеся в тот

период, когда на первый план выступала не столько качественная, сколько количественная сторона дела».

экономического развития ни в одной, кроме Польши, социалистической стране. Все они, в отличие от Польши, продемонстрировали солидный запас прочности своих экономических механизмов и достаточную взвешенность плановых разработок. В них уже были в значительной степени учтены возможные трудности перехода к интенсивному типу производства: динамика роста была несколько приторможена в сравнении с предыдущим пятилетним планом. Но запланированное снижение темпов роста национального дохода в европейских странах СЭВ в среднем колебалось в пределах 1,4—1,8 раза¹, тогда как в ПНР этот темп упал в 8 раз. Примерно так же обстояло дело и с остальными показателями, если сравнивать ситуацию в ПНР и других странах СЭВ.

Совершенно очевидно, что катастрофические неудачи не были результатом простого просчета планирующих органов ПНР. Они восходят к источникам принципиально иного порядка.

Главной причиной разительного контраста между первым и вторым пятилетиями 70-х гг. была, как подчеркивают и польские коммунисты, глубоко ошибочная «стратегия ускоренного развития», предложенная партийно-государственным руководством страны во главе с Э. Гереком и принятая в самом начале 70-х гг. на VI съезде ПОРП. В отличие от всех других социалистических стран Европы, искавших главные резервы и рычаги интенсификации экономического развития в мобилизации прежде всего собственных внутренних резервов, в разработке новых методов активизации хозяйственного механизма, в углублении интеграции в рамках СЭВ, польская «стратегия ускоренного развития» видела пути решения назревших проблем в ином. Прежде всего, в самом широком исполь-

¹ Только в Венгрии это снижение оказалось немногим больше (в 2 раза). Это было связано с тем, что экономический кризис на Западе сильнее ударил по венгарской экономике: она более тесно, чем другие члены СЭВ, связана с мировым капиталистическим рынком (в 1979 г.

35,2 процента ее внешнеторгового оборота приходилось на развитые капиталистические страны). Заметим, кстати, что Польша занимала второе место после Венгрии по удельному весу Запада в обороте внешней торговли (34,6 процента).

зовании торгово-финансовой конъюнктуры, сложившейся в самом начале 70-х гг. на мировом капиталистическом рынке в условиях начавшейся разрядки. *Главная ставка в «стратегии ускоренного разеития» была сделана на массированные закупки техники и технологии в странах Запада.* В масштабном импорте, стало быть, усматривался «главный фактор» динамичного развития страны, путь быстрого решения проблем экономической интенсификации.

Такой курс, основанный на сиюминутном прагматизме, был достаточно элементарен: путем массовых закупок (в кредит и с помощью займов) новейшего западного оборудования и технологии и использования на аноаь построенных предприятиях собственной квалифицированной рабочей силы организовать широкое производство новейшей продукции для реализации ве в основном на мировом капиталистическом рынке. Затраты в этом случае, как полагали, быстро окупятся, и Польша сможет в самые сжатые сроки не только вернуть долги, но и получить значительные дивиденды. Польский путь, названный «второй индустриализацией» страны, порожденный чисто технократическим, а не марксистским экономическим подходом к проблемам промышленной реконструкции, крайне быстро — уже в 1974—1975 гг., когда на Западе разразился самый крупный за послевоенное время экономический кризис, — начал обнаруживать свою несостоятельность¹. Амбициозные проекты быстрого наращивания экспорта польских промышленных изделий на западные рынки потерпели фиаско. Здесь сыграли свою роль *не только чисто экономические обстоятельства, но и политические расчеты правящих кругов Запада.*

¹ Это был типично волюнтаристский курс, чреватый серьезными опасностями, даже если рассматривать его в чисто экономическом аспекте, не говоря уже о политических последствиях. Строить долгосрочную социально-экономическую стратегию социалистической страны на чисто конъюнктурных факторах, благоприятно сложившихся в тот момент в мировом

капиталистическом хозяйстве, было более чем рискованным делом. Однако польское руководство, несмотря на неоднократные и настойчивые товарищеские предостережения КПСС, других братских партий социалистических стран относительно такого непродуманного курса, приступило с 1971 г. к реализации своей новой экономической стратегии.

Не менее утопичной «стратегия ускоренного развития» была и в той ее части, которая касалась обеспечения населения качественным питанием. Этой масштабной проблемой — достижения такого уровня и качества питания, которые соответствуют рациональным научным нормам, заняты все социалистические страны. Пример комплексного научного подхода к ее решению — Продовольственная программа СССР до 1990 года. В основе решения продовольственной проблемы лежит, как известно, интенсификация сельскохозяйственного производства, перевод его на индустриальную основу. Именно в этом направлении работали и работают социалистические страны Европы — члены СЭВ.

Однако в ПНР, где сельскохозяйственное производство в основном базируется на единоличных мелких крестьянских хозяйствах (в 1979 г. они давали 88,1 процента валовой продукции при среднем размере хозяйства 5,4 га), этот эффективный путь подъема продуктивности аграрного сектора был закрыт¹.

Поэтому тогдашнее польское партийно-государственное руководство избрало иную альтернативу, сулившую, на его взгляд, быстрое решение продовольственной проблемы, качественное улучшение питания населения без перемен в социально-экономическом облике деревни. Было решено на основе опять же массированного импорта с Запада, прежде всего из США, зерна и других кормовых культур развивать мясное животноводство преимущественно в частных крестьянских хозяйствах. С 1971 по 1976 г. их импорт на кредитной основе был увеличен с 2,5 до 6 млн. тонн. Результаты оказались «рекордными»: за пять лет потребление мяса в расчете на каждого жителя увеличилось сразу на 30 процентов. Однако очень дорогой ценой. Не только быстро возростала задолженность западным банкам, но и появились неблагоприятные социально-политические последствия. «В аграрной политике, — писал в августе 1983 г. главный редак-

¹ Социалистический сектор в сельском хозяйстве Польши (госхозы и кооперативы) рос медленно: за 60—70-е гг. его удельный вес в

сельскохозяйственном производстве увеличился с 13 до 22 процентов.

тор журналв ПОРП «Нове дроги» С. Вроньский,—твой курс на специализацию индивидуальных хозяйств опирался на поддержку богвтеющего крестьянина, субсидируемого значительными кредитами. Этот слой крестьян, составляющий меньшинство сельского населения, не мог стать политической опорой власти, несмотря на полученные льготы. Именно из этой среды противник набирал актив для оппозиционных организаций».

«Стратегия ускоренного развития» вызвала массу негативных последствий и в сфере социально-психологической. И прежде всего, как подчеркнул В. Ярузельский в феврале 1982 г., «ошибочная кредитная, импортная и лицензионная политика оживила во многих людях миф, что благосостояние можно построить «кратким путем». Разбуженные этим мифом необоснованно выросшие требования к государству становились все более настойчивыми.

В 1978—1979 гг. страна, несмотря на возникшие тогда огромные финансовые затруднения, вынуждена была ввозить за конвертируемую валюту уже по 7,2—7,3 млн. тонн кормового зерна—около 40 процентов собственного урожая зерновых. Это означало, что каждый третий килограмм мяса выращивался на зарубежных кормах. Однако и эти растущие закупки уже не давали эффекта. Отечественная кормовая база оказалась в запустении. Среднегодовое производство зерна упало с 21,4 млн. в 1971—1975 гг. до 19,7 млн. тонн в 1976—1980 гг. Поэтому прирост производства и потребления мяса резко замедлился. Если в среднем за год в 1971—1975 гг. потребление мяса увеличивалось в расчете на одного жителя на 3,4 кг, то за всю пятилетку 1976—1980 гг. оно выросло менее чем на 4 кг.

Стратегия достижения высокого уровня благосостояния «кратким путем» зашла в тупик. Были упущены драгоценные десять лет, которые могли бы быть использованы для решения назревших социально-экономических проблем польского села, создания устойчивой кормовой базы внутри страны. Значительная часть того долга Польши развитым капиталистическим странам, который составил, по имеющимся данным, за 1971—1980 гг. гигантскую

сумму в 21,5 млрд. долл., или примерно 600 долл. на каждого жителя страны, приходился на покупку в кредит зерна и кормов для животноводства. «Стилем» польской жизни все более становилась «жизнь в кредит».

Так «стратегия ускоренного развития» подвел страну к порогу тяжелого экономического кризиса.

«Польский путь» 70-х гг. наглядно показал, что *социально-экономические программы, игнорирующие объективные законы социализма, из источника и пружины восходящего развития социалистической страны превращаются в основной фактор кризисной ситуации*, чреватой опасными последствиями. В жизни социалистического общества, построенного или еще строящегося, политическая взвешенность и научная обоснованность социально-экономического курса приобретают решающее значение. Только в этом случае, как подчеркивал Ю. В. Андропов в своей статье «Карл Маркс и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», коммунистическая партия и социалистическое государство способны «правильно использовать противоречия социализма в качестве источника и стимула его поступательного развития».

Порочность «стратегии ускоренного развития» к концу 70-х гг. все более четко стала осознаваться и в ПОРП, и в союзнических с ней партиях, и в широких общественных кругах. «Накануне VIII съезда партии в начале 1980 г., — писал уже цитировавшийся польский публицист С. Вроньский, — в ходе предсъездовского обсуждения актив выражал тревогу по поводу возрастания отрицательных явлений и процессов. Однако критика показухи, пустого, но шумно разрекламированного тогда лозунга строительства «второй Польши» и выдвинутые активом предложения были оставлены без внимания. Это породило неверие и сомнение в рядах партии, внутренне ослабило ее и уменьшило силу партийного воздействия». Немало критических замечаний и конструктивных предложений было высказано и на самом съезде, состоявшемся в феврале 1980 г. Однако радикального поворота в экономической политике, несмотря на некоторые коррективы, на съезде не произошло¹. Он, к сожалению, не смог, из-за

упорного нежелания руководства, кардинально пересмотреть всю социально-экономическую стратегию. Как позже, в июле 1981 г., констатировал IX Чрезвычайный съезд ПОРП, затянувшийся сверх всякой меры ошибочный курс бывшего партийно-государственного руководства был обусловлен деформациями в самом механизме обсуждения, выбора и принятия оптимальных решений — как внутри партии, так и во всем обществе. «Речь идет прежде всего, — говорилось в документе съезда, — о недоразвитости внутрипартийной и общей демократии, о наростах бюрократического централизма в партии, государстве и экономике».

Страна продолжала входить в полосу глубокого экономического кризиса, дальнейшего расстройтва всего хозяйственного механизма. И хотя миновать его уже было нельзя, но можно было серьезно сократить и смягчить. ПОРП и народное государство могли принять, при условии поддержки большинства трудящихся, срочные, решительные и эффективные меры.

Однако уверенно рассчитывать на такую поддержку в начале 1980 г. было уже невозможно. Народная власть все более становилась заложником двух враждебных социализму сил: внутренней контрреволюции, к тому времени организационно сплотившейся, и международного империализма во главе с США, опутавшего Польшу железной сетью финансовых обязательств. Любые решительные меры, и прежде всего — жизненно необходимая жесткая экономия, усилили бы социальную напряженность в обществе; этим сразу же воспользовались бы готовые к «атаке» антисоциалистические силы. С другой стороны, любые попытки властей ограничить свободу действий контрреволюционных группировок, призвать их в соответствии с

¹ Правда, на съезде, хотя и положившем, но была затронута одна из важнейших причин резкого усугубления трудностей, поставивших страну перед лицом экономического кризиса. Было рекомендовано в значительной мере заменить им-

порт как «фактор развития» лучшим использованием «отечественных факторов интенсификации производства». Однако такую рекомендацию возможно было реализовать в течение 4—5 лет.

законом к порядку тотчас вызвали бы политическое давление правящих кругов Запада в виде угроз «перекрыть краны» финансовой помощи. К этому времени страна вынуждена была отдавать Западу в уплату за долги уже 80 процентов своей экспортной выручки в конвертируемой валюте. Замкнутый круг неотвратимо сужался, не оставляя народной власти поля для маневра.

Теперь становится еще более понятным, почему именно в этот момент Вашингтоном принимается решение о переводе «операции Полония» в режим пуска. Напомним, что весной 1980 г. западные банки фактически предъявили ультиматум: либо незамедлительно будут подняты цены на ряд продуктов питания, либо немедленно замораживаются западные кредиты и займы. Основная цель этого ультиматума, что сегодня совершенно очевидно, состояла в том, чтобы не дать ПОРП и народной власти необходимого времени для мобилизации здоровых социалистических сил. Именно поэтому они решили поторопить ход событий. Однако кардинальное изменение ситуации в Польше было маловероятно. Ко времени своего VIII съезда (февраль 1980 г.) ПОРП, хотя и насчитывала в своих рядах более 3 миллионов членов, во многом растеряла качества боевого политического авангарда рабочего класса. Она была в серьезной мере засорена случайными, политически пассивными людьми, не обладающими необходимой идейной закалкой¹. «В партийной работе, — вспоминал недавно, касаясь того времени, член Политбюро ЦК ПОРП, первый секретарь Вроцлавского воеводского комитета партии Т. Порембский, — было много формализма, была расшатана партийная дисциплина, а об идеологии вообще мало вспоминали. Короче говоря, партия была крайне слабой». В самой партийной работе, как отмечалось на IX Чрезвычайном съезде ПОРП, демокра-

¹ Этому способствовало то, что в 70-е гг. резко снизились требования, предъявляемые к вступающим в ПОРП. В этом важном деле преобладали не качественные, а количественные критерии. С 1976 по середину 1980 г. в партию было принято около миллиона человек

(или почти треть ее состава). Не случайно во время событий 1980—1981 гг. 43 процента из вступивших в ПОРП после 1975 г. сдали свои парбилеты (тогда как в целом в партии таких было менее 25 процентов).

тические методы все явственнее подменялись бюрократизмом и администрированием. Вместо трезвого, критического анализа положения дел на всех уровнях партийной работы возобладал парадный стиль, трескучие восхваления. Профсоюзы теряли авторитет в массах. Важнейшая функция социалистических профсоюзов — защитная — рвализовывалась из рук вон плохо. Профсоюзные руководители нередко шли на поводу у администрации предприятий и учреждений, не занимали принципиальных позиций в конфликтных ситуациях.

ПОРП и союзнические с ней партии, — Объединенная крестьянская и Демократическая, — а также профсоюзы, были, к сожалению, нв способны, находясь в столь кризисном состоянии, дать решительный бой антисоциалистическим элементам, внести перелом в настроения трудящихся. Руководство ПОРП не было готово возглавить крутой поворот для преодоления растущего кризиса.

Но были ли к этому готовы сами трудящиеся — рабочий класс прежде всего (даже в случае, если бы партии удалось быстро преодолеть свое кризисное состояние)? Такой готовности не было. Допущенные руководителями партии серьезные деформации в экономической, общественной и идеологической жизни не создавали необходимых предпосылок к незамедлительному перелому в сложившейся ситуации. «Всв это вело, — говорил уже позже, в 1982 г. Первый секретарь ЦК ПОРП В. Ярузельский, — к ослаблению связей между партией и масса-ми и растущей утратв партией своего авторитета, а также к уменьшвнию ее влияния на ход событий». Болев того, своими теоретически и политически несостоятельными концепциями руководство ПОРП само способствовало расшатыванию социалистического сознания рабочего класса, невольно помогая внедрению в массы неклассового подхода к внутривполитическим и международным реалиям.

Одно из свидетельств тому — выдвинутый в начале 70-х гг. на VI съезде ПОРП тезис о вступлении Польши в этап развитого социализма и идейно-политическом единстве всего польского общества. А ведь Польша тогда (как, впрочем, и сейчас) еще не рвшила задач переходного периода. Из политического анализа действительности тем самым исключались классовые критерии, а существующие

в переходном к социализму обществе антагонистические социальные противоречия не принимались в расчет. Но именно усиленная пропаганда на протяжении всех 70-х гг. этого тезиса во многом способствовала глубокому кризису в сфере социалистического сознания, размягчая его и создавая благоприятную почву для идеологического наступления антисоциалистической оппозиции. Как отмечалось на международной теоретической конференции по проблемам строительства развитого социализма в Праге в 1982 г., «снижение уровня классового самосознания части польских рабочих произошло в силу ряда обстоятельств, в том числе не только крайней слабости идейно-политической работы в массах, но и *совершенной бездоказательности и утопичности поставленной прежним польским руководством цели на 70-е годы* — построения развитого социалистического общества до окончательного разрешения исторического вопроса «кто — кого?» в пользу людей труда».

Игнорирование антагонистических противоречий, связанных с существованием частнособственнического земледелия в деревне и мелкокапиталистического сектора в городе, а дело к тому, что антисоциалистические течения под флагом «надклассовости» все более укреплялись и в базисе, и в надстройке¹. С другой стороны, лозунг «морально-политического единства народа» не способствовал упрочению союза рабочего класса с трудовым крестьянством и отдавал значительную часть последнего под идейное влияние элементов сельской буржуазии.

Известно, что отношения личности и общества, до предела затемненные при капитализме так называемым эквивалентным обменом «равных» товарных ценностей, в число которых входит и рабочая сила, при социализме становятся намного более непосредственными и прозрачными. Поэтому любые проявления социальной несправедли-

¹ Как говорили польские ученые на научной конференции по изучению опыта борьбы с контрреволюцией в ходе социалистического строительства (Варшава, февраль 1983 г.), «предпосылками для су-

ществования контрреволюционных, антисоциалистических течений в Польше является частная собственность, мелкое производство, оппортунизм в партии, традиционно буржуазное сознание ряда слоев».

ности обнажаются здесь гораздо резче. Быстрое, и нередко «в обход закона», обогащение предпринимательских элементов в городе и кулацкой прослойки в деревне, участвовавшие случаи коррупции, взяточничества, тунеядства и т. д. порождали, естественно, обостренную реакцию протеста. Анализируя позже все эти негативные процессы, IX Чрезвычайный съезд констатировал в своих документах: «Ключевое значение для прогрессирующего процесса деформации механизмов социалистического общества и государства в семидесятые годы имело нарушение принципов справедливости — главного критерия социально-экономической политики и народовластия».

Именно в силу всех перечисленных выше причин *антисоциалистической оппозиции удалось перехватить у партии инициативу и удерживать долгое время влияние на широкие слои польских трудящихся, в том числе и на часть рабочего класса.*

Одной из опасных ошибок тех лет была, по мнению польских коммунистов, и недооценка деятельности костела¹.

¹ Для оказания весомого воздействия на умы у церкви имеется достаточно возможностей. Не говоря уже о таком канале, как проповеди в 20 тысячах костелах, римско-католическая церковь располагает в стране 60 периодическими изданиями светского и теологического направления. Хотя церковь непосредственно не участвует в делах «мирской жизни», католики имеют ряд общественно-политических объединений, в том числе общество светских католиков ПАКС, группу «Знак» и т. д. Ряд католических организаций имеет своих депутатов в сейме. Позицию высшей церковной иерархии в эти годы назревавшего кризиса охарактеризовать однозначно не представляется возможным. Здесь есть свои течения и группы, занимаю-

щие отличные друг от друга позиции по коренным вопросам общественной жизни. Хотя церковная иерархия, особенно та ее часть, которая прежде всего исходит из патристического подхода к любым событиям в стране — ослабляют или усиливают они Польшу, — находила, как правило, общий язык с народной властью, она никогда активно не поддерживала усилия трудящихся в строительстве социализма. Во всяком случае любые оценки духовной и идеологической жизни Польши, хода событий в этой стране не будут правильными, если не принимать во внимание в качестве постоянного и весомого фактора любой ситуации католическую церковь, особенно, конечно, в кризисные периоды.

Деформациям в сфере общественного сознания в польском обществе способствовало опасное распространение мещанского культа потребительства. Рост настроений потребительства и «вещизма» в немалой степени был вызван всей атмосферой «жизни в кредит», нарушением соответствия между мерой труда и мерой потребления — одного из основополагающих принципов социальной справедливости в социалистическом обществе. К тому же в 70-е гг. был выдвинут абстрактный лозунг о «более высоком качестве жизни всего народа». Причем он трактовался донельзя упрощенно: лишь как уровень материальных благ, а не как создание целого комплекса условий для всестороннего развития личности.

«Жонглирование нереальными обещаниями и «пропаганда успеха», — писал в 1982 г. секретарь ЦК ПОРП М. Ожеховский, — разбудили в широких масштабах материальные запросы, невозможные для удовлетворения в короткие сроки. В обществе получили распространение элементы буржуазной системы ценностей, особенно мещанского, потребительского образа жизни».

Так в 70-е гг. параллельно с экономическим кризисом зрели элементы кризиса в общественном сознании.

Особенно опасным было то, что все эти негативные процессы серьезно размывали сознание главной социальной опоры социалистического государства и коммунистической партии — рабочего класса. Как подчеркивают польские ученые-марксисты, рабочий класс страны еще совсем молод и не успел полностью развить своей собственной системы ценностей, часто принимая чуждые ему в классовом отношении образцы. К тому же на рабочий класс вредно повлияло то, что трудящихся многие годы убеждали в том, что «государство сделает все, что государство все может».

Начав после войны с менее чем миллионной отметки, рабочий класс, если взять только три самых крупных подразделения общественного производства — промышленность, строительство и транспорт, к началу 70-х гг. приблизился, как мы уже отмечали, к 4-м, а к концу десятилетия — к 6,5 миллиона. Стало быть, весьма значительная часть рабочего класса современной Польши — это молодые рабочие первого поколения, не

прошедшие настоящей школы труда и борьбы за строительство нового общества. «Эта группа, — пишет теоретический журнал ПОРП «Нове дроги», — не консолидировалась в своих рабочих качествах, она не имеет ни трудностей, ни опыта, ни тесных связей с остальной частью рабочего класса. Разве не в этом причина легкого проникновения в требования рабочих в 1980 г. демагогических лозунгов, противоречащих коренным интересам рабочего класса? Разве не потому, что многие отряды польского рабочего класса находятся еще в самом начале своего классового пути, относительно легко проникала в его среду чуждая идеология, а правые лидеры «Сопидарности» относительно быстро заручились их поддержкой?»

Не будь этих *серьезных деформаций в классовом сознании значительной части польских трудящихся*, и прежде всего — рабочих, контрреволюции не удалось бы втянуть их в свои разрушительные акции. Социально-экономический кризис, который начался в ПНР, не принял бы такого разрушительного масштаба и был бы преодолен при всей его глубине и серьезности средствами и в рамках социалистического демократизма.

Однако вернемся к событиям того времени — массовым выступлениям и забастовкам польских рабочих в июле — августе 1980 г., проходившим в условиях, когда система социалистических ценностей в общественном сознании была уже серьезно расшатана.

Каковы были характер и цели этих выступлений, их направленность — против социализма или за него? Почему значительная часть польского рабочего класса пошла за классово чуждыми ему элементами, стремившимися к реставрации капитализма?

Все империалистические интерпретации польских событий 1980—1981 гг. исходят из того, что социальные конфликты летних месяцев восьмидесятого означали ни больше ни меньше, как отвержение рабочим классом социалистических принципов и «голосование» за буржуазную систему ценностей. Однако совершенно очевидно, что такое фантастическое превращение польских рабочих в свою классовую противоположность было просто невозможным — и в силу их объективного социального положения, их места в системе общественного произ-

водства, и по той причине, что рабочий класс Польши имел достаточно времени, чтобы на собственном опыте оценить все преимущества социализма.

Справедливая оценка рабочих выступлений, содержащаяся в документах IX Чрезвычайного съезда ПОРП, который охарактеризовал события июля—августа 1980 г. как «протест не против социализма, а против нарушения его принципов, не против народной власти, а против неправильных методов управления, не против партии, а против ошибок в политике ее руководства». Да, это был действительно протест, направленный в конечном счете на очищение социализма от всего ему чуждого и наносного. Но в то же время «справедливость протеста» рабочих нельзя понимать абсолютно, без учета тех довольно устойчивых деформаций в их сознании, которые позволили антисоциалистическим силам, зацепившись за них и всячески их раздувая, столь длительное время манипулировать широкими рабочими массами¹.

Поэтому столь далека от истины точка зрения некоторых исследователей, которые рассматривают выступления рабочих летом 1980 г. как «полностью справедливый протест». Такая абсолютизация совершенно неправомерна. В этих рабочих выступлениях нельзя не видеть внутреннюю противоречивость. Да, рабочие выступали за социализм, отнюдь не против него. Это неоспоримый факт. Но их представления о социализме к этому времени были уже в достаточной степени искажены.

Именно против подобных односторонних трактовок рабочих выступлений в Польше летом 1980 г. выступил на страницах «Трибуны люду» польский партийный публицист Е. Крашевский. «Пожалуй, уже сегодня можно выразить сомнения, — писал он, — не является ли слишком ча-

¹ За время своих активных действий под легальным прикрытием «Солидарности» враги социализма, играя на потребительских настроениях польских трудящихся, сдвинули все от них зависящее, чтобы дискредитировать социалистическую систему ценностей. Тем са-

мым социалистическому сознанию польского рабочего класса, особенно его молодому поколению, нанесен глубочайший ущерб, на преодоленный до конца и по сей день. Ведь деформации массового сознания наиболее живучи и преобладают очень медленно.

стое использовани утверждения «протвст рабочего класса» — формулировки, выполняющй ныне роль отмычки для открытия любых дверей, — упрощенным понятием более сложного явления? Может быть, настало время, чтобы приступить к серьезным исследованиям всего комплекса тенденций, которые имели место летом 1980 г.? Какое влияние на них оказали не самом деле деформации и ошибки, а какова роль политического противника, который использовал недовольство рабочего класса? Когда и каким образом к обоснованному возмущению рабочих подключились усилия внутренней оппозиции и антикоммунистических центров Запада?.. Настало время, — заключает свою мысль автор, — приступить к солидному, всестороннему и лишенному эмоций анализу того, что случилось летом 1980 г. в Польшу... В этом анализе надо отделить то, что было здоровым в движении протеста в июле — августе 1980 г., от того, что было чуждым, привнесенным извне и запланированным заранее в антисоциалистических целях».

Что же произошло летом 1980 г.? Какова была внешняя конкретная канва тех событий, о глубинной сути которых уже шла речь?

События развернулись для многих неожиданно бурно, но не сразу приобрели политическую окраску.

Решение правительства о повышении цен на ряд продуктов питания было принято в июле. Оно, под нажимом западных банков, готовилось в спешном порядке и без соответствующих консультаций с низовыми партийными и профсоюзными организациями. В определенной степени реакция трудящихся была бы смягчена, если бы партия откровенно рассказала о причинах, вызвавших необходимость принятия подобной меры, и предложила бы на широком обсуждение новую, достаточно проработанную и обоснованную социально-экономическую стратегию. Но бывшее руководство ПОРП не пошло на такое самокритичное разъяснение, неоправданно полагая, что все обойдется и так. К сигналам с мест о напряженной обстановке во многих городах страны оно не прислушалось.

Забастовки начались в июле в ряде польских городов, но массовый, почти всеобщий характер они приняли тогда

только в городе Люблине — промышленном центре юго-западнее Варшавы. Все или почти все предприятия города 16, 17 и 18 июля оказались полностью парализованными. Тысячи рабочих вышли на демонстрации в знак протеста против повышения цен. Здесь проявилось все то, о чем мы уже говорили: крупные ошибки и серьезные просчеты в социально-экономической политике, накапливавшиеся годами, превратили появившиеся неантагонистические противоречия между значительной частью трудящихся и народной властью в *серьезную коллизию*¹ — это с одной стороны; а с другой — в выборе форм выражения протеста явственно проступили деформации классового сознания самих рабочих.

В других городах — более крупных и более важных в промышленном отношении, таких, как Варшава, Гданьск, Катовице, — волнения, также начавшиеся в июле, оказались разрозненными и ограничились отдельными предприятиями.

Самым любопытным в этой ситуации оказалось то, что июльская забастовочная волна не очень сильно коснулась как раз тех центров, где влияние КОС—КОР и других антисоциалистических группировок было особенно заметно (Гданьск, Гдыня, Катовице, Краков, Варшава и т. д.). Чем это объясняется, пока окончательно ответить трудно. То ли подогреваемое контрреволюционными элементами недовольство рабочих и других трудящихся началось чуть-чуть раньше, чем они планировали, то ли к этому времени они еще полностью не подготовили весь механизм организации «социального взрыва» по всей Польше. Они, надо полагать, в июле еще не расставили повсеместно свои «посты», которые должны были синхронно дирижировать забастовками и демонстрациями.

Как бы то ни было, в драматическом развертывании

¹Хотя противоречия при социализме и не носят антагонистического характера, пишет в статье «Карл Маркс и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» Ю. В. Андропов, из этого, однако, «не следует, что можно пренебрегать неантагонистически-

ми противоречиями, игнорировать их в политике. Жизнь учит, что при подобном невнимании и *противоречия, не являющиеся антагонистическими, могут порождать серьезные коллизии* (курсив мой. — В. Т.).

опасной ситуации наступил короткий антракт, хотя социальная напряженность в стране продолжала заметно нарастать¹.

Как и предусматривалось, кнопка «пуск» была нажата в Гданьске. Роль детонатора должны были сыграть гданьские корабли с судоверфи им. Ленина, где уже ждал своего «звездного часа» свежееиспеченный «рабочий вождь» Валенса. Зажженная спичка была брошена на взрывоопасную, накалившуюся социальную почву. КОС—КОР начал свои «большие маневры» против социалистического государства.

Вот как описывал августовские события в Гданьске в интервью западногерманскому еженедельнику «Шпигель» сам шеф КОС—КОР Куронь. Интервью было опубликовано в одном из сентябрьских номеров журнала. Опынен-

¹ Как раз в самом начале августа 1980 г. автор этой книги был проездом в Варшаве. В этот воскресный день обычно оживленные улицы польской столицы выглядели непривычно. Повсюду чувствовалась скованность и напряженность. Хмурые, тревожные лица. Даже варшавянки, обычно улыбка-обворожительные, казались до предела озабоченными. Над городом нависла какая-то гнетущая тишина. Казалось, что это — затишье перед бурей. Я спросил старых друзей — партийных работников среднего звена: Что будет? Как дальше развернутся события?

Один из них в ответ бросил резко и эпо: Кажатся, будет плохо, очень плохо! Там, — и он указал пальцем в землю, подразумевая, видимо, антисоциалистическое подполье, — усиленно готовятся, чтобы скоро разжечь всепольский пожар. А здесь, — и он поднял руку вверх (что тоже было понятно), — по-прежнему царят благодущие и иллюзии, что и на этот раз все обойдется. Польский-де характер — пошумят и разойдутся.

Второй добавил: Если бы у нас а партии наверху поняли асю катастрофичность момента, мы бы еще могли повернуть ситуацию, перехватить у КОС—КОР инициативу...

Сейчас, как и тогда, трудно сказать, смогла бы партия, народная власть переломить ход событий. По-видимому, это уже было невозможно. Но смягчить готовящийся контрреволюционный удар, аозаритить доверие весомой части рабочего класса и там самым насколько изменить ситуацию в свою пользу ПОРП, народная власть, аса социалистические силы еще успали бы. События 1980 — 1981 гг. не приняли бы столь катастрофического характера, аожак контрреволюции проиграли бы свою игру, вероятно, несколькими месяцами раньше, чем это произошло на самом деле. А что такое эти несколько месяцев, можно себе предствавить, лишь познакомившись со статистикой тах тотально-разрушительных результатов хаоса и ввархии, в которых жила Польша более полутора лет.

ный быстрыми успехами только что начатой операции, он был тогда почти предельно откровенен. «Забастовка на судовой верфи, — говорил Куронь, — была тщательно подготовлена КОР... В Гданьске люди КОР нашли рабочего, ставшего своеобразным символом забастовки. Валенса стал лейтенантом в окопах борьбы, но генеральным штабом был КОР, который в каждом конкретном случае давал советы забастовочному комитету, готовил необходимые документы для переговоров с правительством».

Забастовки начинаются и в Гдыне — городе докеров и судостроителей, затем в крупном порту Щецине и центре угольной промышленности Ястшембе в Силезии. Дальше шло как в цепной реакции: Варшава, Катовице, Лодзь, Краков, Вроцлав и другие польские города. Все без исключения забастовки и демонстрации начинались с чисто экономических требований. Большинство претензий к органам власти были справедливыми: рабочие были не удовлетворены темпами жилищного строительства, уровнем медицинского обслуживания, нарастающей волной спекуляций, незаконного обогащения. Протесты были вызваны нарушением и искажением основополагающих для социализма принципов социальной справедливости¹.

Но в таком молниеносном разворачивании забастовочного движения по всей Польше во второй половине августа, в четком ритме демонстраций и митингов чувствовалась рука опытных организаторов. Примечательно, что к моменту начала событий в Гданьске сюда съехались все основные вожак подполья. В числе первых здесь появился и прибывший из Варшавы «серый кардинал» КОС—КОР Модзелевский. Образованный в Гданьске «межзаводской забастовочный комитет» сразу же стал штаб-квартирой КОС—КОР.

Сегодня уже существует более чем достаточно неопро-

¹ Большинство партийных руководителей низового и среднего звена и часть руководства ПОРП с пониманием встретили эти требования рабочих. «Необходимость основательных перемен, — отмечал В. Ярузельский в 1982 г., — возвращаясь к событиям августа 1980 г., —

понимали в ПОРП еще раньше. Именно поэтому рабочий протест встретился не с силой, не с обвинениями, а с желанием разрядить конфликт, со стремлением к соглашению, социалистическому обновлению».

вержимых свидетельств того, что начавшиеся забастовки, вопреки впоследствии созданным легендам об их «стихийном характере» и «прямой политической направленности», не имели ни того ни другого качества.

Люди КОС—КОР были заранее внедрены на все крупные предприятия¹. Четкая организация «стихийных» забастовок бросалась в глаза даже стороннему наблюдателю. Вот как, например, описывал свои впечатления от посещения бастующего Гданьска в августе 1980 г. специальный корреспондент западногерманского журнала «Шпигель»: «Забастовка в Гданьске явно не была просто спонтанной реакцией рабочих. Каждый, кто мог наблюдать за развитием событий на верфи им. Ленина, схватывал это достаточно быстро. Забастовка на верфи была тщательно подготовлена членами КОР и его сторонниками. В цехах находились знающие инструкторы, которые учили рабочих железной забастовочной дисциплине... Провизия, средства первой медицинской помощи и бумага для листовок были запасены заранее. Загодя была установлена связь с каждым предприятием района Балтийского побережья».

Так же неубедительны утверждения о политической с самого начала направленности протеста бастующих рабочих. Как раз задача политиканов из КОС—КОР, других подобных организаций и групп заключалась в том, чтобы *критику деформаций и допущенных еластями ошибок перевести в другую плоскость, превратить в критику есей системы*. В те времена, когда коскоровцы чувствовали себя чуть ли не накануне окончательной победы, они сами не скрывали этих своих «заслуг». Вот что, например, писал осенью 1980 г. на страницах коскоровского журнала «Роботник» его редактор Вуец о том, как появились на

¹ В сентябре 1981 г. член Политбюро ЦК ПОРП, бригадир строителей А. Сивак привел убедительные данные по Варшаве, рассказав, как коскоровцы готовили события. «Варшавским рабочим хорошо известно, — говорил он на пресс-конференции для иностранных журналистов, — что многие

люди, которые потом возглавили заводские организации «Солидарности», или штатные ее работники пришли на большинство предприятий по странному стечению обстоятельств буквально за несколько месяцев до событий лета 1980 г. и приняли активное участие в организации забастовки».

свет политические требования забастовочного комитета в Гданьске. «Когда забастовки только начались,—писал Вуец,—мы на собрании редакции обсуждали требования забастовщиков—среди них тогда не было ни одного явно политического требования. Тогда мы сказали себе: эти требования нужно изменить, направить их иначе».

В итоге, первоначальный перечень требований, который готовился для предъявления правительству «межзаводским забастовочным комитетом» Гданьска, превратился в политический документ антисоциалистического толка, в котором требования социально-экономического плана потеснились, чтобы дать главное место таким требованиям, которые противоречили конституционным принципам ПНР. В центре, как и следовало ожидать, оказался пункт о ликвидации руководящей роли ПОРП. Такие же документы, словно написанные под копирку, были заготовлены «забастовочными комитетами», руководимыми КОС—КОР, и в других городах.

Высшее партийно-государственное руководство перед лицом всех этих бурных и оказавшихся для него неожиданными событий проявило растерянность. Партийные органы разных ступеней, первичные партийные организации из-за многолетней хронической запущенности идеологической и организационной работы не смогли по-настоящему мобилизовать членов партии и возглавить отпор вышедшей на открытую сцену антисоциалистической оппозиции. Партийное руководство, к сожалению, не сумело в те дни предложить обществу четкую программу решения назревших проблем. Упускался последний шанс взять инициативу в свои руки. В решающий момент оно заняло позиции глухой обороны. Видя, в частности, что один из главных ударов антисоциалистических сил направляется против существующих профсоюзов, партийные и профсоюзные руководящие работники оказались неспособными принять энергичные меры для преодоления того «глубокого кризиса, который уже длительное время,—по словам журнала «Польша»,—переживали профсоюзы в результате грубого нарушения ленинских демократических норм их деятельности в социалистическом государстве».

Лишь 27 августа 1980 г. созывается пленум Централь-

ного совета профсоюзов, который проанализировал, хотя и не очень решительно и четко, основные недостатки в своей деятельности и признал необходимым срочно изменить методы и стиль работы. Однако и здесь время было потеряно. Во второй половине августа уже повсеместно создавалось новое «независимое и самоуправляемое профсоюзное объединение», принявшее название «Солидарность»¹.

31 августа правительство ПНР заключает с «межзаводским забастовочным комитетом» в Гданьске соглашение, в котором принимает большую часть выдвинутых требований (пункты о непризнании «новыми профсоюзами» руководящей роли ПОРП и другие, противоречащие конституции требования, из соглашения были исключены). Тогда же подобные соглашения были заключены с «забастовочными комитетами» Щецина и Ястшемба². Этими документами правительство фактически признало новое профобъединение «Солидарность». Однако в них оговаривалось, что устав «Солидарности» должен быть зарегистрирован официально в случае соответствия целей профсоюза Конституции ПНР³.

¹ Автором названия «профсоюз», созданного под эгидой КОС—КОР, был не кто иной, как Модзелевский. Это по его инициативе псевдопрофсоюзу, которому уже тогда была отведена роль главного антисоциалистического тарана, да-

но было священное для многих поколений рабочего класса слово-призыв, с которым пролетарские революционеры жили и умирали, борясь против власти капитала, за создание общества реального социализма.

² Относясь к ним с самого начала «серьезно и с уважением», как подчеркнуто 2 сентября 1983 г. Политбюро ЦК ПОРП, народная власть и сегодня продолжает линию на реализацию всего того, что

в этих общественных соглашениях «отвечает потребностям, чаяниям и ожиданиям всех граждан Польши» («Трибуна людей», 24 августа 1983 г.).

³ В представленных в дальнейшем в Варшавский воеводский суд уставных документах «Солидарности», заметим здесь сразу, признала «руководящую роль ПОРП в обществе», обязалась соблюдать

все положения Конституции и объявила, что не намерена становиться политической партией. После этого 10 ноября 1980 г. она была признана в качестве законного юридического лица.

Рабочая вывеска и псевдосоциалистические лозунги «профобъединения» смогли привлечь в ее ряды уже в 1980 г. 7—8 миллионов рабочих и служащих, в том числе сотни тысяч членов ПОРП.

Однако далеко не всех трудящихся тогда подвело классовое чутье. Центральное объединение профсоюзов перестало существовать, но значительная часть его членов не покинула свои «старые» отраслевые профсоюзы: примерно 4 миллиона человек остались в них, твердо поддерживая ПОРП и союзные с ней партии.

5—6 сентября 1980 г. ЦК ПОРП на своем пленуме проводит серьезные кадровые изменения в Политбюро, Секретариате и на ключевых государственных и партийных уровнях. Э. Герек и многие другие руководители лишаются своих постов. Пленум признает глубину допущенных в последнее десятилетие ошибок и деформаций и намечает программу выхода из кризиса. Принимается решение о созыве IX Чрезвычайного съезда ПОРП.

... Ныне, когда со времени тех бурных событий прошло больше трех лет и мы знаем не только о тяжких испытаниях, постигших Польшу, но и о том, что предшествовало «жаркому лету» восьмидесятого, уже нелегко взглянуть на события тех первых дней сентября глазами людей, только-только переживших потрясения июля и августа.

Но попробуем это сделать... Казалось бы, политический кризис идет на убыль. Произошла смена партийно-государственного руководства. Созданы профсоюзные объединения, пользующиеся доверием и поддержкой трудящихся. Партия вскрыла и самокритично признала свои ошибки. Намечены пути вывода страны из экономического кризиса, преодоления возникших деформаций. Как будто сделано все для того, чтобы общими усилиями снова выйти на путь нормального, восходящего развития. Гарантирована помощь и поддержка социалистических союзников, которые с пониманием отнеслись к возникшим в братской стране трудностям.

Тогда могло создаться впечатление — и оно создавалось у многих, — что время потрясений уже позади. Но это был не конец, а лишь начало шестнадцатимесячной драматической полосы в жизни народной Польши.

«Кукушкино яйцо» контрреволюции

Мера вины тех, кто завлек польский народ на край бездны, сегодня определена и взвешена. Но поучительно еще раз вспомнить, как разворачивались события после лета восьмидесятого, последствия которых еще многие годы будут ощущаться в повседневной жизни каждого поляка и десятилетиями отягощать его память.

...В первые недели открывшегося в июле—августе политического кризиса трудящиеся выявили свое справедливое недовольство весьма категорично и настоятельно. Тут-то давно поджидавшее такого момента антисоциалистическое подполье и подсунило им свое «кукушкино яйцо» — не только идею, но и почти готовую структуру «свободных профсоюзов» с уже заранее обученными «профсоюзными функционерами». Именно поэтому формирование «Солидарности» потребовало буквально считанных дней. «Независимый и самоуправляемый профсоюз» становился серьезным фактором общественной жизни страны.

Подавляющее большинство тех, кто намеревался проявить свою общественную активность в «Солидарности», были честные люди — рабочие и интеллигенты, верующие и атеисты, беспартийные и члены ПОРП, других партнерских с ней партий. Они поначалу увидели в «Солидарности» силу, способную помочь стране преодолеть ошибки и искажения.

Авторы идеи «кукушкина яйца» показали себя изощренными мастерами политической мимикрии, специалистами по введению в заблуждение общественного мнения. Как это им удалось?

Во-первых, в своих публичных заявлениях они ловко жонглировали лозунгами «оздоровления социализма», его «возрождения», «борьбы с ошибками», провозгласив в качестве своей высшей цели защиту интересов всех трудящихся, и в первую очередь — рабочих. В октябре 1980 г. председатель «Солидарности» Валенса публично декларировал: «Мы должны наводить порядок, не ниспровергать

социализм, не подрывать существующие союзы (со странами социализма.—В. Т.), а создавать независимые самоуправляемые профсоюзы». Ему вторил Гвязда—один из самых непримиримых врагов социализма: «Мы не допустим, чтобы профсоюзы стали платформой провозглашения политических взглядов отдельных лиц или целых групп». Даже «начальник штаба» контрреволюции, вожак КОС—КОР Куронь мгновенно перекрасился в «добропорядочного профсоюзного деятеля», почти полностью принимающего реалии социалистического общества. В своем выступлении в конце сентября 1980 г. он с подобающей осторожностью высказался о «пюрапистической структуре» отдельных общественных сфер жизни: «Конечно, я говорю о системе, в которой социальны структуры могут быть построены на свободной основе, в то время как ключевые решения,—с показной лояльностью заявлял он,—будут приниматься центральными инстанциями коммунистической партии, которая будет также координировать деятельность всех упомянутых общественных структур».

Во-вторых, вожаки контрреволюции умело использовали глубокую религиозность весьма значительной части польского общества. Религиозная символика становилась обязательным атрибутом «профсоюзного объединения»: повсюду проходили церемонии «освящения» знамен и стягов заводских и вышестоящих организаций «Солидарности»; все заседания и собрания начинались с молитвы. Так эксплуатировался авторитет влиятельной в стране католической церкви. В начале сентября примас Польши кардинал Вышиньский специально принял главу только что появившегося «свободного профсоюза». Более того, он сам отслужил особую мессу во здравие Вапэнсы. «Предоставление специальной аудиенции Валенсе,—подчеркивала в своем сообщении из Варшавы 9 сентября 1980 г. газета «Вашингтон пост»,—равнозначно официальному благословению, даваемому влиятельной польской католической церковью независимым профсоюзам».

Эта игра на религиозных чувствах простых людей была более чем циничной, поскольку многие контрреволюционные вожаки (среди них Куронь и Михник) были неверующими. Фарисейски лицедействовал и «набожный католик,

добрый семьянин-христианин» председатель «Солидарности» Валенса, который перед началом своих публичных выступлений каждый раз, как писал в сентябре 1980 г. с должным восхищением корреспондент журнала «Шпигель», «целовал крест, а затем национальное знамя»¹.

Разумеется, все эти люди, составлявшие верхушку пирамиды «независимого и самоуправляемого профсоюза», предназначали политические шоу с декламациями о преданности идеалам социализма исключительно для «толпы». В «своем кругу» они не стеснялись. Вот некоторые из заявлений, сделанных ими той же осенью 1980 г.:

Куронь («Информационный бюллетень» КОС—КОР, август 1980 г.): «Поезда вне расписания способны дезорганизовать всю железнодорожную сеть. КОР рассматривает новые профсоюзы в общественно-политической системе ПНР именно как упомянутые внепрограммные поезда — они имеют целью дезорганизовать и парализовать всю систему и обеспечить такую автономию каждому элементу общественных институтов, которая сделает партию неспособной принимать решения...»

Михник (журнал «Шпигель», октябрь 1980 г.): «Разве мы не находимся на одном из решающих этапов пути, ведущего к полной ликвидации нынешней системы?..»

Куронь (газета «Вельт», ноябрь 1980 г.): «С одной стороны, у нас в стране развиваются мощные самостоятельные и независимые движения, а с другой стороны, следует, в силу необходимости, пока еще терпеть руководящую роль партии, ее господство в органах власти...»

Подобные недвусмысленные высказывания лидеров КОС—КОР были, безусловно, известны в руководящих кругах ПОРП, других социалистических сил. «Вызывает

¹ Портрет Валенсы можно дополнить, к примеру, отрывком из интервью, данного им другому западногерманскому журналу — «Штерн» (март 1981 г.). Отвечая на вопрос, почему его тяготит «ноша вождя», он без стеснения признался: «Я не имею теперь права промочить

горло или провести время с девушкой без того, чтобы люди не сказали: «Ему сальтерская, что ли, в голову ударил». Следует, однако, сказать, что мужчины всегда остаются мужчинами, даже если занимаются политикой. Мужчины, конечно, не ангелы, ну и что?..»

беспокойство, — писала в начале осени 1980 г. «Трибуна люду», — поступающая из некоторых мест информация о том, что к процессу возрождения профсоюзного движения пытаются подключиться разного рода «посредники», представляющие уже давно известные в Польше оппозиционные силы, всевозможные враждебные социализму группировки. Они преследуют свои, чуждые рабочему классу цели». Но тогда польские коммунисты еще не полностью представляли себе масштабы грозящей стране контрреволюционной угрозы. И это объяснимо. Ведь в те дни почти все, о чем говорилось в первой части этой книги, было либо малоизвестно, либо неизвестно вообще. О степени недооценки политического противника достаточно красноречиво свидетельствуют строки из той же «Трибуны люду» от 26 октября 1980 г. (т. е. в самый разгар политического кризиса!). В одной из публикаций утверждалось, что группировки, выступающие против социалистической системы и правительства, «не являются опасными и многочисленными».

Многие продолжали считать, что антисоциалистические элементы, мелькавшие на поверхности нового профсоюза «Солидарность» в роли малоприметных «советников» и «экспертов», — это всего-навсего «политическая накипь» на «здоровом движении за обновление социализма». До поры до времени в лидерах КОС—КОР видели не организаторов «профобъединения», а просто «примазавшихся» к нему. Сохранялась надежда на конструктивное взаимодействие «Солидарности» с ПОРП и народной властью в преодолении растущего экономического кризиса. В те месяцы еще не было ясного представления о механизме формирования «профобъединения», которое было загодя подготовлено антисоциалистическими группировками, и прежде всего коскоровцами, еще в подполье.

Но именно поэтому даже после заполнения «свободного профсоюза» массой рабочих с их искренним стремлением к «обновлению социализма» «профобъединение» не могло уже изменить своего первоначально запрограммированного контрреволюционного характера. Руководящие органы «Солидарности» в центре и на местах сразу же оказались в руках заранее подготовленных анти-

социалистических элементов. Была уже обкатана и необходимая политическая программа. Это сразу же придало «профобъединению» характер, однозначно оппозиционный социализму, хотя и закамуфлированный до времени псевдосоциалистической риторикой ее лидеров под «рабочую организацию»¹. Действительно, не просто было сразу осознать, что формирование и развертывание структур нового профсоюза идет по давно проработанному сценарию и что из «кукушкина яйца», ловко подброшенного в движение «рабочего протеста», вылупляется злобный и прожорливый «птенец» контрреволюции.

Конечно, социалистические устремления рядовых членов «профобъединения» (в том числе и членов ПОРП) не могли не оказывать определенного воздействия на политическое поведение, тактические установки и лозунги, публично выдвигаемые его лидерами. Некоторое время они в какой-то мере сдерживали антисоциалистическую верхушку «Солидарности», заставляли ее постоянно маневрировать. Но не более того. Уже к осени 1980 г. «Солидарность» окончательно стала тем, чем и должна была стать. Во главе ее оказались именно те люди, которые были подобраны и выдвинуты КОС—КОР². Принципиальные

¹ Ошибочное смешение двух разных вещей: массового состава «Солидарности», состоявшей в низовых звеньях из трудящихся, и антинародного, антисоциалистического характера деятельности подавляющей части его руководства всех ступеней, начиная с заводских организаций, привело и некоторые прогрессивные круги, даже коммунистов, в ряде стран Запада к совершенно неверному суждению о

«Солидарности» как о «народной социалистической силе», «главной пружине социалистического обновления Польши». Но если многие в Польше вскоре пересмотрели свои оценки «Солидарности», то указанные западные круги до сих пор, несмотря на обнажившийся «каркас» этого «рабочего профсоюза», упорно придерживаются своей первоначальной трактовки.

² «Я лично являюсь учеником КОР», — со всей подобающей адекватностью скромности сообщал председатель «Солидарности» в интервью японской газете «Асахи» в сентябре 1981 г. Еще раньше, в апреле того же года, в интервью, взятом у него американским агентством Юнайтед

Пресс Интернэшнл, Вавлэнса зесседельствовал, что именно «КОР» заложил прочные основы «Солидарности», но сейчас мы стали даже лучше своих учителей». Последнее его замечание далеко от действительности: он как был, так и остался тем же «лейтенантом» при КОСКО-

политические решения принимались тем же антисоциалистическим подпольем.

Процесс преодоления иллюзий относительно сущности «Солидарности» и целей ее экстремистских лидеров значительно ускорился, как только она, едва завершив организационное оформление, приступила к выполнению своих «профсоюзных функций». Уже ранней осенью началась, пока что пробная, кампания «забастовочного терроризма». Был брошен лозунг, спекулирующий на чисто потребительских настроениях: «улучшить социализм — это прежде всего поднять уровень жизни трудящихся!». Правительство-де может, но не хочет снизить цены и поднять зарплату, ему ничего не стоит это сделать, прибегнув к сокращению «чрезмерных капиталовложений» в народное хозяйство. Конечно, лидеры антисоциалистических сил (а среди них были и экономисты — такие, в частности, как коскоровец профессор Липиньский) понимали ту элементарную истину, что в условиях нарушенного равновесия на рынке товаров народного потребления, снижения производительности труда, роста инфляции и огромных иностранных долгов эскалация материальных требований неотвратимо ведет к еще большему углублению кризиса, дезорганизации всего народного хозяйства и в конечном счете — снижению жизненного уровня трудящихся.

Но они преднамеренно шли на это. «Своеобразие действий антисоциалистической оппозиции в Польше, — говорил о тех месяцах год спустя В. Ярузельский, — заключалось в том, что она избрала в качестве объекта

ровских генералах. И если волею подлинных организаторов антипольского заговора этот человек — ничем не примечательный, заурядный, не прочитавший в своей жизни, по его собственному признанию (в интервью итальянской журналистки О. Фаллачи), ни одной книжки, был вознесен на пьедестал не только всепольской, но всемирной известности, то только потому, что по внешним приметам своей биографии («из рабочих, «рев-

ностный католик» и т. д.) он очень подходил для того, чтобы стать символом «красочней революции в католической стране». Цитирование «лейтенанта» Валенсы в этой книге объясняется только тем, что председатель «самоуправляемого профсоюза» был по должности достаточно громким рупором для своих генералов, которых, как уже говорилось, звали в «Солидарности» внешне неприметные должности.

конфронтации с властью, с социализмом экономику, чтобы парализовать ее и таким образом добиться падения социалистического государства». Затяжная волна забастовок в августе — декабре 1980 г., помимо того что у правительства все-таки были вырваны значительные прибавки к зарплате, неминуемо ускорявшие процесс инфляции, привела к тому, что польская индустрия не произвела продукции на 88 млрд. злотых. Это было равносильно тому, как если бы все промышленные предприятия страны одновременно остановились на целых десять дней. Ущерб был равен, если взять другой его разрез, почти двум пятым всех государственных ассигнований на социальные нужды в 1980 г. Это еще больше затруднило обеспечение населения товарами первой необходимости. (Заметим здесь попутно, что автор еще неизвестного тогда «плана дестабилизации Польши» Бжезинский в интервью одной американской газете 1 декабря 1980 г. с плохо скрываемым удовлетворением констатировал «катастрофическое экономическое положение в Польше».)¹

Получив в этом смысле максимум возможного, руководители «Солидарности» в январе 1981 г. начали новый тур экономических диверсий, но уже в другом направлении. «Обновители социализма» выдвинули еще один внешне привлекательный, а по сути разрушительный ло-

¹ Запад в этот период для поддержания действий «Солидарности» резко усилил свое финансово-экономическое давление на ПНР. Осенью 1980 г. правительство ПНР обратилось к США с просьбой о предоставлении чрезвычайной финансовой помощи, в основном для закупки фуражного зерна, в размере 3 млрд. долл. О настроениях и планах в «коридорах власти» США поведал 15 ноября 1980 г. корреспондент ЮПИ в своем сообщении из Вашингтона. В администрации не склонны, передавал он, торопиться с помощью, «пока польское правительство не докажет, что завоевания в отношении свободных

профсоюзов, которые были достигнуты в результате августовских забастовок, полностью гарантированы». В случае отказа пойти на политические уступки внутренним оппозиционным силам Белый дом планировал нажать на ахиллесову пяту Польши — критическую необеспеченность ПНР кормами. «Ведь польская аграрная экономика, — разъяснили корреспонденту в официальных кругах Вашингтона, — построена на выкармливании скота в основном импортным зерном. Если урегулирование не будет найдено, то придется забивать скот, который является основным аграрным активом Польши»

зунг: сокращение рабочего времени за счет незамедлительного введения выходных суббот (до этого в ПНР был один выходной день.—В. Т.). «Солидарность» решила установить эти выходные субботы явочным порядком. В результате невыхода части трудящихся на работу в течение двух рабочих дней и продолжающихся забастовок польская экономика потеряла только в январе 1981 г. товаров еще на 28 млрд. злотых. С начала года в результате дестабилизирующих акций «Солидарности» падение производства охватило практически все отрасли промышленности и строительства¹.

Уже февральский (1981) пленум ЦК ПОРП, хотя надежда на победу внутри «Солидарности» здоровых сил еще не была исчерпана, дал реалистичную оценку роли «профобъединения» и его руководства в углублении экономического кризиса в политических целях: «Несомненно, одна часть причин кризиса, — говорится в постановлении пленума, — заключается в экономических последствиях ошибок прошлого, тогда как другая их существенная часть возникла лишь теперь. Решающую роль здесь сыграла

¹Католическая церковь, которая поддержала создание «Солидарности», полагая возможным поставить ее под свое влияние — для расширения, как выразилась одна католическая газета, «жизненного пространства церкви», вскоре убедилась, что «профобъединением» заправляют люди, которые хотят прикрыться авторитетом церкви для форсирования процессов дестабилизации и контрреволюционного взрыва. Епископат призывал к осторожности и постепенности в изменениях и не одобрял «забестовочного терроризма». Он стремился к достижению политических изменений прежде всего путем растущего «общественного давления» на социалистическое государство. Кардинал Вышиньский неоднократно призывал паству «работать добросовестно и с чувством гражданской ответственности», а не

встрече с руководителями «Солидарности» он говорил им, что «не следует увлекаться амбициями чисто политической направленности». «Помните, — наставлял он, — что первейшей вашей целью является реализация профессионально-социальных задач». Более того, заместитель секретаря польского епископата вббет А. Оршулик в декабре 1980 г. даже обвинил оппозиционные организации, прежде всего КОС—КОР, в «безответственном поведении, которое ставит под угрозу суверенитет страны». Цель церкви состояла в том, чтобы, поддержав создание достаточно сильной антисоциалистической оппозиции, взять на себя роль арбитра между ней и социалистическим государством, используя эту роль для углубления своего влияния на все сферы общественной жизни.

нарастающая волна затяжных забастовок... И если «Солидарность», зная об обострении экономических проблем, продолжала проводить политику забастовок, то совершенно очевидно, что она действовала так отнюдь не для того, чтобы обеспечить трудящимся лучшие условия жизни, а для того, чтобы по политическим мотивам добиваться дальнейшей дестабилизации положения в стране».

Оценки февральского пленума ЦК ПОРП означали, что руководящие центры ПОРП, других социалистических сил начали критически пересматривать свои первоначальные прогнозы относительно конструктивного сотрудничества с «Солидарностью» и подошли к выводу, что политический кризис, открытый событиями «жаркого лета» 1980 г., все больше перерастает в контрреволюционный процесс. Они увидели, что предстоит длительная и ожесточенная борьба с классовым противником, прикрывшимся от удара, как щитом, массами рядовых членов «Солидарности».

Но еще предстоял длительный и многотрудный процесс осознания на собственном политическом опыте контрреволюционной сущности руководящих структур «Солидарности» миллионами трудящихся, и прежде всего многими сотнями тысяч рядовых членов ПОРП, Демократической партии, Объединенной крестьянской партии, социалистических молодежных организаций. Как подчеркнул на июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС Ю. В. Андропов, «за ошибки в политике приходится расплачиваться. Когда ослабевает руководящая роль компартии, возникает опасность соскальзывания к буржуазно-реформистскому пути развития. Теряется связь партии с народом — и в возникшем вакууме появляются самозванные претенденты на амплуа выразителей интересов трудящихся».

И тем труднее вскрыть истинную подоплеку их действий, чем глубже деформации общественного сознания масс. Нужна длительная и напряженная борьба за каждого человека, требуются неопровержимые доказательства предательства этих «самозванных претендентов на амплуа выразителей интересов трудящихся».

Одним из таких веских доказательств стала «программа действий» КОС—КОР, опубликованная в польской печати в мае 1981 г. Она была обнаружена не в Польше, а...

в Италии¹. Информация польской общественности об этой откровенно путчистской программе главного штаба контрреволюции, составленной после начала событий в ПНР летом 1980 г., достаточно многим открыла глаза. Нетрудно представить, насколько большим был бы эффект, появившись она в печати хотя бы на полгода раньше.

Эта программа не только проясняет скрытые пружины многих событий, происшедших в стране с августа 1980 до мая 1981 г. *В ней изложен предельно четкий план* (как много найдет здесь читатель перекличек с «планом Бжезинского!») *захвата власти и свержения социализма.*

В соответствии с этим планом весь контрреволюционный процесс должен пройти три этапа.

Главная цель **первого этапа** — «превратить профсоюз «Солидарность» в основную базу КОР, придать деятельности профсоюза политический характер и превратить «Солидарность» в реальную оппозиционную правительству силу». Программа действий предусматривает, что на этом этапе сам КОС—КОР должен оставаться «в тени, руководя деятельностью профсоюза «Солидарность» на разных уровнях изнутри через своих закрытых (секретных) членов, внедренных в профсоюз. Эти группы должны быть главными организаторами забастовок и всех других форм антиправительственной деятельности. Главный противник КОС—КОР—ПОРП. Ведущий метод борьбы — экономическая и политическая дестабилизация».

Сопоставим эти «выкладки» КОС—КОР с уже известными нам пунктами «плана Бжезинского».

Экономическая дестабилизация. Углубление и расширение масштабов экономического кризиса в стране — «необходимое условие для продолжения успешной борьбы против нынешнего режима. Любое новое ухудшение

¹ Предприимчивые итальянские журналисты в поисках очередных «сенсаций» обнаружили этот документ в кругах, близких к пресловутым «красным бригадам». Ничего странного в этом сегодня нет, когда стали известны довольно тесные

связи между экстремистскими вожаками польской антисоциалистической оппозиции и итальянскими крайними леваками-террористами. Но тогда о существовании такой программы знала лишь самая узкая коскоровская элита.

экономического положения создает благоприятные условия, которые позволяют оказывать растущий нажим на руководство партии и правительства; это ухудшение подорвет режим и в конце концов изолирует его от масс».

Политическая дестабилизация. «Если бы обстановка стабилизировалась, — говорится в коскоровском документе, — позиции ПОРП укрепились бы. Вот почему КОР предусматривает поддерживать неустойчивость в стране, создавать трудности для ПОРП, препятствовать реализации ею своего курса, вынуждая таким образом ПОРП все время действовать в обороне... Таким путем КОР намерен вызвать раскол в рядах ПОРП и в государственном аппарате...»

На этот первый этап программой было отпущено около года.

Второй этап в полном соответствии со стратегией «ползучей» контрреволюции определен как «решающий» и на него отводится солидное время — с 1981 по 1983 г. «На этом этапе основные силы КОР будут стремиться расколоть ПОРП» (вспомним рекомендацию Бжезинского о создании группировки «умеренных коммунистов». — В. Т.), а также «двуморализовать и нейтрализовать» армию. Одна из главных задач — преобразование «Солидарности» в «независимое широкое политическое движение» (у Бжезинского — «свободное народное движение сопротивления». — В. Т.) как основу постепенного создания структур «антивласти» снизу доверху. Метод дестабилизации по-прежнему остается основным: поддержание в стране «напряженности и постоянной неуверенности, выдвижение все новых требований, в том числе и политических». Одна из самых важных задач этого этапа — «занятие ключевых постов в средствах массовой информации».

Второй этап, таким образом, по расчетам авторов программы КОС—КОР, «должен обеспечить условия, которые позволят перейти к третьему этапу, когда будет установлен режим, подобный тому, какой существовал в Польше до 1939 года»¹ (курсив мой. — В. Т.). Вот и «борь-

¹ Как мы помним, руководящее «трио» КОС—КОР — Куронь, Модзелевский и Михник начинали свою

«карьеру» как троцкисты. В своей программе действий они выдвигают иную модель: буржуазного го-

ба за улучшенный социализм!» «Конечная цель действий КОР на этом этапе, — подытоживает программа, — захват власти». Документ, редкий по откровенности и политической однозначности целей тех, кто его составлял.

Итак, к осени 1980 г. у КОС—КОР уже был подробно разработанный и, без сомнения, не раз прокатанный в Вашингтоне сценарий возможного хода событий. В свете этих данных совершенно очевидно, что было бы упрощением «спрямлять», как иногда это проскальзывает в отдельных публикациях, посвященных польским событиям 1980—1981 гг., ход этих событий. Подчас дело представляется так, что коскоровцы и их ставленники в «Солидарности» сразу же взяли курс на немедленный захват власти. Это не так.

Начиная с летних месяцев 1980 г. контисоциалистическая оппозиция приступила к выполнению основных целей первого этапа.

Резкое сокращение производства, лавина инфляции, снижение уровня жизни всех категорий тружеников не заставили себя долго ждать. Но как рыв в этом и состояла главная цель «забастовочного терроризма», развязанного лидерами «Солидарности». Растущие хаос и анархия в социально-экономической жизни страны должны были, по замыслам организаторов этого хаоса и анархии, подорвать веру масс в социализм, доказать «нвсостоятельность» социалистической системы и «неспособность» народной власти к управлению. Тем самым создать благоприятные условия для перехода ко второму этапу— разрушению экономических и политических структур социалистического государства и постепенной их замене собственным «антигосударством».

К сентябрю 1981 г. «звбастовочный терроризм» уже в полной мере принес свои чудовищные плоды. Выпуск продукции в ведущих отраслях экономики сократился в среднем на 15 процентов, тогда как фонд зарплаты на

сударства президентского типа с «сильной властью». Правда, в эту модель вкраплены и элементы, заимствованные из арсеналов анархо-синдикализма и троцкизма,

например «самоуправляемая республике». Они были им нужны как привлекательные и броские лозунги.

26 процентов увеличился. Товарный дефицит, представлявший и летом 1980 г. серьезную угрозу экономике в результате вырванных у правительства «прибавок» к зарплате, к июню 1981 г. возрос почти в 4 раза и приблизился к гигантской цифре — 400 млрд. злотых. 35—40 процентов всех денежных средств, входящих в руках у населения, не было обеспечено товарами. Правительство было вынуждено ввести карточную систему на основные продукты питания и многие промышленные товары первой необходимости.

Каждый день серьезно усугублял положение. Если в начале 1981 г. для восстановления равновесия на товарном рынке цены на продовольственные товары, по расчетам правительственных экспертов, нужно было поднять в среднем на 66 процентов, то в июле того же года для этого понадобилось бы повышение, равное 110 процентам.

Здесь следует, хотя бы коротко, остановиться еще на одной дестабилизирующей акции, предпринятой антисоциалистическими лидерами. В марте 1981 г. ими была создана своя база в польской деревне — «Солидарность» крестьян-единоличников¹. В программу этого объединения, инициатором которого был также вездесущий КОС—КОР, вошли в качестве основных два требования: продажи «крепким хозяйствам» государственных земель и допущения «свободных цен». Сельская «Солидарность» организовала бойкот государственных закупок сельскохозяйственных продуктов, еще более обострив уже к лету 1981 г. продовольственное положение в городах.

В чем же еще преуспели примерно за год — с августа 1980 г. — «организаторы хаоса»?

¹ Обращает на себя внимание тот факт, что из поля зрения империалистических подрывных центров и предводителей внутренней контрреволюции поначалу почти выпало польское крестьянство (почти четверть населения страны). Им казалось, что крестьянство, в отличие от рабочего класса, который необходимо было интенсивно «обрабаты-

вать», сразу же стихийно поднимется против социализма, став польской «вандеей». Однако, как известно, этого не случилось. Поняв свой крупный просчет, вожаки контрреволюции уже в разгар общественно-политического кризиса, примерно с начала 1981 г., приступили к планомерной дестабилизации ситуации в деревне.

В апреле 1981 г. на базе подпольных «студенческих комитетов солидарности» (крайне экстремистского направления), созданных в 1977—1978 гг., в Кракове состоялся учредительный съезд «независимого союза студентов», объединившего примерно 70—80 тысяч (15—20 процентов) учащихся вузов. Съезд заявил, что в связи с тем, что «Солидарность» становится «все более умеренной» (?!), она нуждается в «подталкивании» со стороны «радикальных элементов». Добавим здесь, что постепенно почти полный контроль над этой группировкой перешел к «Конфедерации независимой Польши». При подготовке к контрреволюционному путчу в конце 1981 г. «независимому союзу студентов» отводилась, как мы увидим, весьма важная роль. «Конфедерации независимой Польши» удалось также внедриться во многие легальные и нелегальные организации, прежде всего в Силезии, где под ее крыло перешли многие структуры «Солидарности».

К лету 1981 г. коскоровцы подчинили своему влиянию многие творческие союзы, и прежде всего союз журналистов. На ряде крупных предприятий с помощью шантажа и прямого давления их руководители были заменены «своими людьми».

Контрреволюционным вождям удалось активизировать ревизионистские элементы в ПОРП. Как говорил позже, в 1982 г., член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП К. Барчиковский, «под давлением антисоциалистической оппозиции в партии возникли центробежные силы. Особенно были опасны правые, ревизионистские силы, так называемые «горизонтальные структуры», которые пытались консолидироваться в устойчивую фракцию». Идеиные и политические шатания явственно проявились также и в Демократической, и в Объединенной крестьянской партиях.

Под флагом «Солидарности» контрреволюцией был создан достаточно мощный идеологический аппарат. Тираж центрального органа «Солидарности» — еженедельника того же названия — достиг 500 тыс. экз. Выходили и другие легальные и нелегальные издания. Еженедельно из Варшавы «Солидарностью» рассылалось 650 магнитофонных кассет с 90-минутной программой, которая

транслировалась через заводские радиоузы. Широкий размах приняли антиправительственные демонстрации чисто политической окраски, подчас переходящие в серьезные беспорядки.

В целом вплоть до середины лета 1981 г. ПОРП и другие социалистические силы находились в обороне, допуская серьезные и постоянные уступки контрреволюционным силам¹.

Как видим, широкая дестабилизирующая деятельность антисоциалистических сил, выступивших под легальной вывеской «Солидарности», на первом этапе намеченной ими программы принесла свои немалые «плоды» как в экономической, так и в политической сферах.

Но означает ли это, что контрреволюция добилась всего, чего хотела? Разумеется, нет.

Коскоровские стратеги всячески стремились к тому, чтобы в ПОРП возобладало «реформистское направление», т. е. курс на примирение и соглашение с контрреволюцией. Но, несмотря на то что в партии весьма отчетливо проявились признаки фракционности и к моменту IX Чрезвычайного съезда в ней действовали активные сторонники «Солидарности», расколоть ПОРП не удалось². Однако надежды на победу в «Солидарности» «здорового крыла» и на возможность соглашения с ним еще оставались. Полностью взвешенные и четкие суждения о сущности «Солидарности» возобладали среди польских коммунистов лишь после того, как «профобъединение» в

¹ Все эти опасные явления не могли не вызвать беспокойства братских партий соседних социалистических стран, в том числе КПСС. В своем письме в июне 1981 г. в адрес ЦК ПОРП Центральный Комитет КПСС выразил серьезную озабоченность действиями контррево-

люционеров, которые, как отмечалось в письме, «вводят борьбу за власть и уже ее захватывают. Под их контроль переходит одна позиция за другой. В качестве своей ударной силы контрреволюция использует экстремистское крыло «Солидарности».

² «Съезд — как подчеркнула недавно «Трибуна людз», — смог защитить партию от распада, от преобладающих тенденций отхода

от ленинских принципов партийности, от идейного, политического и морального поражения».

сентябре — октябре 1981 г. провело свой съезд, обнаруживший окончательно «кто есть кто». Как писала «Трибуна люду» в июле 1983 г., «во время IX съезда партия хорошо знала, чего не надо делать, но еще мало знала, что следует делать».

Во всяком случае, IX съезд открыл полосу сплочения членов партии вокруг выдвинутой им конструктивной программы нормализации положения в стране. После съезда они начали глубже осознать тот факт, что политический процесс идет к открытой контрреволюции. Миф о «Солидарности» был развеян. А это означало, что *IX съезд ПОРП стал важной вехой в постепенном изменении соотношения противоборствующих сил*¹.

Далее. Антисоциалистической оппозиции не удалось нарушить союз Объединенной крестьянской и Демократической партий с ПОРП.

Принципиально существенным был и тот факт, что продолжали функционировать, и небезуспешно, социалистические оппоненты «Солидарности» — отраслевые и автономные профсоюзы, разделявшие позиции ПОРП и народной власти. Как уже отмечалось, во Всепольскую комиссию сотрудничества отраслевых профсоюзов входило 24 организации. Особенно быстро рос профсоюз строителей. С января по сентябрь 1981 г. количество его членов увеличилось с 200 до 500 тысяч человек.

Не удалось в той мере, в какой предполагалось, децентрализовать государственный аппарат. Полностью вне разлагающего влияния экстремистских лидеров «Солидарности» оставались армия, милиция, органы безопасности.

Расчет контрреволюции на безоговорочную поддержку католической церковью всех ее акций также не оправдался. Церковь предпочитала позицию «посредника». Именно

¹ Конечно, предводители контрреволюции тогда еще этого не понимали. Им казалось, что приближается время полной победы над ПОРП, ее полной дезинтеграции. У

них все шло «по плану»: как мы помним, окончательное разложение ПОРП входило в задачу второго этапа (1981—1983 гг.) их программы.

в связи с этим КОС—КОР оттеснил на второй план группу католических советников «Солидарности»¹.

Но все же руководители контрреволюции посчитали, что общий баланс сил к осени 1981 г. склоняется в их пользу, и сочли возможным перейти к следующему этапу «тихой» контрреволюции².

Первые признаки такого поворота обозначились еще летом 1981 г., когда из лексикона руководителей «Солидарности» вдруг исчезли слово «социализм» и призывы к его «улучшению», «обновлению», «возрождению». Более того, стало даже модным в элитарных слоях «Солидарности» заявлять о полном неприятии социализма. Популярный в кругах «профобъединения» публицист Киселевский писал в июне 1981 г. на страницах еженедельника «Солидарность»: «Все у нас, исходя, быть может, из тактических соображений, высказываются за социализм, однако никто

¹ Заметим, кстати, что к осени 1981 г. с руководящих постов в низовом и среднем звене «Солидарности» были удалены почти все ак-

тивисты, неугодавшие КОС—КОР. И прежде всего, разумеется, члены ПОРП.

² В этой связи польские антикоммунистические силы большие надежды возлагали на возросшую агрессивность внешнеполитической линии США после вступления Рейгана в январе 1981 г. в должность президента. Новый президент резко ужесточил антипольский курс. В марте 1981 г. он отказал ПНР в отсрочке погашения долгов и в новых займах до тех пор, пока в Польше не прекратится «опиоидное» давление властями независимого профсоюзного движения. Это был бесцеремонный и открытый ультиматум. Отметим, что он не был поддержан европейскими союзниками США по НАТО. Они полагали, что больший успех будет обеспечен, если не торопиться и дать «польскому партнеру» время более основательно расшатать основы на-

родной власти. Правительства ФРГ и Франции — самые крупные финансовые «доноры» — отказались поддерживать «ковбойский» нажим Рейгана и в марте — апреле предоставили Польше новые кредиты. И это было сделано, несмотря на личный телефонный звонок президента США тогдашнему канцлеру ФРГ Г. Шмидту с требованием отказать Польше полностью в кредитах до выполнения «политического ультиматума», предъявленного Вашингтоном.

Это была первая серьезная трещина в том международном заговоре против ПНР, который, как мы знаем, был оформлен политически и юридически членами НАТО фактом принятия антипольского секретного плана «Хилекс — 5» (1978 г.).

(возможно, тоже тактика) точно не говорит, как он понимает этот социализм и где видит его границы. Лично я нвхожусь, — звключвет ввтор, — в лучшей ситуации, ибо многократно открыто утверждал, что не являюсь и никогда не являлся сторонником социализма или коллективизма».

К осени 1981 г. контрреволюционный процесс, по мнению его режиссеров, *вплотную подошел к той точке, когда следовало приступить к осуществлению главной задачи второго этапа — созданию структур собственно «антигосударства», перехвату рычагов власти*. И начать это они предполагали снизу — с самых элементарных механизмов государственной машины. Но здесь требовалась значительная перестройка собственных организационных структур, их переориентировка на эти новые задачи.

Однако к этому времени в самом лагере контрреволюции неожиданно резко проявились разногласия, которые затрудняли и осложняли ей этот поворот.

Дело в том, что на волне «забастовочного терроризма» — главного дестабилизатора общественной жизни страны — в руководство «Солидарности» влились новые «активисты». Будучи настроены столь же воинственно антисоциалистически, они до августа 1980 г. активного участия в подрывных антигосударственных действиях не принимали.

Появление на поверхности политической жизни Польши этих новых «борцов за свободу и демократию», на первый взгляд, может показаться неожиданным. Но это только на первый взгляд.

Дело в том, что социальная база контрреволюции не ограничивается представителями бывших эксплуататорских классов, а также деклассированными и преступными элементами. В условиях деформаций социализма, искажения его принципов она может значительно расшириться. Это, в частности, отметил теоретический и политический журнал КПЧ «Нова мысль» в своем январском номере за 1983 г.: «Контрреволюция может получить сравнительно широкую социальную базу для атаки против социализма в части мелкой буржуазии, если, например, сохранился мелкобуржуазный сектор в сельском хозяйст-

ве, если сохраняются различные формы мелкого производства и частного предпринимательства. Контрреволюционные силы могут получить социальную опору и в так называемой «новой мелкой буржуазии», которая паразитирует на недостатках социализма, обогащается на спекуляции и коррупции и использует все возможности для нелегального частного предпринимательства).

Как раз из подобных слоев и рекрутировались «стихийные контрреволюционеры». Появившиеся после августа 1980 г. они, подобно грибам после дождя, заперestreли на политическом поле «Солидарности». Именно они составили основу фракции «рвдиквлов», «бешеных», или, как их тогда называли, «фундаменталистов», и достаточно серьезно потеснили во всех звеньях «Солидарности» профессиональных контрреволюционеров и их креатуру. Последние на фоне своих «бешеных» собратьев выглядели «умеренными». «Радикалы» слабо разбирались в тонкостях контрреволюционной стратегии и тактики. Их кредо было элементарным и прямолинейным — не медля ни дня, сейчас же идти на вооруженный штурм социалистического государства, не считаясь ни с какими нюансами внутривнутриполитической и международной обстановки. К числу крайних «радикалов», составивших руководящее ядро этой фракции, можно отнести Я. Рулевского (Быдгощ), М. Юрчика (Щецин), А. Розпловского (Катовице), Г. Пальку (Лодзь).

«Умеренные», или «прагматики», ни на минуту не упускавшие рычаги реальной власти в «Солидарности», ловко использовали зоологическую ненависть «радикалов» к социализму. Они поручили им роль ударной силы, роль непосредственных организаторов акций, расшатывающих экономические и политические структуры социалистического государства. Более того, ярый экстремизм «бешеных», оттеняя анешнюю респектабельность «умеренных», помогал истинным капитанам корабля контрреволюции вводить в заблуждение широкую польскую общественность относительно своих подлинных намерений¹.

¹ Подобные иллюзии длительное время были достаточно широко

распространены и среди защитников социализма, которые считали

Но к середине лета 1981 г. «радикалы», вследствие своих активных и, надо признать, довольно результативных дестабилизирующих действий, стали приобретать все большее влияние в руководящих кругах «Солидарности». Многим ее вожакам стало казаться, что пришло время для прямого штурма социализма. Все чаще демонстрации и митинги проходили под агрессивными лозунгами «бешеных». В ответ на предостережения Куроня, Модзелевского, Валенсы и К не торопиться, быть осторожными, ждать благоприятного момента для свержения правительства «радикалы» обвиняли своих «умеренных» коллег в «оппортунизме», «трусости» и даже «предательстве». Характерно в этом отношении выступление на страницах еженедельника «Солидарность» одного из нетерпеливых «бешеных», руководителя лодзинского «профцентра» А. Словика. Он писал: «Валенса говорит, что радикалом является человек, который идет на ощупь и поэтому бьется головой об стенку. Той же конечной цели, по мнению Валенсы, можно добиться, — иронизировал над тактикой «умеренных» Словик, — если сойти немного в сторону с тропы, посидеть там спокойно недельки две, а потом прийти и сказать: «Здравствуйте, налейте мне, пожалуйста, побольше супа!...»⁴

Такие настроения в руководящих кругах «Солидарности» всерьез обеспокоили штаб антисоциалистических сил во главе с КОС — КОР. Здесь понимали, что для сверже-

возможным даже союз с этим «умеренным» крылом в «Солидарности» для изоляции «радикалов». Такие взгляды означали непонимав-

ние главных пружин контрреволюции и того, откуда грозит основная опасность социализму в стране.

⁴ Другой «радикал» — Рулевский — в марте 1981 г. пытался спровоцировать в Быдгоще кровавые беспорядки, чтобы «вызвать всепольское антикоммунистическое восстание». Предводители контрреволюции из фракции «умеренных» не поддержали эту акцию. Тогда Рулевский написал специаль-

ное письмо на имя всепольской комиссии «Солидарности», в котором обвинял «профобъединение» в том, что оно «прозевало момент национального восстания». Такое же мнение высказал и Гвизда — зым. председателя гданьской «Солидарности».

ния социализма условия еще не созрели. Даже в середине сентября 1981 г., по оценке Куроня, в случае открытого противоборства с народной властью активно выступило бы на стороне экстремистских лидеров «Солидарности» только 30 процентов населения. Столько же, по его статистике, пошло бы за коммунистами, остальные — стали бы колебаться¹. Поэтому «умеренные» считали, что пока дело «естественным путем» не дошло до конфронтации с народной властью, пока государство и его основные рычаги окончательно не выведены из строя или не перешли под контроль «Солидарности», пока за партией коммунистов идут значительные массы, такое преждевременное выступление может окончиться поражением.

Куроню и другим руководителям «умеренных» становилось все более ясным: для того чтобы перейти непосредственно к созданию подпольного «антигосударства» и подготовке условий для завершающего вооруженного штурма социалистической власти, необходимо было, поставив «бешеных» под свой контроль, сплотить все антисоциалистические группировки на единой платформе.

¹ Сигналов, побуждавших размышлять над соотношением политических сил в стране, у вождей контрреволюции уже тогда было достаточно. В целом, с того момента, как генерал В. Ярузельский стал Председателем Совета Министров в начале 1981 г., соотношение сил стабилизировалось вплоть до сентября. По данным опроса общественного мнения, проведенного «Солидарностью» в марте 1981 г., 60 процентов опрошенных активно или лассивно поддерживало нового главу правительства. Один примар. В начале сентября 1981 г. руководство «Солидарности» решило с помощью «заводского референдума» сместить не удобного ему ди-

ректора крупнейшего в стране металлургического комбината в Катовице. О результатах голосования пресса «Солидарности» умолчала. И не случайно. Как сообщила английская газета «Гардиан», эти результаты были для антисоциалистических сил довольно нуташительными: более 6 тыс. рабочих в референдуме не участвовали, а 3 тыс. чланов «Солидарности» проголосовали за директора и против рекомендаций своих боссов. «Это событие наводит на мысль, — прокомментировала «Гардиан», — что громоподобность и ярость резолюций руководства на обязательно поддерживаются рабочими».

Метаморфозы «рабочего профсоюза»

Этот поворот предстояло осуществить широко рекламированному съезду «Солидарности», который вот-вот должен был начаться.

Первый его тур открылся с большой помпой в гданьском дворце спорта «Олимпия» в первых числах сентября, второй — прошел в конце сентября — первых числах октября 1981 г.

Как и следовало ожидать, в течение всех 18 дней работы съезд, на который прибыло свыше 800 делегатов, избранных в региональных организациях «Солидарности», обсуждал проблемы, весьма далекие от профсоюзной деятельности¹. *Главной темой дискуссии был вопрос — как и когда выходить на финишную прямую в схватке за власть.* «Радикалы» стояли за немедленный штурм, «умеренные» ратовали, как уже говорилось, за постепенный демонтаж существующей политической и экономической системы.

«Умеренным» удалось получить на съезде большинство, хотя и весьма шаткое. Соотношение сил показали итоги голосования при выборах председателя «Солидар-

¹Круг «почетных гостей» съезда, приглашенных из-за рубежа, был чрезвычайно пестр — от представителей крайне правых западных профобъединений типа американской АФТ—КПП до ультралевацких, террористических организаций. Профсоюзам стран социалистического содружества послать приглашения «не успели», как объясняли лидеры «Солидарности» (они, конечно, понимали, что такие приглашения останутся без ответа).

Кстати, о террористах. В числе гостей был и некий Х. Фернандес, который вскоре в Португалии покушался на жизнь папы Иоанна Пав-

ла II. Реформистский Итальянский союз труда представлял на съезде заведующий его международным отделом Л. Скриччоно, который, как стало вскоре известно, был теснейше связан с «красными бригадами». В феврале 1982 г. он вместе с супругой (оба они неоднократно посещали ПНР в 1980—1981 гг.) был арестован итальянской полицией. Во время следствия Скриччоно признался, что подробно знал о вершущей «Солидарности» (Курона, Модзелевского, Михника, Розпловского) с техникой террористических акций, осуществлявшихся «красными бригадами».

ности». Кандидат «умеренных» Валенса собрал чуть больше половины голосов (55,2 процента). Остальные голоса разделились между конкурирующими группами «радикалов» (Юрчик, Гвязда, Рулевский). 5,7 процента собравшихся воздержались при голосовании.

В отличие от «радикалов» «умеренные» во главе с КОС—КОР действовали согласованно и целенаправленно, шаг за шагом навязывая другим группировкам свой план осады социалистического государства. «Конфедерация независимой Польши» выступила в изначально предназначенной для нее роли «группы давления». В полемике между «радикалами» и «умеренными» КНП поддерживала последних, поскольку их тактика имела большие шансы на успех.

Процесс «усмирения» фракции «бешеных» был нелегким, перепалки часто переходили во взаимные обвинения и оскорбления. Вот несколько характерных штрихов развернувшейся на заседаниях дискуссии (по стенографической записи):

«Радикал» Рулевский: «Я заявляю с этой трибуны, что компромисс—это не путь «Солидарности»... «Солидарность» должна как огромный молот разбивать тоталитарную систему».

«Умеренный» Валенса: «Я должен ехать на лошадях, которых вы мне дали. А дали мне диких коней... Кое-кто предлагает сейчас же развалить сейм, правительство, занять Гданьск, Гдыню и Сопот... Я этого не позволю сделать. Нас тогда легко поразгонят. Вы этого хотите?»

Модзелевский пытается образумить «бешеных», излагая открытым текстом программу «умеренных»: «Я вижу, что участники съезда разгорячены и обеспокоены... «Солидарность» сейчас в трудном положении. Многие хотели торпедировать еласть. Но вдруг мы делаем неожиданную остановку. Теперь конфронтация отодвигается на другой срок и в другую область. Только когда заводы, фабрики, шахты будут иметь директоров, назначенных рабочими, у нас будет реальная сила. Мы не должны допускать, чтобы дело (сейчас) дошло до конфронтации... Нужно сначала бороться за самоуправление, которое станет тараном, прокладывающим нам путь вперед».

Но сбить с позиции нетерпеливых и подозрительных

«бешены», заставить их понять, что планы «прагматиков» направлены к тем же целям, но с учетом сложности дестабилизации социалистического государства, оказалось не очень легко. Взаимная подозрительность была характерна для всей атмосферы съезда.

«Радикал», один из руководителей «Солидарности» в г. Бельско-Бяла (фамилия в протоколах не указана) не верит «умеренным»: «Куронь обманывает нас, заявляя, что якобы сейчас нет иного выхода, чем пока согласиться на компромисс с властями. Если кто-то в нашем профобъединении хочет делать «большую политику», то лучше пусть они идут в компартию. Народ ждет от «Солидарности» радикальных мер, а нас пытаются заставить заниматься частными вопросами».

Председатель программной комиссии съезда, эксперт «Солидарности», «умеренный» Геремек, пытается объяснить, что предстоит решать не «частные вопросы», раскрывает перед оппонентами еще ряд важных деталей «осадного плана» взятия власти: «Нам предстоит изменить весь экономический порядок, гарантировать самоуправление. Однако, чтобы мы имели достоверного партнера, нам придется провести реформу власти и представительных органов. Эти изменения под силу только нашему профсоюзу. Поэтому он должен выступать как единое целое... Следует руководствоваться не эмоциями, а благоразумием».

Последнюю точку в этом «диалоге» поставил «умеренный», заместитель председателя «Солидарности» Б. Лис: «Давайте спросим, какой программе мы хотим отдать предпочтение — радикальной, а следовательно, нереальной или действительно реальной?.. Если бы вы решились сейчас на захват власти, — сказал он с угрозой, — то нам пришлось бы принять предупредительные меры».

В конце концов «дзуль» закончилась победой «прагматиков». Бунт был усмирён. Профессионалы одержали верх над дилетантами.

Между обеими фракциями экстремистского руководства «Солидарности» возник своеобразный «модус вивенди», *специфические отношения сотрудничества (общность целей) и борьбы (средства их достижения)*.

Однако при лидирующем влиянии «умеренных». Это объяснялось тем, что главные рычаги воздействия на ситуацию находились в руках коскоровцев. Но не все. Поэтому партнеры нуждались друг в друге — хотя и не в равной мере.

Сущность и механизм взаимодействия обеих фракций были четко раскрыты в серии статей, опубликованных в феврале 1983 г. в газете «Жолнеж вольности»: «Будущие историки точно установят конкретные детали того, кто и как руководил «Солидарностью», — пишет газета. — Однако уже сейчас можно сказать, что, как только «Солидарность», хотя бы отчасти, начинала возвращаться к вопросам, имеющим касательство к профсоюзным функциям, сразу же на поверхности всплывал кто-нибудь из главных политических игроков — Куронь, Модзелевский или Михник. Эту тройку объединяло одно — захват власти в стране.

И моментально «Солидарность» под руководством Рулевского, Гвязды, Буяка, Яворского, Юрчика, Розпловского, Пальки¹ и им подобных возвращалась на путь политической борьбы.

¹Все они были руководителями региональных отделений «Солидарности»: Рулевский — в Быдгоще, Гвязда — в Гданьске, Буяк и Яворский — в Варшаве, Юрчик — в Щацине, Розпловский — в Катовице, Палька — в Лодзи.

Вот три типичные фигуры, всплывшие летом 1980 г. на поверхность общественной жизни в общем контрреволюционном потоке и занимавшие ключевые посты в «профобъединении».

Рулевский. По специальности — инженер-механик. У него бурное прошлое: дезертировав из армии, он попытался нелегально «уйти» в ФРГ; был осужден на четыре года тюрьмы. Мотивы попытки бежать на Запад, как выяснилось на суде, — мечта о «красивой жизни» любой ценой. Всегда считал, что природный авантюризм, талант де-

магога и актерские способности принесут ему в конечном счете успех и богатство. Начал активную «политическую деятельность» летом 1980 г., посчитав, что социализм в ПНР доживает последние дни. В «Солидарности» в считанные месяцы сделал карьеру, став председателем регионального «профцентра» в г. Быдгоще. Даже среди «бешеных» занимал наиболее агрессивную позицию, полностью оторванную от политических реальностей.

Юрчик. Бывший пожарник из Щацина. До забастовки на Щацинской судовой верфи в 1970 г. не проявлял интереса к политике. В августе 1980 г. возглавил забастовочный комитет на судовой верфи, раздув свои «заслуги» в организации забастовки 1970 г. 17 августа 1980 г. спровоцировал забастовку, распространяв

В то время когда Рулевский, Юрчик, Палька еще искали пути к свержению власти, Модзелевского такая проблема не волновала: он уже знал, как это должно быть сделано. Но у него не было тех сотен тысяч сторонников, без которых планы могли остаться на бумаге. Рулевский, Юрчик, Палька и другие имели более прямое влияние на массы и потому были нужны Модзелевскому.

Так радикалы, — заключает газета, — работали на политическую мифологию КОС—КОР. Конечно, нельзя сделать вывод, что эти радикальные руководители «Солидарности» были просто безвольным орудием в руках КОС—КОР. Гвязду, Яворского, Пальку, Розпеховского, Рулевского и других объединил с КОС—КОР антикоммунизм в самой островеяленной форме¹.

В последний день работы съезд принял программу

фальшивое сообщение о планах милиции занять варфв и «расправиться» со стачечным комитетом. Долгое время подавал себя как «независимого» рабочего деятеля из «настоящих пролетариев», не связанного с контрреволюционными организациями, хотя тайно поддерживал с КОС—КОР постоянные контакты. Почувствовав изменение ситуации в пользу антисоциалистических сил, с конца 1980 г. стал сторонником решительной конфронтации с властями. Палька. Один из самых молодых «бешеных» (в 1981 г. ему было чуть

больше 30 лет). Ассистент политического института в Лодзи. Стал зам. председателя лодзинского «профцентра». Считался самым способным и энергичным среди «радикалов». В «Солидарности» ведал вопросами снабжения населения, цен и финансов, был одним из организаторов экономической стабилизации страны. Стоял за немедленную конфронтацию, считал народную власть слабой и неспособной к сопротивлению. Относился к элите и презирал «простонародье».

¹ «Жолнеж вольности» указывает на две неоспоримые преимущества, которые имели перед «радикалами» руководители КОС—КОР, не занимавшие официальных публичных постов в «профобъединении» (кроме Модзелевского, который несколько первых месяцев был представителем «Солидарности» по печати, а затем занял пост заместителя председателя нижнесилезского регионального отделения «профсо-

юза» во Вроцлаве): «Многолетние враги социализма Модзелевский, Михник, Куронь, Вуец и некоторые другие имели опыт и теоретическую подготовку для борьбы с социализмом, а также непосредственно осуществляли связи с зарубежными антикоммунистическими подрывными центрами. Это были козыри, которых не имели другие руководители «Солидарности».

«профобъединения», представлявшую собой, вместе с десятком постановлений по частным вопросам, по сути дела *детально разработанный план поэтапной ликвидации социалистического общественного и государственного строя*. За программу «умеренных» проголосовали 75 процентов делегатов, 14 процентов воздержались, 11 процентов особенно воинственных «радикалов» голосовали против. Таков был итог усилий основной идеологической и политической силы, ядра польской контрреволюции — КОС — КОР.

Явная победа «прагматиков» на съезде была в то же время тайной победой главных, скрытых штабов контрреволюции и подрывных центров Запада.

Это стало возможным, в частности, потому, что многих ввела в заблуждение внешняя сдержанность фракции «умеренных». Такое заблуждение было усугублено целым потоком публикаций на страницах некоторых польских газет и журналов. Их авторы либо не хотели видеть, либо просто замазывали контрреволюционную нацеленность рвавший съезда «Солидарности». Вот некоторые такие оценки:

— «Программа, принятая съездом «Солидарности», по-прежнему умеренна и не должна ослеплять некоторых лиц».

— «На съезде «Солидарности» победил прагматизм. Из этого вытекает важный вывод: путь к соглашению не закрыт. «Солидарностью» будут по-прежнему руководить люди, которые еще не понимают (?!) как политических, так и экономических обусловленностей, но хорошо ориентируются в общественных настроениях».

— «Программа «Солидарности» — это не контрреволюционный документ, а лишь отражение протеста людей труда, выступающих против неправильного функционирования общественно-политической системы социализма в Польше».

В некоторых передачах центрального польского телевидения также говорилось о «конструктивном характере» принятой «профобъединением» программы. Положительно оценивалась даже деятельность Куроня, который-де «дал отпор экстремистам», стремившимся свергнуть социализм. Так под бойким журналистским пером этот

злейший враг социализма превращался чуть ли не в ... главного его защитника¹.

К сожалению, не смогли разобраться во внешне парадоксальной ситуации, сложившейся на съезде «Солидарности», и представители некоторых прогрессивных профсоюзов и даже ряда коммунистических партий Запада, усмотревшие в действиях фракции «Солидарности», руководимой КОС—КОР, «умеренную позицию диалога и поисков согласия» во имя «процесса обновления» социализма в Польше. Эта линия, по их мнению, столкнулась на съезде «с крайними позициями («радикалов». — В. Т.), обусловленными давлением США и проникновением в одно из звеньев «Солидарности» ставленников американцев». Подобные оценки ставили все с ног на голову, фактически поддерживая как раз прямую криватуру ЦРУ — «умеренных».

Большинство польских коммунистов, подавляющая часть зарубежных коммунистических и рабочих партий не раздвигали подобных иллюзорных представлений о расстановке сил в руководстве «Солидарности». Уже после окончания первого, сентябрьского тура съезда «профобъединения» Политбюро ЦК ПОРП выступило 17 сентября 1981 г. со специальным заявлением, в котором однозначно оценило линию съезда. Политбюро призвало все социалистические силы выступить против политического авантюризма, против попыток уничтожить социалистическое государство. «Обстановка стала опасной, — говорилось в документе ПОРП, — возрастает контрреволюционная угроза государству, которое является общественным благом всех поляков. Мы будем защищать социа-

¹Кстати говоря, тогда же на страницах печати муссировался тезис о растущей «умеренности» руководителей «Солидарности». Это как будто бы подтвердил и широко объявленный вскоре «самороспуск» КОС—КОР. Разумеется, то было не более чем «самая обыкновенная мистификация», как выражалась «Жолнеж вольности», но мистификация, введшая многих в

заблуждение. В их глазах Куронь теперь становился «просто» одним из многочисленных функционеров «Солидарности». Сам же факт «самороспуска» позволил правооппортунистическим элементам в ПОРП и других партиях проводить ту мысль, что руководство «профсоюза» «возвращается (?) на конструктивный путь».

лизм так, как защищается независимость Польши. Для этой защиты государство использует такие средства, каких будет требовать положение»¹.

Становилось все более очевидным, что *наступил решающий этап политической конфронтации* в стране, что антисоциалистические силы, сплотившиеся на съезде, приготовились к фронтальному наступлению на социализм под открыто реставраторскими идеологическими и политическими штандартами. Коскоровцам и направляемым ими группам в руководстве «профобъединения» удалось овладеть положением в стане контрреволюции и нацелить ее на развертывание повсеместной «позиционной войны» вплоть до полного блокирования всей деятельности правительства. Цель этой «холодной» гражданской войны была сформулирована в программных документах съезда: шаг за шагом заменять институты социалистического государства «плюралистической (читай: буржуазной) системой», кое-как стыдливо прикрытой фиговым листком «рабочего самоуправления».

Программа, принятая «Солидарностью», была рассчитана на полную дискредитацию социализма в глазах трудящихся масс. Не случайно из нее старательно было исключено не только само слово «социализм», но и такие понятия, как «Польская Народная Республика», «социалистический строй», «социалистическая экономика»². Зато в

¹ Критикуя попытки представителей некоторых коммунистических партий Западной Европы «найти» в верхушке «Солидарности» какие-то «социалистические, обновленческие силы», Генеральный секретарь Компартии США Г. Холл подчеркнул в одном из своих выступлений, что это можно делать,

лишь «отрицая неопровержимую истину, что в Польше силы контрреволюции давно одержали верх в руководстве «Солидарности» и что они быстро двигаются по пути, ведущему к конфронтации и к гражданской войне против социализма».

² Этим программа «Солидарности» основательно отличалась от принятого весной 1981 г. другого документа — «Основных принципов деятельности «профобъединения», в котором руководители «Со-

лидарности» еще рядились в одежды «обновителей социализма» и достаточно много и демагогически рассуждали о социализме и его принципах.

программе неоднократно провозглашалась необходимость «перестройки народного хозяйства и государственной системы» в целях создания «самоуправляемой республики». Как отметила в те дни не без сарказма лондонская газета «Дейли телеграф», программа «Солидарности» «больше смахивает на билль о правах, чем на профсоюзную программу». Этот документ, подчеркивала газета, «далек от социализма, как небо от земли». Французская «Либерасьон» также констатировала: «Невозможно быть более ясным... «Солидарность» хочет быть преемником нынешних властей»¹. Конечно, в программе «Солидарности» нигде открыто не упоминался капитализм как желательная для страны экономическая система. В ней содержалось туманное требование «ведения нового социально-экономического порядка», который-де «создаст равновесие между планом, самоуправлением и рынком».

Упоминание о «самоуправлении» понадобилось для того, чтобы изнутри, с помощью самих рабочих, взорвать экономическую систему социализма, базирующуюся на общественной собственности на основные средства производства. В планируемом лидерами «Солидарности» «новом социально-экономическом порядке» с широким привлечением и поощрением частного предпринимательства и чисто рыночным механизмом функционирования народного хозяйства «независимое общественное предприятие» мыслилось как групповая собственность работающих на нем. Но интересам рабочего класса, всех трудящихся, как подчеркивал Ю. В. Андропова, «глубоко чужда такая трактовка самоуправления, которая тянет к анархо-синдикализму, к раздроблению общества на независимые друг от друга, конкурирующие между собой кор-

¹ И действительно, контрреволюцией уже был взят курс на создание «параллельных структур» альтернативного государства. Это означало не только отказ от «общественных соглашений», подписанных в Гданьске, Щецине и Ястшембе в конце лета 1980 г., но и от собственного

уставе, зафиксировавшего обязательстве «Солидарности» соблюдать конституционные принципы государственного и общественного устройства, признавать руководящую роль ПОРП, уважать международные союзы и внешнеполитическую линию ПНР.

порации». Такое «самоуправление» не может быть не чьим иным, как переходной ступенью к предприятию капиталистического типа. Ибо в условиях рыночного экономического механизма оно всегда будет выступать как принадлежащее, по сути дела, «коллективному капиталисту» и неизбежно в конечном счете трансформируется в обычную акционерную капиталистическую фирму, которая либо разорится, либо будет поглощена более мощным конкурентом.

Надо сказать, что некоторые влиятельные делегаты съезда «профобъединения» считали вообще излишним соблюдать какую-либо маскировку и открыто высказывались за реставрацию частной собственности на средства производства. Не случайно на одной из пресс-конференций во время съезда возник прямой вопрос к Я. Онышкевичу — уполномоченному по печати «профобъединения» — человеку, весьма близкому к руководству КОС — КОР и «Солидарности». Вот отрывок из стенограммы пресс-конференции 2 октября 1981 г.:

«Вопрос. Делегатов съезда можно разделить на две части: одни одобряют существующий строй, другие хотя и реставрировать капитализм. Так ли это?

Ответ. В профсоюзах могут состоять и те и другие элементы»¹.

Предельно откровенно высказались относительно социально-экономического базиса будущей «самоуправляемой республики» организаторы созданной на съезде «Национальной федерации по борьбе за свободную экономику». В ее учредительной декларации было прямо заявлено: «Причины кризиса в Польше кроются в общественной собственности на средства производства. Поэтому

¹ Правда, уполномоченный по печати «забыл» уточнить, что «элементов» с прокапиталистической ориентацией на съезде было подавляющее большинство. Он «забыл» также сказать, что искренних сторонников социализма, прежде всего членов ПОРП, всеми способами устранили из руководящих органов «Солидарности» и из числа делегатов съезда. Это кажется на первый

взгляд довольно странным для «рабочего профсоюза», но до тех пор, пока ближе не познакомишься с составом съезда. Из 800 с лишним делегатов только 70 человек не были штатными сотрудниками аппарата «профобъединения». И всего только 200 в графе «социальное происхождение» поставили: «из рабочих».

необходимо немедленно и радикально изменить производственные отношения»¹.

Итак, после съезда руководящая верхушка «Солидарности» от демагогических призывов к «исправлению социализма» перешла к откровенным заявлениям о «неправильности» самой социалистической системы власти и социалистической организации общества. Но для того чтобы добиться своей цели — покончить с социалистическим строем в ПНР, — ей необходимо было еще упорнее разрушать политические и экономические структуры общества, углублять материальные трудности, направляя растущее недовольство населения в нужное ей русло². «Если люди не почувствуют, что повседневная жизнь становится все хуже, — цинично раскрывал сущность тактики контрреволюции один из ее идеологов псевдолового толка преподаватель Варшавского университета В. Ляментович в интервью варшавскому католическому еженедельнику «Тыгодник повшехны» в октябре 1981 г., — то общественная энергия приобретет форму конвульсивных взрывов и наш эксперимент с самоуправляемым обществом не увенчается успехом».

Стремясь к созданию постоянного хаоса и анархии, они всю ответственность за такое положение возлагали на социализм, который-де не может вывести Польшу из кризиса. Все, что происходило в социалистической Польше раньше, провозглашала программа «профобъединения», лишь «ускорило развал государства и семимильными шагами приближает нас к катастрофе... Поэтому мы требуем обеспечения общественного контроля (читай: контроля «Солидарности»). — В. Т.) над действиями правительства...».

«Солидарность» потребовала, чтобы именно ей было предоставлено право непосредственного надзора над

¹ Выступая на съезде, эксперт «профсоюза» по экономике Липиньский выразился столь же категорично: «Мы себя социалистами

не считаем, мы же частную собственность не средства производства».

² Нельзя не принимать во внимание, что прокапиталистическую ориентацию большинства руково-

дителей «Солидарности» поддерживали и некоторые высшие чины польской католической церкви.

производством и распределением всей продукции. Этим должен был зваться так называемый «общественный совет народного хозяйства» — вершина всей пирамиды «антивласти». Как подчеркивала, и не без основания, газета американских монополий «Уолл-стрит джорнэл», «самоуправление — это вторая революция профобъединения».

Не обойдены были съездом и проблемы внешнеполитические. «Профсоюзные» лидеры, разумеется, понимали, что прямой призыв к разрыву братских союзов ПНР с СССР, другими государствами социалистического содружества, к обострению отношений с ними вызовет резко отрицательную реакцию подавляющего большинства польских трудящихся, в том числе и рядовых членов «Солидарности». «Наш профсоюз, — говорил на съезде представитель лодзинского «профцентра» Палька, — должен проанализировать свои шансы в возможном конфликте с властью, которую, что не исключено, может поддержать Советский Союз, другие социалистические страны. Поэтому нам надо сначала подумать над возможностями изменить это соотношение сил... Обвинения «Солидарности» в антисоветизме надо расценивать как фальшивки...»

Не рискуя сразу поднять вопрос о разрыве, антисоциалистические лидеры предприняли на съезде ряд пробных «ходов». Было заявлено, например, о «невыгодности» для Польши экономических отношений со странами СЭВ; в некоторых выступлениях прозвучал «упрек» в адрес СССР о нерегулярности снабжения ПНР газом, нефтью, электроэнергией и т. д.

Но все же в принятой съездом программе было декларировано положение о «необходимости сохранения» Польшей ее союзов со странами социалистического содружества. «Может быть, единственная реальная уступка, — писала в этой связи «Дейли телеграф», — предлагаемая в этом документе в 39 страниц, — это обещание не ставить под вопрос союз Польши с СССР и пока не требовать выхода из Варшавского пакта»¹.

¹ Как показали многочисленные секретные документы «Солидарно-

сти», обнаруженные после 13 декабря 1981 г., подобные утвержде-

Таким образом, в ходе съезда «Солидарность» завершила свои опасные метаморфозы, которые не заметить мог только тот, кто не хотел их видеть.

Во-первых, была полностью отброшена вся социалистическая фразеология, усиленно эксплуатировавшаяся лидерами «профобъединения» в первый год его существования. Во-вторых, «Солидарность» волей ее вождей официально трансформировалась в «общественно-политическое движение» (а точнее — в антисоциалистическую политическую партию), открыто нацеленное на свержение социализма¹. И, наконец, был взят курс на ускоренное создание политических и экономических структур — структур «антивласти» будущей «самоуправляемой Речи Посполитой», призванной заменить социалистическое государство. Можно и сегодня согласиться с оценкой программы «Солидарности», данной в те дни газетой «Жолнеж вольности», которая определяла ее как «документ не профсоюза, а политической партии, стремящейся к захвату власти».

Этого не отрицали и наиболее откровенные «профдеятели». На одной из пресс-конференций, регулярно проходивших в перерывах между заседаниями съезда, «радикалу» Розпеховскому был задан прямой вопрос: «Каковы цели съезда и принятой им программы?» И был получен не менее прямой ответ: «Разве вы еще не понимаете? Мы хотим покончить с красными!»

Однако осенние метаморфозы «Солидарности», которые, как представлялось лидерам «профобъединения»,

ния были не более чем тактической уловкой. На самом деле подрыв союза Польши с СССР и другими социалистическими странами был одной из стратегических целей анти-социалистической деятельности.

¹ Если и не была окончательно отброшена оболочка «профобъединения», то на это у лидеров «Солидарности» были веские причины. О них речь ниже. Многие западные средства массовой информации уже тогда тоже констатировали, что

С первых же дней выхода на общественную арену «Солидарность» была сначала исподволь, а потом в открытую развернута антисоветская кампания.

лидеры «Солидарности» на съезде не просто отказались от профсоюзных функций. «Солидарность» стала отныне, — сообщала, например, в те дни парижская телестанция «Антверп-2», — настоящей политической партией.

приближали контрреволюцию к реализации ее конечных целей, на самом деле таковыми не оказались. *Именно после съезда «Солидарности» влияние антисоциалистических сил на польских трудящихся пошло на убыль.* И не потому, что ее лидеры «торопили события», проявляли «ненужное нетерпение»¹. В сущности, не вожди контрреволюции торопили события, а, наоборот, события торопили их. Объективная логика меняющейся в стране ситуации, грозившая антисоциалистическим силам в не столь уж отдаленном будущем потерей их массовой базы, а не тактические просчеты, подвела контрреволюцию к началу необратимого кризиса.

Однако руководители «Солидарности», уверенные в успехе, предпринимали все новые и новые шаги в направлении реализации программы, принятой в Гданьске в первых числах октября.

Независимый? Самоуправляемый? Профсоюз?..

Итак, на съезде «профсоюза» были сброшены маскировочные чехлы. И сделано это было, повторяем, в полном соответствии с «программой действий» КОС—КОР на 1980—1983 гг., предусматривающей преобразование «Солидарности» на этом этапе контрреволюционного процесса в открыто антисоциалистическую политическую организацию.

Так на виду у всей Польши «рабочий профсоюз», до этого именовавший себя «главным гарантом», «опорой»

¹ Например, тогдашний канцлер ФРГ Шмидт в своем интервью английской «Гердвин» 17 февраля 1982 г. выразил такое мнение: «Я

склонен считать, что более медленные темпы прогресса «Солидарности», возможно, привели бы к большему успеху».

социалистического обновления, превратился в основное политическое орудие ниспровержения социалистической системы и замены ее «альтернативным государством».

Расчет стратегов и тактиков контрреволюции был прост. Он строился на том, что значительные отряды рабочего класса и других групп трудящихся, достаточно дезорганизованные ходом событий в предшествующие 12 месяцев, не скоро разберутся в истинном политическом содержании лозунга «самоуправляемой республики».

В самом деле, пышная, двамагогически-торжественная вывеска «Солидарности» как «независимого, самоуправляемого профсоюза», которую антисоциалистические силы сразу же нацепили на «профобъединение», была способна ввести в заблуждение. И не только людей неискушенных, но и политически опытных. Сбивала с толку и массовость «Солидарности», и ее одеяние, сшитое по нестандартным для контрреволюции выкройкам. Многие — и не только в 1980—1981 гг., но и позже, принимали внешние профсоюзные атрибуты этой организации за ее суть.

Но то, что на первых порах было естественно, после года тяжелого опыта политической борьбы с антисоциалистическими силами становилось чрезвычайно опасным. А между тем в польской печати, в том числе и в некоторых органах ПОРП, продолжали появляться публикации с оценками, далекими от действительного положения дел.

Вот некоторые выдержки из таких публикаций, появившихся в дни съезда «Солидарности» или сразу после него:

Вторая половина сентября. «В результате гданьского съезда рабочий класс фактически *лишился влияния* на эту организацию и уже *не несет ответственности* за ее деятельность» (курсив мой. — В. Т.). Но рабочие — члены «Солидарности» никогда и не оказывали сколько-нибудь *весомого влияния* на действия руководства «профобъединения» и тем более не несли *ответственности* за его *курс!*

Первая половина октября. «Истина такова, что контрреволюционные группировки *стремятся* установить полный контроль над «Солидарностью» и превратить ее в оппозиционную социализму политическую силу» (курсив мой. — В. Т.). В действительности контроль контр-

революционных группировок над руководящими центрами был установлен уже при рождении этого «профсоюза» и окончательно упрочен к лету 1981 г.

Вторая половина октября. *«Солидарность» еще может стать конструктивной силой* (курсив мой.— В. Т.). Такими потенциями «профобъединение» никогда не обладало, а тем более после гданьского съезда.

И все же: почему возникли и оказались столь живучими ошибочные оценки? Они ведь были, повторяем, высказаны не только «сторонними наблюдателями», но и некоторыми польскими исследователями-марксистами и партийными публицистами. На наш взгляд, было это обусловлено прежде всего неверным углом зрения при рассмотрении идущих в «Солидарности» процессов. Вместо того чтобы рассматривать эти процессы *«по горизонтали»*, их пытались анализировать *«по вертикали»*. Иными словами, в «профобъединении» подчас видели широкую арену борьбы различных течений: «здорового рабочего», анархо-синдикалистского, праворевизионистского, социал-демократического, консервативного и открыто контрреволюционного. Естественно, при таком подходе многие с определенной надеждой ожидали результатов съезда «Солидарности». «Очень существенно,—говорилось в статье, опубликованной в одном из изданий Демократической партии незадолго до окончания гданьского съезда,—*какое течение* победит на съезде и даст импульс для выработки программы и избрания нового профсоюзного руководства» (курсив мой.— В. Т.).

Еще один пример такого «структурного анализа» «Солидарности» — утверждение одного из авторов «Трибуны людей» (первая половина октября 1981 г.): «Все мы знаем, что эта организация неоднородна. Основная часть профсоюза — рабочий класс. Но в нем достаточно людей с анархистскими взглядами. Не секрет, что профсоюз также стал базой для объединения правых и открыто реакционных кругов, а также полигоном для контрреволюционных сил, не скрывающих свою главную цель — свержения социалистического общественного строя». Как видим, автор статьи усматривает в «Солидарности» довольно широкий спектр различных течений, а исход их борьбы даже после гданьского съезда — как «уравнение со

многими неизвестными». Более того, он довольно оптимистично расценивает сам факт преобладания в «профсоюзе» рабочего класса¹.

Корень ошибки — имменно в таком подходе: деловив «профобъединения» на противоборствующие «здоровое» и иные течения, словно разрезавшие его «по вертикали», не соответствовало действительному положению дел в «Солидарности».

Специфические, особые черты этого «польского феномена» не позволяли, видимо, применять к его анализу обычные мерки, используемые для оценки «нормального» профсоюзного движения. Ведь отношения между руководителями и рядовыми членами «Солидарности» в силу многих обстоятельств, о которых речь пойдет ниже, были далеки от принципа сообщающихся сосудов. Скорее всего их можно сравнить с двумя параллельными потоками, двумя пластами, разделенными, и довольно жестко, имменно «по горизонтали». Пружины, определявшие движение каждого потока, были резко различны.

Ключ к пониманию сущности «Солидарности» — в ее классовой «двухслойности». «Независимый и самоуправ-

¹ Но подобные примиренческие настроения все более энергично изживались. Не только в руководящих органах ПОРП, но и в массах рядовых членов партии углублялось понимание контрреволюционной сущности политической линии руководства «Солидарности». В сентябре резко усилился поток писем и резолюций в адрес ЦК ПОРП из местных партийных организаций. Например, большая группа коммунистов из заводских партийных организаций промышленных предприятий Катовицкого воеводства направила в ЦК обращение, в котором констатируется, что в «Солидарности» *«верх взяли контрреволюционные тенденции»*. По всей стране усиливается скоординированная деятельность врагов социализма, которые *«прочно укреп-*

пились в рядах профобъединения... Для защиты социализма в Польше необходимо использовать все имеющиеся средства. Хватит отступать и уступать. Это ведет только к тому, что противники социализма все более нагнетают. Не менее однозначная оценка «Солидарности» содержалась в заявлении Варшавского комитета ПОРП, принятом 10 сентября. «Профобъединение «Солидарность» развивается, — подчеркивалось в этом документе, — вопреки соглашениям и уставу как общественно-политическое движение, поставившее целью контрреволюционные изменения социально-политической системы в Польше. Конфронтация с властью — твковая стратегия, проводимая руководителями профсоюзов».

ляемый профсоюз» с самого начала представлял собой противоестественный симбиоз значительной части рабочего класса Польши и других слоев трудящихся и ловко «надстроившихся» над ними буржуазных антисоциалистических элементов. Так появилась организация, временно вобравшая в себя силы, антагонистические по своим коренным политическим целям и социальным интересам.

Только при таком подходе к анализу «Солидарности» можно достаточно точно оценить, почему была невозможна ее эволюция в конструктивную социалистическую силу, каким образом вызревал в недрах «профобъединения» неотвратимый внутренний взрыв. Источники этого взрыва коренились в противоположных стремлениях составлявших «Солидарность» классовых сил. При таком подходе становится понятным и «раздвоение целей»: массы — совершенствование социализма, элита — его уничтожение. Проясняется и как будто запутанная проблема борьбы течений и группировок внутри «профсоюза»: она действительно имела место, но только в верхнем, элитарном его слое. Снимается в этом случае и вопрос о «здоровом рабочем течении» и о возможности его победы на гданьском съезде «профобъединения». Ведь съезд был политическим слетом представителей только верхнего потока внутри этой организации.

Словом, «Солидарность», подобно древнему божку Янусу, имела два лица, смотрящих в прямо противоположные стороны. Рядовые члены «Солидарности» видели в ней прежде всего обновленный социалистический профсоюз, ее верхушка — оппозиционную партию контрреволюции. Такой союз «всадник и лошади», возникший при сложном и противоречивом стечении обстоятельств лет 1980 г., казалось, не должен был стать долговременным. Однако он таковым стал. Возникает вопрос: почему?

В ряду причин, породивших этот «противоестественный симбиоз», следует прежде всего назвать серьезные деформации в социалистическом, классовом сознании значительных масс рабочих. В конкретном историческом контексте об этом уже говорилось. Теперь посмотрим на это явление в другом ракурсе — теоретическом.

Конечно, феномен «Солидарности» возник не вопреки историческим законам и не представлял собой нечто не-

объяснимое, не укладывающееся в рамки основных понятий марксистско-ленинской науки. Дело в том, что рабочий класс, проходя в истории сложную и трудную эволюцию на пути превращения из объекта исторического процесса («класса в себе», как говорил К. Маркс) в активного, сознательно действующего творца истории («класса для себя»), вовсе не гарантирован от возможности регрессивных зигзагов в своем классовом развитии, а понимании своих подлинных интересов. Ведь глубина и ясность в осознании пролетариатом долговременных, коренных целей постоянно вносятся его передовым отрядом — партией. «Развитие сознания масс,— подчеркивал В. И. Ленин,— остается, как и всегда, базой и главным содержанием всей нашей работы».

Исторический опыт убедительно свидетельствует, что рабочий класс способен успешно выполнять свою историческую миссию не только в силу его ведущего места в системе общественного производства. Он становится передовым борцом, двигателем революционных преобразований, если обладает в своей массе правильным, классовым самосознанием. «В нескольких словах,— писал Ленин,— заслуги Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс *самопознанию и самосознанию*» (курсив мой.— В. Т.).

Поэтому деформации социализма (а они, как мы видели, зашли в ПНР в 70-х гг. довольно далеко), помноженные на целенаправленные политические и идеологические атаки на социализм извне и изнутри, способны серьезно ослабить классовое сознание рабочего класса, а часть его даже превратить в политически аморфную массу. Все это создает почву для манипулирования его сознанием и поведением¹. Однако возможности такого манипулирования в социалистической стране, где весь социальный и трудовой опыт рабочего класса, трудящихся неразрывно связан

¹ Следует, однако, подчеркнуть, что, если даже в течение определенного времени часть польского рабочего класса поддавалась влиянию антисоциалистических сил, это отнюдь не свидетельство того, что он был в 1980—1981 гг. социальной опорой, социальной базой

контрреволюции. Дезорганизованные псевдосоциалистической демагогией вожаков «Солидарности» рабочие массы шли за ними только до тех пор, пока не стал обнажаться истинный смысл преследуемых ими целей.

с преимуществами их нового общественного и экономического положения, как правило, жестко ограничены в масштабах и во времени.

Но в Польше такое манипулирование оказалось весьма длительным (более полутора лет!). Почему «Солидарность» как форма противоестественного союза антагонистических классовых сил — буржуазной и мелкобуржуазной элиты, с одной стороны, и рабочих масс — рядовых членов «профсоюза», с другой — оказалась устойчивой в течение столь длительного времени? Ведь первые признаки того, что назревает внутренний взрыв в этом «союзе», появились лишь к осени 1981 г. Почему весьма значительная часть рабочего класса длительно участвовала в дестабилизирующих социалистическое государство действиях? Деформации сознания объясняют здесь очень многое, но далеко не все.

Дело в том, что во взаимоотношениях между частью рабочего класса и социалистическим государством могут возникать в исключительных обстоятельствах случаи недопонимания (к примеру, на основе несовпадения текущих потребностей рабочих и их же перспективных интересов, аккумулируемых социалистическим государством и коммунистической партией). Такие неантагонистические противоречия, как известно, разрешаются в пределах нормальных процедур социалистического демократизма. Но не всегда. Пренебрежение неантагонистическими противоречиями, существующими при социализме, игнорирование их в политическом курсе правящей коммунистической партии может порождать, как уже говорилось, серьезные коллизии.

Именно это и произошло в ПНР. Ошибочная, волюнтаристская и даже утопическая политическая линия руководства страны вызвала глубокие деформации социалистических структур в экономике, политике и идеологии. В результате возникшие неантагонистические противоречия между весомой частью рабочего класса и народной властью крайне обострились. Их конфликтная форма была к тому же усугублена и молодостью самого рабочего класса в ПНР. Так появилась благодатная почва для временного объединения как бы в единый поток двух качественно противоположных классовых сил (буржуазные эле-

менты и значительная часть рабочего класса), олицетворяющих *два противоположных типа социальных противоречий*.

В польских событиях 1980—1981 гг. два типа противоречий с народной властью — антагонистические (цель — ниспровержение социализма)¹ и неантагонистические (цель — исправление социализма) — наложились друг на друга. Ввиду того что и те и другие проявились тогда в одинаковой — *конфликтной форме*, действовали внешне как будто бы в одном направлении, и могло показаться, что в сути того и другого конфликта нет принципиальной разницы. На первый взгляд, это могло выглядеть как опровержение марксизма, исходящего из аксиомы непримиримости классовых интересов пролетариата и буржуазии. В действительности же эти две полярно противоположные силы, обосновавшиеся летом 1980 г. под одной «крышей» и как будто бы на единой платформе, так и остались разными классовыми потоками, противоестественный симбиоз которых рано или поздно должен был взорваться.

Как видим, специфический польский феномен — *«независимый и самоуправляемый профсоюз»* возник в силу целого комплекса неоднозначных причин, каждая из которых, даже взятая отдельно, была достаточно запутанной. Но сам этот «независимый и самоуправляемый профсоюз» не был по своей глубинной сути ни профсоюзом, ни независимым, ни самоуправляемым.

Объединение в «Солидарности» двух разнородных сил, эта классовая двухслойность не могли не предопределить ряд ее особенностей, в том числе и организационных.

«Солидарность» не была профсоюзом. Хотя при своем появлении это объединение и располагало некоторыми внешними признаками профсоюза, оно уже тогда, по признанию самих его лидеров, было «больше чем профсоюз». С самого начала оно несло в себе черты антисоциа-

¹ Носителями этих антагонистических противоречий переходного периода от капитализма к социализму, в исторических рамках которого находится Польша, выражающими интересы сил вытесняемого

социализмом капиталистического способа производства, и были контрреволюционные элементы, составившие руководящий слой «Солидарности».

листической, антирабочей политической партии. Объединение в форме «рабочего профсоюза» было в конкретной ситуации до осени 1981 г. наиболее приемлемым для далеко идущих целей контрреволюции.

Не было случайностью и то, что организационно «Солидарность» строилась *не по отраслевому или профессиональному*, как обычный профсоюз, а *по территориальному принципу*—принципу, наиболее соответствующему целям чисто политической организации. «Профобъединение» состояло из укрупненных региональных «центров», каждый из которых охватывал сразу несколько воеводств (административная единица, на которые делится страна). Например, мазовецкий филиал «Солидарности» (со штаб-квартирой в Варшаве) действовал на территории 8 воеводств.

Такие крупные региональные соединения (10 на 49 воеводств—мы не случайно выбрали именно этот военный термин) больше напоминали военные округа, чем что-либо иное. Укрупненно-территориальная, а не профессионально-отраслевая структура профсоюза, как справедливо подметила «Жолнеж вольности», может быть правильно оценена лишь с учетом цепей антисоциалистических сил. Она не только позволяла быстро преобразовать «профсоюз» в партию. «Учитывая планируемое в перспективе «всеобщее восстание»,—пишет газета,—такая структура «Солидарности» неплохо отвечала и этой цели».

Насколько далека была «Солидарность» от выполнения функций настоящего профсоюза, показывает расклад ее расходов, проанализированный в 1982 г. Высшей контрольной палатой ПНР. В общей сумме расходов семи подвергшихся такой проверке региональных отделений «профобъединения» только 1,9 процента были потрачены на социальные нужды. В некоторых из них они были и того меньше; в регионе Мазовше на эти цели было израсходовано 0,7 процента бюджета, в правлении Шлёнск-Опольски—0,39 процента. Зато львиная доля средств (до 35—40 процентов) ассигновалась на политическую пропаганду. В гданьской организации на эти цели было выделено 32 процента бюджета, в познаньской—38, в регионе Мазовше—41 процент. Об этом уже писал в «Жиче

Варшавы» в апреле 1983 г.: «...произведенная проверка финансового хозяйства «Солидарности» показала, что практическая деятельность этого профобъединения далеко расходилась с провозглашавшимися им целями».

«Солидарность» не была самоуправляемой организацией. Даже формально она с самого начала была задумана и построена как жестко централизованный организм, низовые звенья которого не имели даже намека на самостоятельность. Они не могли влиять на решения вышестоящих инстанций. В «Солидарности» усиленно насаждался откровенный «вождизм». На съезде «профобъединения», например, не его высший орган — всепольская комиссия — сформировал свой постоянный президиум. Это сделал лично председатель «Солидарности»¹.

Подобная авторитарная централизация не столько вытекала из политических функций «Солидарности» (даже буржуазная партия может быть демократической по своей структуре), сколько была продиктована двухслойным составом организации. Иерархическое, антидемократическое организационное управление «профобъединения» было призвано закрепить и упрочить на всех его уровнях диктатуру буржуазной антисоциалистической элиты.

До предела централизованная «Солидарность» была построена, по сути дела, на началах кастовости: ее руководители и рядовые члены рекрутировались из противоположных социальных источников. Всеми делами «самоуправляемого профобъединения» заправлял элитарный, антисоциалистический по своей ориентации штатный аппарат. По численности (более 40 тысяч аппаратчиков на 7—8 миллионов членов «профобъединения») он был, без сомнения, рекордным (штатный аппарат польских профсоюзов до 1980 г. не превышал 20 тысяч человек).

Причем этот аппарат «профсоюза» рос самыми стремительными темпами. Только в Дольном Шлёнске с сентября 1980 по ноябрь 1981 г. он вырос с 9 до 203 человек,

¹ В отчете со съезда «Солидарности» английская «Гардиан» отмечала 11 сентября 1981 г., что делегаты «проголосовали за сильную, централизованную, контролирующую сверху организацию, которая,

как считает Валенса, должна быть в период борьбы за создание новой Польши маневренной, оперативной, а для этого и достаточно диктаторской».

в Ольштынском рвгиональном правлвнии — с 25 в ноябре 1980 г. до 187 в двкабре 1981 г. На содержанив «аппарвт-чиков» «Солидарность» расходовала примерно столько же средств, сколько на пропаганду (30—40 процентов бюджета)¹. Оклады «общественных работников» «Солидарности» в 3—4 раза превышали средний заработок квалифицированного рабочего. Средства, 90 процентов которых составляли членские взносы, расходовались очень часто без всякого контроля, в том числе на различного рода празднества, на организацию званых вечеров и приемов.

Даже на съезде «профсоюза», где собрались главным образом «свои люди», прозвучали упреки на этот счет. «Наш профсоюз,— говорил один из делегатов,— должен служить, как утверждают наши руководители, рабочим, но они получают оклады по 20 тысяч злотых каждый. Я думаю, что наши лидеры, или, точнее сказать, генералы, такие, как Буюк, Рулевский и другие, забыли об этом».

Аппаратчики, «надстроенные» буквально над каждой местной и заводской организацией «Солидарности», были ориентированы однозначно: только на доведение директив штаб-квартиры «профобъединения» до низовых организаций. Обратная связь, каналы демократического воздействия масс на свое руководство были в «профобъединении» полностью заблокированы. Принцип демократического централизма отвергался под предлогом его «коммунистического происхождения».

«Солидарность» не была независимой организацией. В дополнение к антидемократическому организационному строению «Солидарности» контрреволюционные штабы обеспечили безраздельность своего господства и тем, что фактическая власть в «профобъединении» была сосредоточена во внеуставных структурах.

Вопреки уставным положениям командовали «Солидарностью» коскоровцы. Хотя и числились формально лишь ее «советниками» и «экспертами», т. е. выполняли как бы чисто консультативные функции. Именно они

Ресходы на содержание существовавшего до осени 1980 г. Центрального Совета польских профсоюзов и всего его вппрата,

вплоть до низовых организаций, составляли 9 процентов профсоюзного бюджета.

определяли политическую линию «профобъединения». И об этом было известно довольно широкому кругу «профсоюзных активистов». Стараясь как-то сгладить эту «неловкость», Валенса, выступая на съезде «Солидарности», изо всех сил пытался внушить собравшимся, что лишь он и только он — «независимый» лидер «профсоюза». «Я не хотел бы, чтобы вы считали меня дураком, который танцует так, как ему укажут эксперты. Я не отдам движения никому: ни государственной администрации, ни церкви, ни коровцам».

«Но действительность показала, — констатировала недавно «Жолнеж вольности», — что настоящим руководящим органом профсоюза была группа советников, состоявшая из членов «Комитета защиты рабочих», тесно связанная с «Польским независимым соглашением». Группа не только определяла программу профсоюза, но и его практические действия, даже текущие задачи. Эту группу формально возглавлял доктор исторических наук Геремек, а фактически во главе ее стоял Куронь. По сути дела, и штатные сотрудники «Солидарности» — во всяком случае, их большинство, — формально подчиняющиеся ее руководящим выборным органам, выполняли прежде всего директивы КОС—КОР. Очень многие из них были «закрытыми членами» этой организации, поэтому штатный аппарат «Солидарности», — заключает свой анализ газета, — некоторые осведомленные профсоюзные деятели называли между собой «максикором».

Такова правда о «независимом, самоуправляемом профсоюзе» «Солидарность». Распределение в нем ролей «элиты» и «толпы» полностью отразил состав делегатов первого (и последнего) съезда «профобъединения» в сентябре—октябре 1981 г. 92 процента из более чем 800 делегатов съезда были штатными работниками аппарата «Солидарности». Не меньше трех четвертей «аппаратчиков» по своему социальному происхождению и роду занятий были далеки от рабочего класса. И в центральных органах «Солидарности», и на региональном уровне рабочие составляли явное меньшинство. Так, в правлении мазовецкого «профцентра» из 62 членов только 14 человек были рабочими либо по социальному происхождению, либо по профессии.

Съезд «профобъединения», официально объявивший «Солидарность» организацией, которая «совмещает в себе черты профсоюза и общественного движения», был по кругу и направленности обсуждавшихся вопросов чисто политическим форумом. «Кое-кто уже называет нашу программу программой политической партии,— не без хвастовства заявил тогдашний заместитель председателя «Солидарности» Лис.— Обвинения в общем-то небезосновательные. Мы занимались и будем заниматься политикой. Мы не отступим от этого».

В свете фактов становится еще более очевидной вся иллюзорность надежд, которые возлагались искренними защитниками социализма на возможность позитивной трансформации «Солидарности». Она свой характер, как легко убедиться из сказанного, поменять не могла.

Во-первых, потому что в руководящих кругах «профобъединения» «здоровое рабочее течение» отсутствовало вовсе (хотя иногда за него ошибочно принимали фракцию «умеренных»). И, во-вторых, из-за авторитарного, антидемократического организационного строения «Солидарности», жестко закреплявшего господство в ней буржуазной контрреволюционной элиты. Руководство «Солидарности» фактически образовало внутри «профобъединения» изолированную, закрытую политическую структуру. Все это начисто перекрывало выход в руководящие органы публичным «здоровым рабочим силам».

Последующие события полностью перечеркнули надежды на победу какого-либо «здорового рабочего течения» в «Солидарности»¹.

¹ К сожалению, немало представителей прогрессивных профсоюзных, левых и даже коммунистических кругов на Западе были введены в заблуждения рабочим составом, внешней профсоюзной оболочкой «Солидарности». Эту веру во все «народный, обновленческий-социалистический характер» некоторые исповедуют до сих пор. Стронникам подобных оценок стоило бы еще раз задуматься над причинами активной поддержки деятельности «Солидарности» преящими

кругами империалистических государств Запады, которые неизменно вырезают свои симпатии «борьбе польских рабочих» в лице «Солидарности». (Рейган: «Солидарность» символизирует борьбу настоящих рабочих». Лорд Кэррингтон, бывший до 1982 г. министром иностранных дел Великобритании: «Мы с глубоким сочувствием наблюдаем за развитием движения за национальное обновление, которое возглавили рабочие Польши».)

Тупики «забастовочного терроризма»

Заместитель председателя «Солидарности» из Лодзи, ведавший во всепольской комиссии «профобъединения» вопросами экономики и финансов, Палька вынужден был признать в своем выступлении на съезде «профобъединения»: «Применяя мирные формы давления, профсоюз требовал от власти все, что было возможно, но после этого оказался в тупике».

Действительно, предельно дезорганизованная «забастовочным терроризмом» экономика страны стремительно катилась вниз. «Вытребованные» этими «мирными формами давления» прибавки к зарплате и другие льготы давно были сведены на нет инфляцией. Непрерывная эскалация материальных требований к правительству, к социалистическому государству уже не могла служить далее главной пружиной манипулирования массами. Все возможные государственные резервы, в том числе и предназначенные на капиталовложения, были исчерпаны.

А между тем задачи второго этапа контрреволюционной программы не могли решаться без «забастовочного терроризма» — важнейшего орудия дестабилизации. Без него контрреволюция явно проигрывала свою игру. Ведь любые позитивные сдвиги в экономике страны, в материальном положении трудящихся могли способствовать восстановлению авторитета властей, повышению влияния ПОРП и социалистического государства на ситуацию в целом. Вожаки антисоциалистических сил рассматривали ход событий лишь под одним углом зрения: «то, что выгодно ПОРП и народной власти, невыгодно нам». Народное благосостояние, экономические и политические интересы польского национального государства в этой игре ва-банк в расчет, естественно, не принимались. И в таком бедственном состоянии лидеры «Солидарности» (вспомним коскоровскую «программу действий») намеревались держать страну целых три года!

Поэтому «забастовочный терроризм» должен был про-

должаться. Отныне главным становился тезис: социалистическое государство не может решить проблем благосостояния, правительство не способно справиться с экономическим кризисом. Следовательно, его надо заменить иным государством и иным правительством...

Уверовавшие в свое всеисилие и близость успеха руководители антисоциалистических сил теперь уже и не скрывали целей своей тактики «чем хуже — тем лучше». Приведем в качестве иллюстрации выдержку из интервью Валенсы, взятого у него в октябре 1981 г. варшавским еженедельником «Политика»:

«Вопрос. Правительство не может вечно отступать. В то же время, если останутся фабрики, вы будете обвинять правительство в безработице?

Ответ. Тогда мы не будем иметь иного выбора, как передать фабрики в руки органов самоуправления, будем искать выход из положения одни... Как мне представляется, государственно-партийная администрация, безусловно, нужна. Ее надо пока оставить хотя бы лишь для того, чтобы на нее можно было свалить вину за то, что нам не удастся сделать».

Экстремистские лидеры «Солидарности», их тайные «мозговые центры» и зарубежные вдохновители считали, что в новой ситуации, когда стачки уже не дают членам «профсоюза» материальных выгод, «забастовочный терроризм», искусственное разжигание социальной напряженности в стране еще более необходимы, чем прежде. Ибо только с их помощью можно было не дать рядовым членам «Солидарности» опомниться, еще сильнее расширять их социалистическое сознание, психологически заблокировать их волю к сопротивлению антисоциалистическим вожакам. Согласно теории «непрерывных забастовок», автор которой — Гвязда долгое время был заместителем председателя «Солидарности» и вице-председателем ее гданьского регионального отделения, людвй необходимо постоянно держать в напряжении. «Надо отдавать себе отчет в том, — говорил он, — что один хорошо спланированный конфликт объединяет профсоюз значительно сильнее, чем целая масса иных акций».

«Забастовочный терроризм» против социалистического государства все более переплетался с «психологическим

терроризмом» против массы рядовых членов «Солидарности». Две основные цели стратегии непрерывных забастовок: окончательно парализовать социалистическое государство, ПОРП, а также держать под своим контролем массу рядовых членов — были неразрывны. Правда, была еще и третья задача эскалации «забастовочного терроризма». Но о ней ниже.

Какие же «болевые точки» в народном хозяйстве страны избрала на этот раз верхушка «Солидарности» в качестве основных мишеней? Таких «точек» было две.

Во-первых, угольдобыча. Ибо уголь — это основа всей энергетики ПНР. За 10 месяцев 1981 г. в Польше стараниями «Солидарности» добыча угля уменьшилась на 30 млн. тонн, или на 20 процентов в сравнении с 1980 г. По этому показателю страна была отброшена на уровень 1974 г. Острая нехватка угля серьезно сказалась не только на выработке электроэнергии, но и ключевых отраслях обрабатывающей промышленности. Один пример: дефицит энергии привел к тому, что в октябре 1981 г. из 23 цементных заводов страны не функционировала половина, а другая работала в полноту. Это вызвало, в свою очередь, резкое сокращение строительства (на 40 процентов по сравнению с 10 месяцами 1980 г.), особенно жилищного. Там самым сроки получения новых квартир для нуждающихся в улучшении жилищных условий автоматически увеличивались на 5—7 лет.

Все попытки правительства разорвать этот порочный круг, и в первую очередь — увеличить добычу угля, повысив материальное стимулирование шахтеров, встречались руководителями «профобъединения» в штыки. Они двуголосно заявляли властям, что создание для шахтеров «привилегированных» условий «аморально», поскольку для других категорий трудящихся ощущаются серьезные нехватки. (Заметим, что это было первое выступление «Солидарности» против мер, способных хоть как-то улучшить материальное положение ее же членов.) Шахтерам был брошен призыв — не спускаться в забой в субботные дни и не работать сверхурочно из чувства «пролетарской солидарности». На шахтах методично организовывались длительные забастовки.

Вторым основным направлением экономического саботажа «Солидарность» избрала сельское хозяйство, где она действовала, объединив свои усилия с «Солидарностью» крестьян-единоличников. Кредо лидеров этого «профсоюза» без обиняков сформулировал при учреждении сельской «Солидарности» весной 1981 г. ее председатель Я. Кулай: «Главная задача нашего профсоюза — заниматься не работой по увеличению производства продуктов питания, а укреплять частную собственность и частное производство на селе».

Осень 1981 г. принесла стране сравнительно богатый урожай. Было собрано 20 млн. тонн зерна (в 1980 г. — 18, 5 млн. тонн), 42,5 млн. тонн картофеля (в 1980 г. — 26,4 млн. тонн). Хорошим был урожай сахарной свеклы (15,8 млн. тонн в сравнении с 10,4 в 1980 г.), из которой можно было произвести 1,6 млн. тонн сахара, что полностью удовлетворяет потребности страны. Высокий урожай кормовых культур мог серьезно облегчить ситуацию в животноводстве. Казалось бы, появилась возможность улучшения положения с продовольствием. Однако целенаправленная линия контрреволюционных сил на удушение социализма голодом, организованный ими бойкот продажи сельскохозяйственных продуктов государству, на который пошла значительная часть крестьян-единоличников, привели к противоположному: осенью 1981 г. положение с продовольствием резко ухудшилось.

Представители сельской «Солидарности» призывали единоличников не выплачивать государству налоги и проценты за кредиты, требовать «свободной торговли» без ограничения цен. Многие крестьяне стали продавать мясо горожанам по ценам, в два-три раза превышающим закупочные. Сейм ПНР вынужден был принять закон о запрещении свободной торговли мясом. Но страну уже захлестнула волна спекуляции продуктами, усилился хаос в продовольственном снабжении населения. Многие продовольственные карточки осенью 1981 г. оставались неотоваренными. Только в октябре продажа зерна государству крестьянами-единоличниками уменьшилась в сравнении с 1980 г. на 29 процентов. Всего же за август—октябрь государство рассчитывало закупить 4,2, в заготовило только 1,3 млн. тонн.

Особенно резко — на 50 процентов — сократились закупки государством мяса. Один пример: только в октябре деревня (в сравнении с соответствующим мясяцем предыдущего года) недодала городу 60 тыс. тонн мяса. Здесь уместно напомнить, что западноевропейские страны в течение всего 1981 г. поставили в Польшу по несколько сниженным ценам (на 10 процентов ниже мировых цен) 75 тыс. тонн мяса. Эта «гуманная помощь» на всех перекрестках рекламировалась антисоциалистическими жожаками. При этом они, конечно, умалчивали, что импорт продовольствия за конвертируемую валюту лишь в очень слабой мере компенсировал те огромные внутренние недоборы государственных закупок (за 10 месяцев 1981 г. они составили только 60 процентов от уровня 1980 г.), которые целенаправленно «регулирувались» внтисоциалистическими жожаками сельской «Солидврности»¹.

В конечном счете *разрушительные действия контрреволюции на народнохозяйственном фронте поставили страну на грань экономической катастрофы*. Национальный доход Польши в 1981 г. сократился на 13 процентов (в 1979 г. — на 2, в 1980 г. — на 4 процента) и упал до уровня 1974 г. Промышленное производство докатилось до уровня 1976 г. (падение за год на 13 процентов), а экономика ПНР в целом оказалась отброшенной на рубеж 1974—1976 гг. Экспорт понизился до уровня 1975 г. Долг Польши капиталистическим странам возрос на несколько

¹ В целом же в 1981 г. импорт из капиталистических стран сократился на 30,4 процента, главным образом за счет оборудования, полуфабрикатов и промышленного сырья, что в значительной мере было восполнено внеплановыми срочными поставками из стран социалистического содружества. Чрезвычайно важное значение для поддержания польской экономики имели поставки из Советского Союза, которые возросли в 1981 г. по сравнению с 1980 г. на 12 процентов. Советское государство с пониманием отнеслось к невозможности выполнения ПНР своих обязательств по по-

ставкам в СССР, например, угля, которые, по договоренности, были значительно сокращены. Только в августе—сентябре 1981 г. они были уменьшены на 40 процентов. Были отодвинуты сроки погашения ранее предоставленных Польше кредитов, выделан значительный новый кредит и т. д. Советский Союз, несмотря на то что 1981 г. был крайне неблагоприятным для собственного сельского хозяйства, делал все возможное, как и другие социалистические страны, чтобы помочь Польше поставками зерна, сахара и других продуктов питания.

миллиардов и превысил к ноябрю 1981 г. 25 млрд. долларов¹.

Однако руководители польской контрреволюции не могли не осознавать того факта, что на этом решающем этапе борьбы за власть — этапе, в который они вступили после съезда «Солидарности», бесконечное продолжение разрушительных действий в сфере экономики может привести страну к экономической катастрофе еще до того, как им удастся произвести переворот. Они понимали, что дальнейшая тотальная дезорганизация народного хозяйства в самом ближайшем будущем обернется угрозой всеобщего голода, резкого усиления материальных трудностей в жизни всего населения. А следовательно — ускорит процесс отрезвления рядовых членов «Солидарности».

Но как не допустить этого? Как избежать хоть какого-то конструктивного контакта с властями и в то же время не снизить накала «забастовочного терроризма»? Решение этой, казалось бы, неразрешимой дилеммы лидеры «Солидарности» нашли в еще большей согласованности всех своих дестабилизирующих действий с акциями Запада².

После принятия съездом «Солидарности» антисоциалистической программы и в правящих кругах многих государств капиталистического Запада крепла уверенность в скорой победе польской контрреволюции. Достижение целей, общих для тех и других, стало казаться вполне реальным.

Схема взаимодействия была достаточно проста: в соответствии с уровнем «забастовочного терроризма», пара-

¹ Кризис в экономике приобрел невиданные масштабы. «Мы не отказываемся от ответственности, — говорил на пленуме ЦК ПОРП в мае 1983 г. В. Ярузельский, — за истоки и причины кризиса, которые связаны с ошибками политики

доавгустовского периода, но ничто не может освободить контрреволюционные экстремистские силы от ответственности за резкое обострение и углубление кризиса, за расстройство государственных и экономических структур...»

² «Нам нужна такая экономическая стратегия, которая помогала бы держать события в Польше под

контролем», — писала 25 сентября 1981 г. «Вашингтон пост».

лизующего внутреннее производство, правящие империалистические круги поставляют Польше, в основном за оплату, минимально необходимое количество продовольствия и предметов первой необходимости. Тем самым поддерживается «контролируемое напряжение» в обществе (накал которого совместно регулируется Западом и польской контрреволюцией), а престиж капиталистических государств, оказывающих «гуманную помощь», в глазах поляков повышается¹. Вместе с тем из западного экспорта в ПНР в первую очередь и, конечно, не случайно исключаются оборудование, запасные детали, полуфабрикаты и сырье, жизненно необходимые для вывода народного хозяйства страны из кризиса.

Особо острое нетерпение осенью 1981 г. проявляла администрация президента Рейгана. Она горела желанием побыстрее получить свои политические дивиденды за финансовые вложения в «польский эксперимент» (в 1980—1981 гг. США предоставили Польше кредитов на 1,8 млрд. долл.), все активнее подталкивая контрреволюцию к самым решительным и энергичным действиям. Рейгановская администрация полагала, что уже пора приступить к реставрации капиталистических порядков хотя бы в сфере экономики. Как сообщал в августе 1981 г. «Вашингтон пост», «Соединенные Штаты предполагают давать Польше главным образом продовольствие... Один важный американский официальный деятель заявил: «Мы хотим сосредоточить основное внимание на стимулировании частного сельского хозяйства». Бостонская «Крисчен сайенс мони-

¹ Эта «помощь» — в значительной своей части продовольственные посылки от частных организаций — шумно рекламировалась в западных газетах и прессе «Солидарности». Один пример, характеризующий размеры «гуманной помощи». В течение 1981 г. из ФРГ было направлено в Польшу 2 миллиона таких посылок с продовольствием на сумму около 30 млн. долл., т. е. меньше 1 доллара на каждого жителя ПНР. Для сра-

внения две цифры. Потери только промышленной продукции ПНР в 1981 г. в результате забастовок составили, по подсчетам западных экспертов, свыше 3—5 млрд. долл. За ряд продовольственных кредитов, предоставленных только США в 1980—1981 гг. под значительный процент, ПНР должна была, кроме долга этой стране, ежегодно выплачивать проценты в сумму на 120—150 млн. долл.

тор» в начале октября к этому добавляла еще одно соображение о пользе такой «помощи»: «Польская валюта, уплаченная за продовольствие из Соединенных Штатов, может быть использована нами в качестве новых займов для стимулирования аграрных реформ, например для финансирования консолидации в стране единоличных хозяйств». К бостонской газете присоединилась, и в еще более откровенной форме, нью-йоркская «Уолл-стрит джорнэл» — рупор крупнейших американских бизнесменов и финансистов: «Запад должен по-прежнему выделять средства для польской экономики, чтобы помочь ей постепенно отойти от коммунизма»¹.

О синхронности действий польских внутренних реакционных сил и империалистических центров свидетельствуют, например, даты трех решений «Общего рынка», на основе которых Польше предоставлялись кредиты на продовольствие. Такие решения были приняты в декабре 1980 г., апреле и октябре 1981 г. Они поразительно точно совпадали с узловыми пунктами на пути нврастания и консолидации усилий польской контрреволюции. Как

¹ Хотя в целом европейские союзники США по НАТО и не отказывались от участия в «польской игре» Вашингтона, их позиция не была столь однозначной. С одной стороны, императивы так называемой атлантической солидарности (в точности — общие цели империалистической буржуазии в борьбе с социализмом) подталкивали их к активной политической и экономической поддержке антипольской политики США. С другой — специфические интересы западноевропейского империалистического класса (заинтересованность в политической и военной разрядке на континенте, который имел все шансы стать главным театром военных действий в случае войны, а также в экономических связях с социалистическими странами Восточной Европы) диктовали правительствам

европейских членов НАТО более осторожный и взвешенный подход к польской проблеме. Многим трезвомыслящим западноевропейским политикам было ясно, что администрация президента Рейгана, кроме всего прочего, преследует в «польском вопросе» цели, расходящиеся с устремлениями значительного большинства правящего класса Западной Европы. Вашингтон рассчитывал при любом повороте событий в этой стране обострить до предела международную обстановку. Поэтому правительству даже наиболее близких союзников США в Западной Европе часто пытались сдерживать, хотя подчас и непублично, авантюристический план рейгановской администрации, стремление Вашингтона поставить на «польскую карту» судьбы европейской разрядки.

подчеркнул в 1982 г. В. Ярузельский, во всех этих акциях проявлялись «тесная взаимосвязь, параллельные действия внутренней антисоциалистической оппозиции и конфронтационной политики империализма в глобальном масштабе».

Сама логика антисоциалистических действий, предпринятых контрреволюционными лидерами, привела их к прямому предательству национальных интересов собственного народа, к открытому сговору с теми силами на Западе, которые были крайне заинтересованы в ослаблении польского государства и в нарушении его территориальной целостности¹.

Как видим, партнеры по очереди искусно подыгрывали друг другу. Вначале, до лета 1980 г., Запад прикрывал антисоциалистические группировки своим финансово-экономическим зонтиком. Теперь укрепшая польская контрреволюция делала все возможное для упрочения пут «кредитного лассо» Запада, которое позволяло последнему предъявлять польскому правительству все более и более жесткие политические требования. За 1980—1981 гг. развитыми капиталистическими странами было предоставлено Польше новых кредитов на сумму 8 млрд. долл. (в том числе в 1981 г.—на 4,5 млрд. долл.). Причем в подавляющей своей части—на непроизводительные цели (закупки продовольствия и предметов первой необходимости). Сумма польского долга за это время возросла еще на 5 млрд. долл. за счет отсрочки долгов, не выплаченных из-за растущей дестабилизации народного хо-

¹Разве они не были осведомлены о планах, которые строили влиятельные реваншистские силы в ФРГ, разыгрывая «польскую карту»? Многие деятели ведущих западногерманских партий, особенно ХДС—ХСС, не считали даже нужным скрывать свои замыслы и писали об этом открытым текстом в прессе. Так, депутат парламента от ХДС О. Хенниг прямо заявил: «Мы с большой симпатией следим за стремлением поляков к свободе.

Не отказываясь от своего права на родину, мы, выходцы из восточных территорий довоенной Германии, полагаем, что с демократической Польшей будет легче договориться». Орган так называемого «землячества немцев из Силезии» (западная часть нынешних польских территорий) писал, что при предоставлении кредитов Польше «следует учитывать, что мы заинтересованы выкупить обратно или арендовать у Польши наши восточные земли».

зайства и резкого падения экспорта в капиталистические страны¹.

Таким образом, руками польской контрреволюции задолженность страны Западу за 16 месяцев их открытой деятельности была увеличена на огромную сумму (при общем долге 25 млрд. долл.). Сколько сил, энергии придется отдать польским трудящимся в ближайшие годы для того, чтобы возратить этот гигантский долг! Такова цена, которую должен будет заплатить польский народ за ту зловещую «игру в четыре руки», которую вела кучка авантюристов². Но именно их в свое время возводили чуть ли не в ранг «борцов за рабочее дело».

Организуя «забастовочный терроризм», до предела разрушающий всю экономическую и общественную жизнь в стране, лидеры «Солидарности» преследовали еще одну цель. Они рассчитывали, что в условиях всевозрастающей социальной напряженности и анархии и не имея возможности продолжать нормальную выплату многомиллиардных долгов капиталистическим странам государственные власти ПНР вынуждены будут пойти на все новые и новые займы. Это повлечет за собой принятие политиче-

¹ В то же время западные «раде-тели польского народа» в 1981 г. затребовали и получили у Польши причитающиеся проценты с долга в сумме 2,7 млрд. долл. (сравним с 5 млрд. долл. новым кредитом!). Однако ни западная пресса, ни пропагандисты «Солидарности» «не заметили» действительно дружес-

венного акта Советского Союза, который в 1981 г. ввиду тяжелого экономического положения ПНР объявил четырехлетний мораторий по погашению польского долга СССР. Призыв Советского Союза к Западу поступить таким же образом, естественно, отклика не имел.

² Как выясняется, синхронизация этой совместной зловещей игры осуществлялась сверхсекретным штабом польской контрреволюции — «Польским независимым соглашением», через его «доверенных лиц», которых были расквартированы в ведущих странах Запада и имели широкие полномочия вступать в любые контакты с самыми высокими инстанциями. Среди них: в США — профессор Калифорний-

ского университета Е. Лерский; в Великобритании — профессор Л. Колаковский; в Италии — сотрудник журнала «Культура» Г. Герлинг-Грудзинский. Только при подтверждении этими «доверенными лицами» могли быть признаны достоверными любые просьбы, предложения и сведения, получаемые на Западе из Польши по любым каналам связи.

ских условий, которые там поставят, прежде чем оказать Польше искомую помощь.

Особые надежды лидеры «Солидарности» связывали с намечавшимся вступлением Польши в Международный валютный фонд (МВФ), где заправляют крупнейшие монополии Запада, которые тогда благосклонно отнеслись к этой идее. Валенса на пресс-конференции в Париже 13 октября 1981 г. заявил, что «это будет для нас выгодным, в частности, благодаря контролю, который МВФ сможет установить над нашей экономикой». Что Валенса имел в виду, говоря, что «это будет для нас выгодным», еще раньше, до Валенсы, объяснили американцы. Вот что писала в августе 1981 г. «Вашингтон пост»: «Главная надежда... связана с тем, чтобы вовлечь Польшу в Международный валютный фонд. Организованная этим фондом программа не только даст возможность поддержать Польшу, но также... поможет реформистскому движению в Польше быть уверенным в том, что независимое международное агентство будет присматривать за поведением ее коммунистического правительства».

Итак, правящие круги Запада и вожаки «Солидарности» были *прямыми союзниками во имя общих классовых целей*. Более того, ставки Запада в этой игре были значительно крупнее: они рассчитывали с помощью «польской карты» не только демонтировать социализм в этой стране, но и круто изменить соотношение сил в Европе и во всем мире. Это понимали и руководители «Солидарности». «Наше поражение,— заявил в одном из своих интервью для американского телевидения осенью 1981 г. Валенса,— было бы более серьезным поражением для нас. Поэтому мы должны выиграть этот бой, но вы должны вложить в нас еще немного».

Однако расчет польской контрреволюции на такой беспроигрышный «бой» с сохранением и упрочением репутации «защитника нации», спасающих население от голода, не оправдался.

В результате дестабилизирующих действий «Солидарности», и прежде всего — «забастовочного терроризма», польское общество к концу осени оказалось в буквальном смысле на краю бездны. «Возможности государства по уменьшению кризисных тенденций,— заявило в начале

ноября правительство ПНР,— практически исчерпаны. Мы вынуждены на аптварских весах распределять имеющиеся сырьевые и материальные ресурсы».

К ноябрю 1981 г. правительство почти полностью приостановило наиболее энергоемкое производство в цементной и металлургической промышленности. Был утвержден график отключения от энергетических сетей, по мере усиления осенних и зимних холодов, других промышленных предприятий. Ввиду отсутствия государственных резервов угля и дальнейшего падения его добычи власти разработали всепольский план эвакуации нескольких миллионов городских жителей из неотапливаемых квартир в общественные здания и общежития, чтобы пережить зиму. Запасы продовольствия в эти тяжелые осенние месяцы с трудом поддерживались на уровне всего нескольких дней. Выдачи по продовольственным карточкам были значительно уменьшены, многие продукты выдавались с перебоями¹.

Таковы были результаты тактики «Солидарности» «чем хуже — тем лучше», которая, по мнению ее контрреволюционных лидеров, должна была быстро «размягнуть» социализм и позволить им овладеть государством поэтапно и незаметно. В угоду этим коварным целям приносились в жертву здоровье и благополучие собственного народа, экономический потенциал польского государства, созданный самоотверженным трудом нескольких поколе-

¹ В случае продолжения и углубления дестабилизирующих тенденций в народном хозяйстве ПНР открывались, по прогнозам польских экономистов, самые мрачные перспективы на приближающийся 1982 г.:

- минимум 20 процентов рабочих и служащих страны останутся без работы;

- жизненный уровень населения неизбежно упадет на 30—50 процентов;

- дефицит государственного бюджета возрастет не менее чем в

4 раза, что составит ровно его половину. Как известно, в результате введения военного положения 13 декабря 1981 г., прекращения разгула антисоциалистических сил и наведения элементарного порядка в экономике удалось в значительной степени опровергнуть эти прогнозы: безработица не наступила, жизненный уровень населения хотя и упал в 1982 г. но на минимально возможную величину (25 процентов), в бюджетный дефицит возрос только в 2 раза.

ний поляков, авторитет и вес польского государства на международной арене¹.

Повсеместная нехватка товаров первой необходимости (их поставки на рынки сократились на 11 процентов) привела к разгулу спекуляции, быстрому нетрудовому обогащению десятков тысяч перекупщиков. Хаос породил и рост социального паразитизма и преступности. С августа 1980 по декабрь 1981 г. 150—200 тысяч молодых людей бросили работу; за 10 месяцев 1981 г. число преступлений (в сравнении с тем же сроком 1980 г.) возросло на 40 процентов (с применением насилия — на 80).

Словом, польская контрреволюция развязала в стране настоящую вакханалию разрушительных антиобщественных сил, что уже само по себе было свидетельством назревания национальной катастрофы. Широкие массы рядовых членов «Солидарности», уставшие от бесконечных забастовок и растущих материальных лишений, все более убеждались, что акции «Солидарности» лишь уничтожают все то, чем ранее страна располагала. Начался их постепенный отход от «рабочего профсоюза».

Вверх по лестнице, ведущей вниз

Нельзя сказать, что этот отход произошел внезапно. «Начало конца» могущества «Солидарности» чем-то напоминало прорыв плотины на бурной и полноводной реке. Так ручейки, вначале почти незаметные, сливаясь, образуют поток такой силы, что он в конце концов прорывает плотину.

¹Такие действия не одобряли даже некоторые наиболее здравомыслящие представители правящих кругов Запада. «Я считаю,— заявил, например, 21 октября 1981 г. в интервью венской газете «Прессе» тогдашний канцлер Австрии Б. Крайский,— что можно быть сво-

бодными профсоюзами и тем не менее добывать нужное количество угля... Нынешние экономические неурядицы в Польше не являются следствием существования там коммунистической экономической системы».

Первые признаки разочарования трудящихся в «своем» профсоюзе довольно явственно проявились сразу же после IX съезда ПОРП. Они стали заметны настолько, что даже правая, консервативная западная пресса не могла обойти это молчанием. Так, парижский еженедельник «Пари-матч» в номере от 28 августа вынужден был констатировать: «Тысячи трудящихся вдруг начали покидать ряды этого свободного профсоюза».

Но вот что характерно. Лидеры «Солидарности» тогда почти не обратили внимания на этот факт: что им какие-то тысячи, когда за ними продолжают идти миллионы! Уход «твёрдолобых коммунистов» был, как они тогда полагали, только на пользу, поскольку избавлял от лишнего балласта, приносящего «профобъединению» немалые хлопоты. Они не способны были увидеть, что эти первые сотни и тысячи были провозвестниками того массового процесса, который развернется несколькими месяцами позже.

В мотивах, по которым люди рвали с «Солидарностью», в их претензиях к ее руководству, выражавшихся ими открыто — в том числе и в печати, проявился тот общий настрой, который постепенно вызревал в массе рядовых членов «профобъединения». Эти первые шаги были не чем иным, как отражением антагонистического конфликта, изначально заложенного в самой его «двухслойности». Вот отрывки из некоторых писем того времени (август — начало сентября 1981 г.), поступивших в редакции центральных газет из разных городов страны.

Из Люблина: «Лидеры профобъединения любят рассуждать о свободе и демократии, но не допускают никакой свободы для членов «Солидарности». Руководители как хотят манипулируют низовыми организациями. Наше движение возникло как протест против нарушения принципов социализма; а что сейчас происходит в «Солидарности»? В ней не могут быть и речи о поисках правды, а тем более о критике действий руководителей профобъединения. Близ конца требовать и ничего не давать взамен — таков метод деятельности «Солидарности». Почему никто из наших советников не предвидел, что повышение заработной платы приведет к простому увеличению количества денежных знаков в наших карманах, не имеющих товарного обвешивания?»

Из Варшавы: «Я выхожу из этого профобъединения, которое устраивает только новые забастовки и демонстрации. Дефилировать по улицам или сидеть в цехе, ничего не делая, да еще получать за это деньги? Не таким путем надо выходить из кризиса».

Из Жешува: «Я верил, что «Солидарность» станет той силой, которая будет способствовать выведению нашего социалистического государства на путь обновления. Через год я понял, что ошибся. Совесть поляка не позволяет мне носить в кармане удостоверение члена «Солидарности».

Окончание первого тура съезда «профобъединения», на котором его лидеры выступили с открытыми картами, было отмечено качественно новым явлением: из «Солидарности» в полном составе вышли три довольно крупные низовые организации. Ручейки уже начали превращаться в потоки.

К середине октября 1981 г., по неполным подсчетам автора (а исходные сведения пока что носят разрозненный характер), из «Солидарности» вышло уже около 500 тысяч человек. Один только отраслевой профсоюз строителей, стоящий на твердых социалистических позициях, о котором мы уже упоминали, пополнился 300 тысячами новых членов. Другим крупным отрядом польского рабоче-го класса, в котором обнаружился заметный отход от лидеров «Солидарности», были горняки, прежде всего рабочие угольной промышленности. И это не случайно. Ибо как раз рабочие той и другой профессии яснее других увидели и быстрее прочувствовали все последствия «забастовочно-го терроризма»¹.

Однако было бы упрощением считать, что этот процесс проходил гладко и безболезненно и что, порвав с «Солидарностью», трудящиеся сразу же становились на прямо противоположные позиции. Дело в том, что вначале идеалы людей труда, их политическая активность были серьезно поколеблены ошибками и деформациями, допущенными прежним государственно-партийным руководством.

¹ Из 900 тысяч польских строителей 475 тысяч уже в начале 1982 г. должны были бы остаться без работы из-за целенаправленного раз-

вала угольной, а затем энергетической цементной промышленности и производства других строительных материалов.

Возникшая затем наивная вера значительных масс польских трудящихся в то, что им удастся с помощью «Солидарности» «обновить» социализм, освободить его от чуждых наслоений и деформаций, сменилась разочарованием в этой организации, когда во время и после съезда «профобъединения» резко обнажилась антисоциалистическая, антирабочая направленность деятельности его руководства. Именно об этом позже, уже после 13 декабря 1981 г., говорил В. Ярузельский. Он подчеркнул, что общественному сознанию граждан ПНР «дважды и с разных сторон были нанесены тяжелые удары».

Следовательно, этот процесс отхода не прямо, а только косвенно усиливал позиции защитников социализма. Большинство из тех сотен тысяч, а потом и миллионов поляков, которые начали отходить от «Солидарности», не смогли сразу же встать по другую сторону баррикад. Их преобладающим настроением все более становилась политическая и гражданская апатия, безразличие, безверие. Для преодоления его нужно было немалое время.

Это означало появление нового социального феномена — так называемого «молчаливого большинства», без учета места и роли которого трудно правильно оценить ход событий как до, так и после 13 декабря 1981 г. «Мы имели дело, — отмечал 23 декабря 1982 г. в своем выступлении, анализируя ситуацию в стране, секретарь ЦК ПОРП М. Ожеховский, — с обширным массивом граждан, которые недоверчиво относились как к деятельности контрреволюции, так и к решениям властей. Наша стратегическая задача заключалась в том, чтобы привлечь на свою сторону это «молчаливое большинство», подавляющая часть которого объективно стоит на стороне социализма». Но вместе с тем при всей своей противоречивости этот отход означал постепенное размывание массовой базы, на которую антисоциалистические силы опирались больше года. Теперь, когда их влияние на трудящихся становилось все более неустойчивым, провозглашенная на съезде «Солидарности» линия на осаду социализма, его постепенного удушения все более обнаруживала свою бесперспективность.

Но не означает ли это, что лидеры контрреволюции, ведущая фракция «умеренных» во главе с КОС—КОР допу-

стили крупный просчет, отвергнув на съезде планы «радикалов», которые настаивали на немедленном насильственном свержении народной власти? На этот вопрос можно дать только отрицательный ответ. Дело здесь, разумеется, не в просчетах. Конечно, лидеры «умеренных», не без подсказки своих зарубежных консультантов и вдохновителей, лучше, чем «радикалы», ориентировались в методах дестабилизации. Они понимали, что экономические и государственные структуры социализма были еще не достаточно размыты, а массы трудящихся дезорганизованы еще не в такой степени, чтобы одним решающим ударом покончить с народной властью. Для этого, по их расчетам, было нужно время, и немалое.

Их тактика имела своей главной целью упрочить влияние на идущие за ними группы трудящихся с помощью изоцирковой демагогии. Без этого трудно было перейти к завершающей стадии «операции Полония» — молниеносным ударом, по возможности без международных осложнений, свалить социализм в Польше¹.

Однако они явно недооценили глубину приверженности основных масс польского рабочего класса и других групп трудящихся принципам и устоям социализма. Это трудно назвать ошибкой. Ведь такая недооценка не была результатом простых политических недоработок или логических неточностей а задуманных планах. Эти просчеты

¹Видя определенные тактические различия в методах достижения контрреволюционных конечных целей между «умеренными» и «радикалами», в то же время не следует их абсолютизировать. Коскоровцы и другие штабисты «умеренных» никогда не были противниками насильственных методов борьбы. Они были «за», но только в подходящий момент, когда для этого созреют благоприятные условия. Приведем здесь лишь одно признание Валенсы, прямого сталежника КОС—КОР, прозвучавшее в интервью парижскому консерватив-

ному журналу «Пари-матч» в сентябре 1981 г.:

«Вопрос Вас упрекают иногда за вашу умеренность?

Ответ. Те, кто упрекает меня в этом, глубоко ошибаются. Я в течение 15 лет был радикалом. Я и сейчас остаюсь им, но мой взгляд на вещи изменился. Я думаю, что не следует провоцировать взрыв, как говорится, даром. Фактически я являюсь радикалом, который хочет победить, но не стремясь к таким столкновениям, которые я считаю бесплодными. Я — радикал, который хочет только победы».

были predeterminedены их мировоззрением и уверенностью, что его можно легко навязать людям труда¹.

Но получилось далеко не так. Откровенно антисоциалистические решения принесли противоположный результат: они оказались катализатором начавшегося процесса массового отхода трудящихся от «Солидарности».

Объявленный ею курс на постепенное создание параллельно с органами власти и управления социалистического государства структур будущей «самоуправляемой Речи Посполитой»² не нашел массового отклика.

Начатый еще в конце лета 1981 г. процесс насаждения собственных органов «самоуправления», которые, согласно планам руководителей «Солидарности», должны были в течение нескольких месяцев охватить всю Польшу, развивался вяло. С момента принятия гданьским съездом соответствующей резолюции и до введения военного положения 13 декабря 1981 г. такие органы были созданы только на 20 процентах предприятий ПНР. Причем многие из них фактически бездействовали. Таков был закономерный, но непостижимый для контрреволюционеров ход событий.

Был еще один факт, которому они не могли найти объяснения. Несмотря на упорные попытки сельской «Солидарности» ликвидировать в стране госхозы и кооперативы в сельском хозяйстве, а их землю передать

¹ Даже на съезде, где собрались, как мы помним, преимущественно антисоциалистически настроенные штатные работники «объединения», прозвучало несколько голосов, протестующих против «забастовочного терроризма» и замены социализма «самоуправлением». Вот выдержки из выступлений трех делегатов.

— «За минувший год деятельность «Солидарности» преимущественно была деструктивной».

— «Если кризис будет нами углуб-

ляться, то массы отвернутся и от «Солидарности».

— «Наш путь — это строительство правдивого социалистического строя в Польше. Нельзя рассматривать самоуправление как лекарство на все и вся. Разве мы располагаем специалистами в области самоуправления? И еще один вопрос: мы поддерживаем частный сектор. К чему мы идем — к формированию значительной эксплуататорской прослойки в нашем обществе?»

² Именно тогда, как позже говорил В. Ярузельский, «фактически

началась организация антиалясти, антигосударства».

крестьянам-единоличникам, ни одно из социалистических хозяйств в польской деревне (которым принадлежит примерно 25 процентов сельскохозяйственных угодий) не распалось за период с августа 1980 по декабрь 1981 г.⁴

Не оправдалась ставка стратегов контрреволюции и на фактическое преобразование «профсоюза» в открыто политическую организацию. Выполняя функции политической партии и оставаясь по форме «профсоюзом», «Солидарность» достаточно эффективно могла бы, по расчетам контрреволюционеров, выполнять роль «приводного ремня» от верхушки к массам. Однако в октябре 1981 г. впервые становятся массовыми случаи отказа от безоговорочного повиновения руководству «Солидарности», призывающему к забастовкам, «забастовочным готовностям», «демонстрациям протеста» и т. д. Из-под контроля боссов «профобъединения» нервно выходят уже целые коллективы.

Несмотря на все запреты руководителей «профобъединения» и пикеты, организуемые его активистами, все больше шахтеров в угольном поясе страны, внимая доводам ПОРП и правительства, выходят на работу в нерабочие субботы. Своеобразный рекорд был установлен в субботу 21 октября, когда 65 процентов всех горняков спустились в забой. Все чаще массы рядовых членов «профобъединения» не поддерживали требований замены директоров предприятий, назначенных государством, ставленниками руководителей «Солидарности». Нельзя сказать, что боссы «профобъединения» совсем не понимали, что начавшийся столь заметный процесс отрезвления способен перечеркнуть их планы. Но они еще не отдавали себе отчета в необратимости этого процесса, ища его причины в разного рода случайностях субъективного свойства — собственных ошибках, промахах и просчетах. Начинается судорожный поиск новых приемов, рассчитанных на то, чтобы удержать рядовых членов «Солидарности» в орбите

⁴ Кстати говоря, только регулярные поставки продовольствия госхозами и кооперативами спасли осенью 1981 г. жителей польских городов от угрозы настоящего го-

лода. В том году они дали, например, почти половину всех государственных закупок мяса, весомую часть других продуктов питания

своего влияния. Характерно в этом отношении интервью Валенсы парижскому журналу «Пари-матч» 17 сентября 1981 г.

«Вопрос. Не ощущаете ли Вы, что по сравнению с августом 1980 г. население несколько утратило свой энтузиазм, что оно устало от ваших акций, сотрясающих страну практически непрерывно?

Ответ. Конечно, мы не упускаем это из виду. Именно поэтому нам давно пора лучше показать населению, чего мы добились, оказывая ему помощь. Как только мы сумеем добиться, чтобы люди нас правильно поняли, энтузиазм возродится».

Но и на противоположном полюсе — в лагере защитников социализма видимость силы «Солидарности», продемонстрированная на ее съезде, еще подводила некоторых к пессимистическим прогнозам. В середине октября даже в изданиях ПОРП и союзнических с ней партий еще можно было читать такие строки: «Положение почти безвыходное, но мы должны найти отправную точку для его изменения...», «мы сознаем, что время работает против нас во всем...»¹

¹ Однако подобные оценки уже были скорее исключением, чем правилом. ПОРП, союзнические партии, все социалистические силы с возрастающей уверенностью оценивали возможный исход борьбы с контрреволюцией. Например, 15 октября Варшавский воеводский комитат ПОРП на своем пленуме принимает постановление, в котором отмечается, что главной причиной «возрастающей напряженности в стране является деятельность экстремистских кругов «Солидарности», направленной на конфронтацию. Единственная возможность сдержать и приостановить неблагоприятные тенденции — это последовательная линия диалога и соглашения не с враждебными социализму группировками, а с прогрессивными общественными силами.

Перед лицом угрозы социалистической родине власть может завоевывать авторитет и доверия только решительными действиями руководящих органов, упрочением конституционного порядка». 4-й пленум ЦК ПОРП определил складывающуюся ситуацию как обнадеживающую и подчеркнул необходимость решительной борьбы с дезорганизующей деятельностью экстремистов из «профобъединения». «Солидарность» стремится привести страну к разрухе, чтобы захватить власть, — говорил после пленума член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП С. Ольшовский. — Мы полностью выполняем линию соглашения, но мы не позволим открытые выступления против государства и социализма, а также против общественного порядка. Поэтому

Поворотным пунктом в решающей консолидации социалистических сил в их борьбе с контрреволюционной угрозой, нависшей над народной Польшей, стал 4-й пленум ЦК ПОРП. Он собрался в середине октября. Именно этот пленум, где Первым секретарем ЦК ПОРП был избран В. Ярузельский, оставшийся одновременно на посту Председателя Совета Министров, констатировал, что *процессы, начавшиеся в массах польских трудящихся, меняют соотношение сил в ущерб контрреволюции, что время уже полным ходом работает на победу сил социалистического возрождения*. Растерянности и паническим настроениям среди части коммунистов, членов партнерских партий и других социалистических организаций был дан решительный бой. На 4-м пленуме, а через несколько дней и на 5-м, как писала в январе 1983 г., возвращаясь к тем событиям, «Жолнеж вольности», «впервые прозвучали сильные слова, что Польша должна стать и станвт нормальной, спокойной страной, что в связи с развернувшимися тогда событиями некоторые сочли сюрреалистическими требованиями. Но среди большинства членов партии эти слова после подавленного состояния вновь возродили надежды».

В верхних слоях «профобъединения» нарастала тревога. Обеспокоенная сбоями в реализации принятого съездом плана удушения социализма, всепольская комиссия «Солидарности», собравшаяся 23 октября в Гданьске, обсудила складывающуюся ситуацию. На этом заседании председатель южнопольской региональной организации «Солидарности» Ролич с тревогой отмечал, что «массовая база профсоюза начинает размываться». Другой член всепольской комиссии Лах торопил начать, пока не поздно, открытую конфронтацию. «Нас должна отличать смелость»,—говорил он на заседании.—Если мы сейчас смело не пойдем в бой—союз понесет серьезные потери». Как сообщало в те дни Польское агентство печати (ПАП), заседание «проходило не только бурно, но временами приобретало драматический характер». «Радикалы»

пленум ЦК поручил Политбюро выступить в сейме и правительстве с предложением в случае необхо-

димости применить соответствующие меры для обеспечения порядка и спокойствия в стране».

предприняли еще одну яростную атаку на тактику постепенной осады народной власти и опять настаивали на немедленном свержении правительства. «Некоторое время казалось,— сообщало далее ПАП,— что эта ориентация одержит верх, но после выступления Валенсы победила более умеренная тенденция, и принятое в конце концов решение было самым мягким из предлагавшихся».

Видимо, точнее было бы сказать, что победил, как и на съезде «Солидарности» за две недели до этого, профессионализм опытных практиков контрреволюции, которые еще раз удержали своих коллег-непрофессионалов от неподготовленного вооруженного выступления. Фракция «прагматиков» понимала, что, прежде чем принимать окончательное решение об изменении методов конфронтации с социалистическим государством, необходимо проверить соотношение сил на всепольском уровне, определить масштабы начавшегося отхода рядовых членов «профобъединения» от контрреволюционной верхушки. В роли «измерителя» было решено использовать «всепольскую предупредительную одночасовую забастовку» 28 октября 1981 г., решение о которой было принято упомянутым заседанием по предложению коскоровцев.

И она действительно «измерила» начавшееся качественное изменение ситуации. Был выявлен существенный перелом в настроениях рядовых членов «Солидарности». Многие почувствовали и другое: реакция на забастовку со стороны правительства, ПОРП, всех защитников социализма свидетельствовала об осознании народной властью своей растущей силы. Как точно подметила одна польская газета, «в день всепольской забастовки больше всего, пожалуй, бросалась в глаза и вызывала даже восхищение беспристрастных наблюдателей хладнокровная, спокойная и взвешенная реакция государственных властей».

Хотя немалая часть рабочих по инерции, в условиях массированного психологического давления, и приняла участие в этой акции, большинство их не одобряло самой идеи организации забастовки. Проведенные опросы показали, что впервые за всю историю «Солидарности» за забастовку высказалось меньше половины (45 процентов) ее членов. По мнению «Трибуны люду», этот факт свидетельствовал о начавшемся процессе политического от-

резаления широких рабочих масс. Забастовка 28 октября подтвердила, что возник и набирает силу пока еще пассивный, но однозначный протест против антисоциалистического «забастовочного терроризма» руководства «Солидарности». А это означало, что контрреволюционные силы все более втягивались в перманентный кризис.

Газета «Жолнеж вольности», оценивая итоги забастовки, пришла к вполне обоснованному выводу: «...сегодня «Солидарность» еще может организовать забастовки, но уже не в силах ими управлять. Правительство обретает доверие, профобъединение теряет его. Руководству «Солидарности» следует серьезно задуматься над этим фактом».

Вожди «профобъединения» не преминули это сделать, и притом самым серьезным образом. Но, конечно, совсем не в том смысле, в каком высказалась варшавская газета.

Итак, всего через три недели после окончания съезда «Солидарности», принявшего, как представлялось ее верхушке, продуманный до деталей план постепенного, шаг за шагом, сфер за сферой, перехвата власти, начали выявляться и нарастать признаки крутого поворота в общественных настроениях, массового отрезвления от гипнотического воздействия демагогических лозунгов «профобъединения». Кривая его реального влияния пошла вниз.

Трехступенчатая программа действий КОС—КОР, рассчитанная на три года (1980—1983 гг.), до сих пор выполнялась с точностью, достойной хорошего железнодорожного расписания. Первый свой перегон она прошла точно в установленный срок. Второй тоже начался вовремя, хотя и шел с некоторым опережением график¹. Затем возникли непредусмотренные сбои. Контрреволюция теряла инициативу, оказалась в круговой обороне, причем без какого-либо плана. Ведь программа действий КОС—КОР носила однолинейный характер. Она не имела запасного варианта на случай непредвиденных осложнений.

Но вспомним: такой вариант предусматривался в «плане по дестабилизации Польши», представленном в 1978 г. Бжезинским. Он предполагал, в случае провала тактики «ползучей» контрреволюции, переход к вооруженному штурму социализма, названному в нем «антикоммунистическим восстанием». Но этот вариант до поры до времени не закладывался в программу действий «младшему парт-

¹ После съезда вожаки контрреволюции перенесли сроки захвата власти на весну 1982 г.

неру», чтобы последний не отвлекался от главного направления и не раздваивался в своих действиях. Задача исполнителю была поставлена четко и однозначно. Теперь пришло время для введения в действие второго варианта.

Именно тогда вдруг на целую неделю исчез Куронь. Словно сквозь землю провалился. Особенно было странным, что он не участвовал в важном заседании всепольской комиссии «Солидарности», обсуждавшем итоги забастовки 28 октября. Это вызвало разнотолки, ибо Куронь никогда не пропускал ни одного подобного собрания, всегда готовый «поправить» заблуждавшихся и «пресечь» инакомыслящих.

Теперь причина его отсутствия перестала быть секретом. «Куронь не участвовал в ноябрьском заседании всепольской комиссии профсоюза,— писала недавно «Жолнеж вольности»,— что многих, конечно, удивило. И только посвященные знали, что он не теряет попусту времени и интенсивно работает над новым планом действий на ближайшее время, который должен иметь решающее значение, поскольку сильно уменьшились шансы на использование «Солидарности» в качестве «мирного» контрреволюционного тарана». Итак, заговор против народной власти оставался в силе, но круто менялись его средства и методы.

...А пока Куронь энергично перекладывает американское либретто на польские ноты, надо полагать, с подачи «серого кардинала» Модзелевского, пока новые разработки согласовываются с заокеанскими подрывными центрами по каналам, о которых история пока умалчивает, обратимся к событиям, развернувшимся, и довольно стремительно, на открытой политической сцене.

Ноябрь — месяц предпоследний

Новая политическая обстановка, начавшийся в «Солидарности» внутренний кризис требовали от ее руково-

дителей иных решений и подходов, критического переосмотра прежней тактики. Этому, по сути дела, и было посвящено назначенное на 3 ноября заседание всепольской комиссии «профобъединения».

Параметры предстоящих решений высшего органа «Солидарности», собравшегося в Гданьске для оценки итогов «предупредительной забастовки», были предопределены единством преследуемых «умеренными» и «радикалами» политических целей. Практически речь шла о выборе той или иной формы противоборства, нацеленной на силовое свержение социализма.

Существование этих двух течений в руководстве «Солидарности» на первых порах породило, как уже отмечалось, немало иллюзий и ошибочных оценок. Фракцию «умеренных» в руководящей элите нередко отождествляли со «здоровым рабочим течением». Только в «радикалах» видели врагов рабочего класса.

Чтобы представить, насколько далеки были «умеренные» от создававшихся частью польской и практически всей западной прессой стереотипов, достаточно напомнить, что одним из их главных теоретиков и стратегов считался Куронь, выделявшийся даже среди руководителей «профобъединения» воинствующим антикоммунизмом.

Умеренность «умеренных» состояла, в отличие от нетерпеливых «радикалов», исповедовавших принцип «сегодня и ни днем позже», лишь в том, что они лучше представляли себе всю сложность свержения социализма и предлагали тщательно к этому готовиться. Именно Куронь в канун съезда «Солидарности» разработал политическую платформу, с которой Валенса и другие «умеренные» пошли на съезд и одержали верх над «радикалами». В своей брошюре «Необходимо создавать новые организации для управления», изданной «Солидарностью» в начале августа 1981 г., Куронь писал: «Профобъединение не должно само брать власть в свои руки. Необходимо для правления страной создать новую структуру. Ею может быть самоуправленческая организация, руководящая всей экономикой, предприятием, районом, страной».

Конечно, сторонники «тихой» контрреволюции не исключали и вооруженную конфронтацию с социалистиче-

ским государством. Просто они предлагали не начинать, а завершить ею дело, когда власти будут достаточно двзорганизованы, а новые, антисоциалистические структуры распространятся повсеместно. Иными словами, когда игра станет бесприигрышной. Но до этого момента, согласно концепции «умеренных», отработанной на съезде «Солидарности», предстояли месяцы и месяцы методической дестабилизации и терпеливой осады.

Сравним две позиции: «умеренного» Валенсы и «радикала» Рулевского — председателя регионального центра «Солидарности» в Быдгоще. Обе были сформулированы еще до обозначившегося ослабления влияния верхушки «профобъединения» на рядовых его членов.

«Мы не стремимся к захвату власти, — говорил Валенса в сентябре 1981 г., — но мы должны добиться того, чтобы она служила нам. Мы не хотим власти, но будем ее контролировать... Нас ждет острая борьба. Мы можем ее общими силами выиграть мирным путем, если будем вместе».

«Наступил благоприятный момент, — объявлялось в листовке, распространявшейся в Быдгоще в конце августа 1981 г. (текст ее принадлежал Рулевскому). — Если мы не используем этого момента, история нам не простит. Сейчас мы можем взять власть в свои руки, разрушить все, что имеется, и построить новую Польшу для тех, кого не зарвзили красные».

Разумеется, «умеренные» по сути дела были теми же «радикалами», но только такими, которые, как однажды выразился Валенса, «хотели за победу заплатить как можно меньше». Во второй половине октября участились их консультации с западными экспертами на предмет ревизии несрабатывающей тактики. Об этом, в частности, проговорился, выступая 27 октября в г. Жирардуве, сам председатель «Солидарности». В его речи довольно отчетливо обозначились новые акценты. «Сегодня, — сказал он, — вы, пожалуй, это заметили, мы приближаемся к финалу борьбы, в которой одерживаем верх. Или мы на самом деле победим, и это будет такая Польша, какую мы хотим иметь, или нас осият». Намекнув на возможность поворота к силовой конфронтации с властями, он добавил

весьма примечательную фразу: «Концепцию, которую мы обсудили в разных кругах и *за границей* (курсив мой. — В. Т.), следует наконец обнародовать...»

В этой речи еще не прозвучал окончательный выбор. Она была произнесена скорее с целью оказать давление на власти перед «всепольской предупредительной забастовкой».

Но ясно стало одно: идет критический пересмотр прежней тактики «Солидарности». Поэтому обозреватель «Трибуны людей» с полным основанием писал на следующий день: «Мы имеем право спросить г-на председателя: кто победит и кто кого осилит? Мы имеем право обратить внимание Л. Валенсы на то, что из его слова довольно однозначно вытекает, что наступает время конфронтации. А если так, то снова напрашивается вопрос: кого с кем и в чьих интересах? Не является ли это той самой концепцией, которую обсуждали в разных кругах и *за границей*?»

После 28 октября «умеренные» все больше укреплялись в выводе, что, хотя дестабилизация социалистического государства и его институтов еще не достигла той степени зрелости, на какую они рассчитывали в своем оптимальном варианте, единственный шанс на успех им может дать прямой штурм социализма, немедленный государственный переворот¹.

Началось активное сближение бывших оппонентов. Не только по содержанию, но и по стилю их публичные высказывания к тому времени уже мало различались. Достаточно сравнить выдержки из двух речей, произнесенных в самом конце октября, уже после забастовки.

«Радикал», руководитель щецинской организации «профобъединения» Юрчик: «Время детских забав

¹ Разговоры, ставшие позже модными среди польских и зарубежных почитателей «Солидарности», о «грехопадении» Валенсы и всей фракции «умеренных» только под сильным нажимом «радикалов» не соответствуют действительности. «Умеренным» не навязали перехода к концепции насильствен-

ной конфронтации. Они сами перешли в конце октября—начале ноября на эти позиции. Этот переход не был и победой «радикалов», ибо основные рычаги контроля в «профобъединении» по-прежнему прочно оставались в руках группы Куроня—Модзелевского.

прошло. Пусть ~~вокруг~~ кричат, что хотят, нас это не должно интересовать... Может статься, что кое ~~для~~ кого нам придется поставить виселицы и повесить этих людей. Помоему, было бы неплохо уже сейчас поставить пару таких виселиц»¹.

Председатель «Солидарности», «умеренный» Валенса: «Настало время сказать: хватит красивых лозунгов. Мы и так вели себя по-джентльменски, заявив, что не будем силой свергать ни правительство, ни социализм. Если нас и впредь будут подавлять, то мы будем вынуждены найти другой выход. Влвсть прижата к стене и ее нужно только растоптать».

Заседание всепольской комиссии «Солидарности», открывшееся 3 ноября в Гданьске, могло бы, с учетом кардинального сближения позиций «умеренных» и «радикалов», завершиться их соглашением о незамедлительной подготовке насильственного свержения народной власти². Однако такое соглашение оформилось месяцем позже, на заседании президиума «профобъединения» в Радоме.

Что же помешало лидерам «Солидарности» окончательно сговориться о конфронтации на своей ноябрьской встрече?

Это — не праздный вопрос. Ведь в условиях ноября 1981 г., когда процесс разочарования рядовых членов «профобъединения» в своих «вождях» только-только начинался, открытая конфронтация контрреволюции с на-

¹ Симптоматично, что когда на заседании всепольской комиссии «Солидарности», собравшейся 3—6 ноября 1981 г., был поставлен вопрос об этом заявлении Юрчика, комиссия «не сочла возможным» осудить его, мотивировав это тем,

что Юрчик-де высказал лишь свое «личное мнение». Рупор «Солидарности» в Щецине еженедельник «Едность» с готовностью подхватил заявление Юрчика как «весьма полезное предупреждение нашим правительствам».

² Существуют многочисленные высказывания и заявления руководителей «Солидарности», которые свидетельствуют, что такая договоранность намечалась. Например, лидер катовицкого регионального «профцентра» Розпеховский

30 октября заявил на металлургическом комбинате «Катовица», что тотальная конфронтация «Солидарности» с властями начнется 15 ноября. Назывались и другие ноябрьские даты.

родной властью могла бы принять более драматичные и острые — и по очертаниям, и по последствиям — формы, чем в декабре. Конечно, и в ноябре контрреволюция имела весьма мало шансов «выиграть партию». Это подтвердила проведенная руководством «Солидарности» еще одна проверка ее возможностей. В День независимости Польши — 11 ноября лидеры контрреволюции попытались организовать массовые демонстрации одновременно по всей стране. Результаты оказались скромнее даже самых скромных ожиданий. По подсчетам печати, 11 ноября в прошедших под лозунгами «профобъединения» и других антисоциалистических организаций манифестациях и митингах участвовало немногим более 100 тысяч человек.

Но основной причиной, помешавшей лидерам «Солидарности» окончательно сговориться об открытом выступлении в ноябре, явилась новая острая вспышка разногласий между «радикалами» и «умеренными». Она возникла при обсуждении важной инициативы польских коммунистов. *В октябре пленум ЦК ПОРП выдвинул предложение о создании Фронта национального соглашения и сотрудничества всех патриотических сил, выступающих за социалистическое возрождение страны.* Эта инициатива, обращенная в первую очередь к членам «Солидарности», еще раз, 30 октября, уже с трибуны сейма была изложена Первым секретарем ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР В. Ярузельским.

Подавляющее большинство поляков, в том числе и рядовые члены «профобъединения», с надеждой восприняли это обращение. Вот результаты двух массовых опросов о путях разрешения конфликтной ситуации, как тогда говорили, между «Солидарностью» и государственными властями, состоявшихся 20 октября и 24 ноября:

Конфликт должен быть ликвидирован соглашением	Конфликт приведет к конфронтации, «испытанию силой»	Не имеют твердого мнения
20 октября 53 проц.	40 проц.	7 проц.
24 ноября 69 проц.	19 проц.	12 проц.

Словом, идея создания Фронта сыграла роль катализатора, ускорившего поляризацию сил в польском обществе. Она поставила все общественные группы страны, в том числе и «Солидарность», перед необходимостью дать четкий и однозначный ответ на конструктивное предложение ПОРП. Этот ответ мог наглядно показать польскому народу, кто за сотрудничество во имя социалистического обновления, а кто — против.

Молчание «Солидарности» по поводу инициативы ПОРП затянулось сверх всякой меры. Гданьское заседание всепольской комиссии «Солидарности», собравшейся 3 ноября, через полмесяца после выдвижения этой инициативы, должно было выработать единую позицию «профобъединения». Но между «умеренными» и «радикалами» вновь вспыхнули ожесточенные споры.

«Умеренные», реальнее представлявшие настроения рядовых членов «профобъединения», понимали, что нельзя с ходу отвергнуть предложение ПОРП. Они отдавали себе отчет в том, что неизбежная силовая конфронтация на некоторое время должна быть отложена. Категорический отказ от обсуждения инициативы ПОРП мог бы нанести им большой вред, серьезно дискредитировав руководство «профобъединения» в глазах масс. Крыло «радикалов», наоборот, настаивало на отказе от предложения польских коммунистов и немедленном захвате власти.

Конечно, ни председатель «Солидарности», ни другие «умеренные» не намерены были заниматься поиском путей к социалистическому возрождению страны. Переговоры им были нужны лишь для того, чтобы найти внешне убедительные отговорки для срыва соглашения, а затем — повод для обвинения в этом срыве ПОРП и правительства.

Валенса стремился провести этот отвлекающий маневр как можно быстрее. Нельзя было надолго откладывать подготовку переворота в условиях, когда время работало уже не на контрреволюцию. Но чтобы «недипломатичные радикалы» не затруднили этого обходного маневра, он не информировал заранее членов всепольской комиссии, где были сильны позиции «радикалов», о встрече Председателя Совета Министров Ярузельского с главой польской католической церкви Глемпом и председателем «Солидарности» Валенсой, назначенной на 4 ноября.

Когда о предстоящей встрече стало известно на заседании в Гданьске утром 4 ноября, началась перепалка. Вот небольшая зарисовка этой свары, помещенная в одном из газетных отчетов, публиковавшихся в те дни.

«...Рулевский язвительно спросил Валенсу: Ты хочешь сделать Председателю Совета Министров подарок в форме усмиренных забастовок?

Валенса ответил: Твою-то программу я хорошо знаю. Она сводится к следующему: давайте создавать хаос, чтобы все знали, что «Солидарность» не контролирует обстановку. Ты этого хочешь?

Один из присутствующих заявил: Я выступаю за то, чтобы Валенса прекратил вести переговоры единолично. Этим должна заниматься всепольская комиссия.

Валенса сказал: Либо мы придем здесь к соглашению, либо через две недели я выступлю с предложением распустить профсоюз...»

Последнее, конечно, было сказано Валенсой в расчете на широкую публику. В тот момент было необходимо утвердить в общественном мнении свою приверженность идее национального соглашения, приобретающей в массах все большую популярность. В этом ему пытались помочь и некоторые близкие к «Солидарности» или стремившиеся казаться «объективными» польские журналисты. Вот что писалось, к примеру, в «Жиче Варшавы»: «Этот обмен словами показывает, сколь труден путь к соглашению, как тяжело начать переговоры, как много есть сил, которых будут делать все, чтобы сорвать переговоры. Это также новая попытка, предпринятая радикалами в руководстве «Солидарности», чтобы связать руки Валенсе...»

Учитывая настроения рядовых членов «Солидарности», Валенса вынужден был подписаться под довольно однозначными «мирными» формулировками совместного коммюнике о состоявшейся встрече. В нем, в частности, говорилось: «...состоялся обмен мнениями на тему способа преодоления кризиса, в котором оказалась страна, равно как возможности создания Фронта национального соглашения — постоянной платформы диалога и консультаций политических и общественных сил *на принципах Конституции ПНР*» (курсив мой. — В. Т.). Первые ком-

ментарии варшавских газет были единодушны: «Ситуация в стране проясняется»¹.

Публично демонстрируя свою приверженность принципам Конституции ПНР, вожаки «Солидарности» ни на минуту не прекращали подготовки к свержению существующего строя. Ровно через два дня после варшавской встречи, 6 ноября, всепольская комиссия «профобъединения» выдвинула два требования к государству, расходящиеся с положениями Конституции: во-первых, о создании так называемого «общественного совета народного хозяйства» как контрольного органа над правительством и, во-вторых, о предоставлении «профсоюзу» неограниченного доступа на телевидение и радио.

Истинные намерения руководства «Солидарности» становились явными. На страницах печати все чаще стали появляться трезвые оценки его линии. Одну из них опубликовал даже еженедельник «Жиче литератцке», который тогда трудно было заподозрить в антипатии к «Солидарности». «Совершенно очевидно, что руководящая прослойка «Солидарности» занимается не чем иным, как зах-

¹Случилось так, что в день оглашения этого коммюнике мне довелось встретиться с польскими товарищами, с которыми мы беседовали в Варшаве в начале августа 1980 г. в самый канун бурных событий. Приехав в Москву на празднование годовщины Октябрьской революции, они были полны самых радужных надежд. Поспе «тройственной» встречи, где «Солидарность» подтвердила полное признание принципов Конституции ПНР, обстановка, казалось, имела тенденцию к нормализации. Политический кризис как будто подходил к концу. Я тоже разделял эти надежды.

Но тогда мне и моим польским коллегам слишком прямолинейным представлялся путь отхода трудящихся от «Солидарности», недооценивалась глубина деформаций социалистического сознания

значительной их части и не принималась во внимание такая важная для польской ситуации категория, как «молчаливое большинство». Это — во-первых.

И, во-вторых, крайне авантюристические замашки новой американской администрации, недавно пришедшей к власти, еще не проявились в полной мере. Трудно было себе представить, что американский империализм будет способен толкнуть своих «младших партнеров» на такой безрассудный и опасный своими международными последствиями шаг, как попытка вооруженного путча и развязывание гражданской войны в одной из ключевых стран Европы. Поэтому тем большее уважение вызывает та быстрота, с какой польские коммунисты смогли сориентироваться в той сложнейшей ситуации.

ватом власти. Ядром и движущей силой ее деятельности является только захват власти—либо постепенно, либо сразу цвликом. Этим, собственно говоря, и отличаются друг от друга деятели профобъединения... Разница лишь в том, что более ловкие деятели профсоюза говорят, что невозможно сразу отобрать всю власть у коммунистов, они призывают действовать осторожно, шаг за шагом. Менее гибкие не соглашаются: зачем-де мельчить, давайте сразу схватим их за горло»¹.

Постепенно, в ходе участвовавшихся «рабочих встреч», снова возникло взаимопонимание между «умеренными» и «радикалами»².

Судя по всему, новый, «горячий» вариант противоборства с ПОРП и социалистическим государством, ради которого с горизонта «Солидарности» на время исчезал Куронь, был уже сработан и утвержден в заокеанских центрах подрывных операций. Штабы контрреволюции понимали всю степень риска. Поэтому они резко форсировали дальнейшую дезорганизацию уже расшатанных экономических и политических структур социализма, стремясь до предела и в самые сжатые сроки «раскачать» государственный корабль. Примерно с середины ноября ход событий приобрел особую стремительность и целеустремленность³.

¹ В середине ноября получил скандальную огласку подготовленный в штабах «Солидарности» список на 18 тыс. членов ПОРП, других

союзнических партий, государственных и общественных деятелей ПНР, которых предполагалось репрессировать после захвата власти.

² Какое-то время отношения между ними были заморожены. Обстановку в руководящей верхушке «Солидарности» с начала до середины ноября довольно точно охарактеризовал 11 ноября замести-

тель председателя «Солидарности», «умеренный» С. Вондоловский. «Мы находимся сейчас,—сказал он,—в плохом пункте на своем пути, где нет ни дружбы, ни борьбы»

³ Какова была в этой ситуации позиция верхушки католической церкви? Как писал в ноябре 1982 г., оценивая положение годичной давности, варшавский еженедельник «Аргументы», церковь пыталась

играть и в те дни роль «объективного арбитра» между властями и «Солидарностью», хотя, как указывает журнал, «свои надежды, стремления и расчеты она связывала с активной деятельностью

В те дни на авансцену событий вышла «Конфедерация независимой Польши». Как известно, КНП с самого начала была предназначена роль военизированного резерва контрреволюции, который выступает вперед в случае провала «тихого» варианта поэтапного свержения социализма. КНП был обещан свой «звездный час», и он наконец наступил.

Первую внушительную демонстрацию своей силы КНП предприняла 11 ноября — в День независимости, когда по улицам Варшавы и некоторых других городов продефилировали штурмовые отряды ее «боевиков», показавших публике свою военную выправку.

13 ноября центральный оперативный штаб «Конфедерации» издал специальную инструкцию, в которой был определен план действий: «Надо срочно начать постепенно усиливающуюся акцию таким образом, чтобы ее апогей пришелся на 29 ноября¹. Надо использовать разные действия в зависимости от наличных сил и средств. Надо начинать с небольших акций протеста и постепенно переходить к более широким уличным демонстрациям и действиям. Они должны носить решительный характер, подводящий к предельной эскалации».

Одной из таких широких всепольских акций стали студенческие беспорядки, организованные во второй половине ноября «независимым союзом студентов» (НСС), находившимся под контролем «конфедератов». Эта шумная акция, переходящая моментами в столкновения со службой общественного порядка, началась с требования замены неугодного НСС ректора высшей инженерной школы в Радоме. Однако это был только повод. Цель же состояла в ином: создать среди части молодежи — членов НСС пси-

профобъединения, которое представлялось католической церкви идеальным политическим союзником». Епископат, однако, не одобрял формировавшуюся тогда ори-

ентацию лидеров «Солидарности» на открытую конфронтацию, «отдавая себя отчет, что они ее обязательно проиграют».

¹ Мы уже говорили о том, что «Солидарностью» планировалось выступление против социалистического государства уже в ноябре. Но

в силу многих причин конфронтация была перенесена на середину декабря.

хологическую атмосферу крайней экзальтации и возбуждения. Требовалось держать ее в состоянии напряжения и озлобленности, чтобы в нужный момент использовать для поддержки «боевиков», когда начнется вооруженный мятеж. Члены «независимого союза студентов» — ответвления КНП — постоянно подвергались интенсивной идеологической обработке в духе идей крайнего шовинизма полуфашистского типа¹. Конечно, НСС составляла лишь малую часть польской студенческой молодежи (15—20 процентов), но в абсолютных цифрах это была заметная сила, способная учинить серьезные беспорядки: 70—80 тысяч молодых людей, готовых на все под штандартами пилсудчины.

К ноябрю КНП уже довольно глубоко проникла в руководящие структуры «Солидарности». «Мы контролируем в профсоюзе,— говорилось в одном из свкретных ве документов,— уже ряд основных регионов Польши, в том числв Катовицкий и Варшавский. Они захвачены полностью и находятся под влиянием членов КНП». Так шло перед решающим штурмом *сращивание и переплетение под крышей «Солидарности» двух ведущих контрреволюционных организаций — КОС — КОР и КНП.*

В связи с принятием курса на государственный первворт (окончательную дату ещв предстояло определить) с сарвдины ноября лидеры «профобъединения» усилили свою дестабилизирующую деятельность. В сарвдине ноября они в одностороннем порядке прервали переговоры с властями по поводу Фронта национального соглашения.

Руководство «профобъединения», учитывая растущее негативнов отношенив его рядовых членов к стачкам, разрушающим экономику страны, вводит в практику свое «новое изобрвтение» — так называемые «активные заба-

¹ Английская газета «Обсервер», подмтивя это новое качество, писала в середине ноября: «Крайне националистическое антикоммунистическое движение КНП превращается из горстки экстремистов в весомую политическую силу. Она быстро просачивается в профсоюз на уровне руководства местными

организациями». «Обсервер» подчеркнула, что «стародавний крайний национализм КНП начинает распространяться среди части молодежи, в старые символы польского милитаризма и диктатуры (времен Пилсудского.— В. Т.) становятся все более популярными».

стовки»¹. Суть такой забастовки в том, что после ее объявления работа не прерывается, но вся производимая продукция поступает в полное распоряжение «профобъединения». Основная цель «активных забастовок» — усугублять дезорганизацию экономики и поддерживать социальную напряженность в обществе, провоцируя власти на прекращение каких бы то ни было переговоров о Фронте национального соглашения. «Этот курс «Солидарности», — подчеркивала в те дни варшавская газета «Трибуна мазовецкая», — не только делает невозможным решение каких-либо общественных проблем, но и преграждает путь к реальному соглашению».

Поддержанию напряженности должны были также служить различного рода «акции протеста» и «забастовочные готовности», инспирированные «Солидарностью». Уже 18 ноября президиум сейма вынужден был заявить, что предельно обостренная антисоциалистическими силами общественная обстановка, массовые беспорядки, в которые теперь стали вовлекать даже школьников, угрожают государству и народу».

В числе этих акций была и так называемая «плакатная война», проходившая под лозунгом допуска «Солидарности» к средствам массовой информации. Это требование тиражировалось в миллионах плакатов и листовок. Оно писалось на стенах домов и в заводских помещениях, выкрикивалось с помощью громкоговорителей на улицах. На самом деле вопрос стоял не о допуске антисоциалистических сил к средствам массовой информации, а о полном переходе контроля над ними в руки контрреволюции².

¹ Вожди «Солидарности» объявили их «новым словом», скрыв, конечно, что этот метод дестабилизации — изобретение троцки-

стов, которые давно уже рекламируют «активные забастовки» в своих документах. Кстати, и сам термин тоже позаимствован у троцкистов.

² Открывшая именно в эти дни широкой «плакатной войны» имела свои веские причины. Дало в том, что ПОРП, партнерские партии, правительство выдвинули конкретную программу борьбы с экономи-

ческим кризисом. Она включала в себя меры жесткой экономики и укрепления трудовой дисциплины. Трудящиеся с растущим пониманием реагировали на предложенную правительством программу. -

Однако общественные настроения медленно, но неуклонно менялись. Об этом свидетельствуют, в частности, данные опросов общественного мнения. Вот их результаты за два месяца:

	Доверяют правительству	Доверяют «Солидарности»	В том числе доверяют и правительству и «Солидарности»
6 октября	40 проц.	71 проц.	11 проц.
24 ноября	51 проц.	58 проц.	9 проц.

Из приведенных цифр явствует, что пик популярности «профобъединения» совпал по времени с его съездом. Именно тогда польский трудящиеся ожидали, что будет принята конструктивная программа социалистического обновления. Противоположная направленность решений съезда, начавшая выявляться в октябре — начале ноября, и негативное отношение лидеров «профобъединения» к идее Фронта национального соглашения не могли не вызвать значительного падения их влияния¹. Как позже отмечала «Трибуна люду», с конца октября — начала ноября «руководителям «Солидарности» приходилось все больше полагаться на силы внутренней, «аппаратной» организации, ибо широкая поддержка профобъединения массами быстро слабела»².

¹ Следует подчеркнуть, что приведенные данные прямо свидетельствуют лишь об общественных настроениях и только косвенно — о соотношении политических сил. Ведь далеко не все доверяющие правительству, как, впрочем, и руководству «Солидарности», готовы

были активно выступить на той или иной стороне политического водораздела. Среди опрошенных выявился и довольно многочисленный «пассив», который не мог быть отнесен ни к одной из противоборствующих сторон.

² Однако развитие ситуации в ноябре показало, что процесс изменений в расстановке сил в стране носит весьма сложный и неоднозначный характер. Вместе с массовым отходом рядовых членов «Солидарности» от ее лидеров в «мол-

чаливое большинство» сравнительно небольшие, но активные группы населения, особенно молодежь, даже резко кинулись на крайню правый фланг — в сторону «Конфедерации независимой Польши».

Вместе с тем польские коммунисты тоже не могли рассчитывать на то, что начавшийся отход масс от вожаков «Солидарности» быстро создаст твердое и активное большинство в лагере сторонников социализма. Специфика положения заключалась в том, что значительная часть польского общества не сделала выбора. «Существует, — как подчеркивал 7 ноября 1981 г. в беседе с корреспондентами уполномоченный по печати правительства ПНР Е. Урбан, — неопределенное в процентном и количественном отношении большинство населения, которое вначале разочаровалось в органах социалистической власти. Теперь оно разочаровывается в профсоюзе «Солидарность» и в зависимости от развития событий высказывается то за одну, то за другую сторону. Именно это «молчаливое большинство» будет иметь решающее значение. Мы должны получить время для того, чтобы делами снискать доверие этой части населения».

Однако, как известно, история не отпустила ПОРП и народной власти тех месяцев, которые были им нужны для того, чтобы постепенно восстановить доверие этих колеблющихся слоев¹.

На пленуме ЦК ПОРП в феврале 1982 г. отмечалось: «В ноябре и в начале декабря общественность могла убедиться, что это не мы говорили «нет» идее соглашения, что это не мы мешали созданию Фронта национального соглашения. Нельзя исключить, что если бы мы не шли так упорно по линии соглашения, то введение военного положения могло бы приобрести более драматический характер».

И еще одна деталь, характеризующая общественные настроения. Если бы упомянутый нами опрос был проведен хотя бы на день позже — 25, а не 24 ноября, доверяющих правительству и разочаровавшихся в «Солидарности» было бы, без сомнения, значительно больше.

¹ Эту сложную политическую и идеологическую проблему в полном масштабе пришлось решать уже после 13 декабря 1981 г., в трудных условиях восстановления дезорганизованной экономики и преодоления последствий деформаций социализма во многих сфе-

рах жизни. Возвращение значительных масс трудящихся на позиции социализма, восстановление социалистических ценностных ориентаций — процесс замедленный и чрезвычайно сложный. В этом одна из серьезных причин нелегкого выхода страны из кризиса.

Дело в том, что как раз вечером 24 ноября Валенса, выступая на общем собрании делегатов гданьского отделения «профобъединения», в ультимативной форме предъявил правительству заведомо неприемлемые условия участия «Солидарности» во Фронте национального соглашения. Он потребовал для нее «особого статуса» и «права вето» на любые решения властей. *Этот ультиматум фактически означал полный отказ «Солидарности» от конструктивного диалога. Он означал также принятие ею курса на ускоренную подготовку путча,* контуры которого впервые обозначились на упоминавшемся нами гданьском заседании всепольской комиссии «Солидарности» 3—4 ноября. Этот момент следует подчеркнуть, ибо на Западе адвокаты «Солидарности» и поныне продолжают утверждать, что решение о конфронтации с народным государством было принято ее руководителями чуть ли не 12 декабря «в ответ на готовящиеся репрессии».

Ультимативное заявление Валенсы последовало — и не случайно — за одним событием, смысл которого подчас еще недооценивается. Речь идет об учреждении 22 ноября на тайном собрании в Варшаве с участием руководящих деятелей обеих фракций «Солидарности» новой политической нелегальной организации под пышным названием: «Клубы самоуправляемой Речи Посполитой — свобода, справедливость, независимость». Инициатором ее создания был все тот же Куронь.

Что означало учреждение этих «клубов»: появление еще одной антисоциалистической группировки, каких в Польше в те дни было и так немало, или нечто большее? Какой был резон для контрреволюции плодить новые организации?

Дело в том, что создание «клубов самоуправляемой Польши» означало еще один хорошо продуманный шаг контрреволюции на пути к государственному перевороту. «Клубы» должны были стать как раз той организационной формой политической и идеологической консолидации антисоциалистических сил, которая соответствовала их согласованному переходу от тактики «ползучей» контрреволюции к тактике вооруженного мятежа. Именно так определили причины создания «клубов» и хорошо осведо-

мленные органы информации на Западе. К примеру, лондонская «Гардиан» подчеркивала 23 ноября 1981 г., что Куронь и другие «профсоюзные активисты попытались основать такую политическую партию, которая открыто выступила бы против коммунистической системы в Польше».

А какое же место в этом случае отводилось «Солидарности»? Еще раз бросим взгляд на ее причудливую эволюцию. Возникнув под вывеской «рабочего профсоюза», эта организация, как мы уже видели, развивалась под знаком изначально заложенного в ней антагонистического противоречия. Ровно через год ее «двухслойность» уже породила некую «раздвоенность в единстве»: «Солидарность», продолжая быть «профсоюзом», официально стала и «общественным движением», фактически выполняя тем самым роль враждебной социализму политической партии. Пока у ее лидеров оставались надежды отвлечь значительные массы польских трудящихся от социализма, такая трансформированная «Солидарность» с ее массовым членством рассматривалась ими как эффективный рычаг борьбы против народного государства.

Однако пришедшее понимание того, что большинство рядовых членов «профобъединения» не поддержит лозунг прямого штурма народного государства и не выступит против социалистических устоев общества, заставило руководителей контрреволюционных сил искать иную форму организации. Но уже только контрреволюционного меньшинства. И они нашли таковую в виде «клубов самоуправления Польши». «Эта организация, — констатировала 2 февраля 1982 г. «Трибуна люду», — должна была осуществить план захвата власти правыми силами. При этом она была призвана объединить такие отличающиеся друг от друга идейно-политические течения, как «санация» (названия диктаторского режима Пилсудского. — В. Т.), социал-демократическое, «социалистическое» и христианско-демократическое».

Иными словами, вместо предложенного ПОРП Фронта национального соглашения большинства польского народа во имя совершенствования социализма контрреволюционным меньшинством создавался фронт си-

лового противоборства с народной властью в целях реставрации капитализма.

Имея в виду не формально-юридический, а политический смысл принятия 22 ноября элитой «Солидарности» решения о создании «клубов», можно сказать, что сама она фактически порвала с «профобъединением». Отметим, что в отличие от планов, принятых на гданьском съезде и предусматривавших создание антисоциалистической «контрвласти» под эгидой «Солидарности», учредители «клубов», уже не доверяя «профсоюзу», изымают у него эту задачу и передают ее к исполнению специально учрежденному «центру общественной мысли» при «клубах». Именно ему поручается заняться организацией местного и территориального «самоуправления» в противовес существующим народным Советам и другим конституционным органам¹. К участию в деятельности «клубов» (а впоследствии и во «временном правительстве») их учредители пригласили и все другие антисоциалистические группировки.

Но многие факторы польской обстановки тех напряженных недель, и не в последнюю очередь решительные действия народной власти, быстро распознавшей предназначение этой организации, не позволили «клубам» развернуть свою сеть по всей стране.

Контрреволюция открыла кампанию идеологического

¹ В «Учредительной декларации клубов» отвергался любой диалог с народной властью; объявлялось, что участие «Солидарности» во Фронте национального соглашения «грозит расколом» оппозиционного движения и «утратой им своей силы». Здесь впервые было признано, что прежний курс лидеров «Солидарности» на мирное осуществление «системы контроля над правительством и ПОРП», на постепенный перехват рычагов власти не оправдался. Этот курс, заявлялось в декларации, «в итоге привел к пассивности членов профсоюза, к утрате единства целей и методов деятельности, что грозит расколом

единства общества» (читай: полной потерей антисоциалистическими силами влияния на массы. — В. Т.). В декларации провозглашалась необходимость «возникновения новой базы для общественной энергии». Такой идейно-политической «базой», способной, по мысли Куроня и других авторов документа, стянуть под одно знамя все контрреволюционные политические группировки, и должны были стать «клубы». Поэтому в декларации они характеризуются как «разнородное общество и первый этап создания основ будущих партий в демократической Речи Посполитой».

обеспечения готовящегося переворота. Типичным в образчиком стали, например, заседания варшавского дискуссионного клуба союза польских журналистов. Во время одного такого политического спектакля под видом теоретического диспута на тему «Может ли рухнуть государство?» выступавшие настойчиво проводили ту мысль, что в процессе свержения социалистической власти никаких катаклизмов в стране не ожидается. «Нас пугают гражданской войной, — говорилось на диспуте, — хотя для такого поворота событий нужны равные общественные силы. В Польше же доминирующее положение занимает одна сила — «Солидарность».

Однако подобные пропагандистские акции уж не приносили желаемых результатов. Авантюристический курс на открытую конфронтацию с социалистической властью, чреватую опасностью братоубийственной гражданской войны, заставлял задумываться многих.

Наметился поворот и в сознании тех представителей интеллигенции, которые поначалу поддались демагогической фразеологии «Солидарности». Характерна в этом смысле большая статья «Разум и сердце», появившаяся 24 ноября в варшавском еженедельнике «Политика»¹. В ней отражена коллизия, с которой столкнулось немалое число польских интеллигентов в момент их отрезвления и отхода от «Солидарности»: «сердцем» еще с ней, но «разумом» — уже нет. В среде интеллигенции этот процесс начался несколько позже, чем в рабочем классе. И проходил он по-иному.

Но обратимся к статье. Предостерегая экстремистов от опасных, подчас непредсказуемых последствий их «нового курса», автор метко и зло иронизирует над пропагандистами из «Солидарности», с легкостью расправляющимися с народной властью, — «колоссом на глиняных ногах». «Этот простой и оптимистический сценарий, — пишет он с сарказмом, — начинается с массового выступления наро-

¹ Она интересна прежде всего тем, что автор достаточно отразил мучительные раздумья, охватившие

многих польских интеллигентов — сторонников «Солидарности».

да. Силы противника (правительственные) разбегаются. Из деятелей и экспертов «Солидарности» формируется новое правительство, пользующееся, разумеется, всеобщей поддержкой общества...

Запад, обрадованный победой подлинной демократии в Польше, в мгновение ока соглашается отсрочить долги (теперь он верит, что они будут оплачены) и спешит оказать великодушную помощь, чтобы поддержать поляков, осуществляющих идеалы свободы. Весь народ, полностью доверяя новому правительству, радуется достигнутой победе, готов понести жертвы, приступить к усиленной и эффективной работе. Кризис преодолен в течение короткого времени, и Польша встает на путь быстрого развития, становясь примером для других народов — близких и далеких... Этот многообещающий сценарий, — продолжает автор, — нужно отнести к разряду сказок. Он не только несерьезен, но и опасен, как опасны всякие иллюзии».

Чем же они опасны? И здесь автор статьи буквально обрушивает на читателя целую лавину вопросов, приглашая его поразмыслить над ними.

«Сколько времени придется ждать, чтобы радостное возбуждение победы (в случае, если даже в первый момент не будет оказано решительного сопротивления) превратилось в чувство, что нас обманули? Какую роль в возникновении такого чувства могли бы сыграть возрастающие социальные противоречия, которые будут следствием перехода страны на принципы рыночной экономики? Против кого и в каких формах проявилось бы тогда общественное недовольство?.. Люди не сразу замечают, что они приобретают, а что теряют. Когда, однако же, заметят, что сторонники забастовок объявляют вне закона забастовки, а сторонники диалога высказываются за применение силы, если диалог проходит не так, как им хочется, то это может вновь привести к столкновению...»

Какими же средствами, — спрашивает автор статьи в «Политике», — планируют смять тех, кто противостоит новой власти? Нужно ли будет стрелять? В кого, в каких случаях? А может, будут просто «ликвидировать» на месте? За саботаж? За угрозу новых переворотов?..»

Нужно отдать должное актуальности вопросов, постав-

ленных в те тревожные дни. Актуальности, свидетельствующей о том, что многие интеллигенты, долгое время поддерживавшие вождей «Солидарности», начинали осознавать авантюризм и опасность планов контрреволюции, ориентированных на насильственный переворот.

Ноябрь, таким образом, оказался в путчистских планах антисоциалистических сил месяцем предпоследним, а не последним, как они рассчитывали вначале.

К концу ноября ими был сделан окончательный выбор в пользу незамедлительного государственного переворота. Они решились на открытие «горячей» войны против своего народа. Такое решение было принято в условиях, когда появились серьезные симптомы необратимой потери в не столь отдаленном будущем массовой базы «Солидарности». Поэтому они рвались в бой.

Для отработки всех деталей этого боя под легальной крышей очередного заседания президиума «Солидарности» в городе Радоме в самом срочном порядке был создан главный штаб контрреволюции.

Радомский старт путчистов. 3 декабря

Заседание президиума всепольской комиссии «Солидарности» в Радоме стало, без сомнения, самым авантюрным эпизодом в изобилующей авантюрами истории «профобъединения». Оно состоялось 3 декабря в обстановке сугубой секретности с приглашением на него, кроме членов президиума, только руководителей региональных отделений «Солидарности». Ее лидеры, всегда так пекшиеся о «паблисити», на сей раз приняли самые строгие меры, чтобы сведения о повестке дня заседания не просочились за пределы узкого круга посвященных. Это и понятно: вожди антисоциалистических сил намеревались откровенно-

но обсудить конкретную программу государственного переворота¹.

После заседания уполномоченный «профобъединения» по печати М. Брунне информировал (вернее, дезинформировал) о нем журналистов. Его сообщение содержало несколько расхожих фраз, которые должны были свидетельствовать о заурядности рассматривающихся вопросов, будничности повестки дня совещания. «Руководящий орган профсоюза, — заявил Брунне, — пессимистически оценил ход проводимых переговоров между «Солидарностью» и правительством. Рассматривалось также отношение «Солидарности» к разрабатываемому проекту закона о профсоюзах, а также вопрос о предоставлении сеймом правительству соответствующих полномочий по преодолению кризиса».

Ничего необычного не содержала и речь председателя «Солидарности», который в перерыве между заседаниями встретился с участниками семинара председателей заводских организаций «профобъединения», проходившего в Радоме в тот же день. Правда, он не удержался, чтобы не бросить несколько многозначительных фраз. Говоря о главных задачах, которыми «профсоюзу» предстоит заняться в ближайшее время, он заявил: «Отныне профсоюз должен выигрывать спорные проблемы несколько *иным* путем. Наряду с забастовками следует организовать *иные* мероприятия. Именно над этим сейчас работает президиум всепольской комиссии» (курсив мой. — В. Т.). Мало кто из присутствовавших обратил тогда внимание на это слово «иной», ибо они давно привыкли к туманным формулировкам и абстрактным рассуждениям, столь излюбленным их лидерами. Зловещий смысл этих мимоходом брошенных фраз стал ясен общественности только через четыре дня, но... из передач варшавского радио и телевидения 7 и 8 декабря.

¹ Детали этой программы были уже обсуждены под руководством Куроня на узкой встрече в варшавской гостинице «Солец» поздно вечером 2 декабря. Здесь была подготовлена та резолюция, которую

надлежало утвердить в Радоме. Рано утром 3 декабря Куронь и лидер варшавской «Солидарности» Буяк с единственным экземпляром этого документа выехали в Радом. Оба были в хороших настроениях.

Эти передачи, в которых прозвучали магнитофонные записи секретного совещания в Радоме, стали для поляков, без сомнения, самой громкой сенсацией 1981 г.

Предание гласности откровенных выступлений вожаков «Солидарности» произвело эффект неожиданно разорвавшейся бомбы. Стало ясно, что *радомская встреча нацеливает актив «Солидарности» на свержение социалистического строя в Польше в самое ближайшее время.*

Подготовленный и одобренный участниками заседания проект решения был, по сути дела, не чем иным, как ультиматумом, предъявленным ПОРП и социалистическому государству: либо они сдадутся на милость победителя и согласятся на установление контроля «Солидарности» над правительством¹, либо контрреволюция начнет прямой штурм народной власти. Конфронтация должна была открыться в установленный день с массовых уличных демонстраций по всей Польше, переходящих в захват важнейших государственных объектов и учреждений, прежде всего радио и телевидения. Затем планировалось, парализовав партию и социалистическое государство с помощью всеобщей забастовки, создать «временное правительство». Для подготовки мятежа было решено срочно приступить к организации вооруженных «ударных отрядов» в основных политических и промышленных центрах страны. На заседании обсуждался также вопрос о необходимости формирования специальных групп, которые взяли бы на себя функции отстранения от власти воеводских и городских Советов. Социалистическое государство и его органы должны были быть быстро заменены «антигосударством». Чтобы придать действиям контрреволюции хотя бы видимость «демократичности», в «радомскую платформу» по настоянию Куроня был включен тезис,

¹ Вводная часть «радомской позиции», озаглавленная «минимальные условия начала переговоров с правительством по вопросу достижения согласия», была подготовлена, так сказать, для отвода глаз. Ибо принятие любого из 7 пунктов, которыми было обусловлено воз-

вращение «Солидарности» к переговорам, практически означало бы передачу всей полноты власти ее лидерам. Ясно, что подобные условия никогда не могли быть приняты. Авторы «радомской позиции» это заранее знали.

согласно которому все перечисленные акции предпринимаются «Солидарностью» лишь с целью создания условий для проведения в стране «свободных выборов». Его поддерживал Рулевский.

Словом, была сформулирована практическая программа осуществления контрреволюционного переворота. Ее довольно точно воспроизвел варшавский корреспондент американского агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл (ЮПИ). Стоит подробнее процитировать его сообщения, особенно учитывая тот факт, что и поныне Вашингтон пытается облечь контрреволюционных вождей «Солидарности» в тогу последовательных демократов, сторонников мирного диалога и национального соглашения.

Вот его информация от 8 декабря:

«Руководство «Солидарности» провело сверхсекретное совещание, в ходе которого обсуждался вопрос *о насильственном захвате власти* (курсив мой.—В. Т.). Польская печать опубликовала цитаты из выступления одного из воинствующих руководителей «Солидарности» Рулевского, который советовал профобъединению сформировать временное правительство «для стабилизации обстановки в стране в период проведения выборов».

Представитель «Солидарности» по связи с печатью Брунне в интервью по телефону с нашим корреспондентом подтвердил данное прессой описание встречи руководства «Солидарности» в Радоме.

Газеты приводят,— продолжал американский корреспондент,— выдержки из выступления лидера варшавской организации «Солидарности» Буяка, который заявил о том, что профсоюз должен создать собственную полицию. «Первый удар боевики нанесут по радио и телевидению,— сказал он.— Необходимо готовиться к всеобщей забастовке. Профсоюз должен лишь дожидаться подходящего повода для того, чтобы начать ее».

Влиятельный активист «Солидарности» Модзелевский, говоря о неизбежном столкновении между «Солидарностью» и властями, заявил: «Это будет нашей последней схваткой».

Газеты также приводят подробные выдержки из жарких и острых дебатов, в ходе которых руководитель «Солидарности» Валенса склонился перед воинственно на-

строенными деятелями, требовавшими прямых акций и конфронтации с правительством.

Валенса, явно под нажимом «ястребов», поддался воинственным настроениям¹. «Мы не должны кричать во все горло о конфронтации,— заявил он.— Мы должны говорить: мы любим вас, мы любим социализм. И мы должны осуществлять нашу задачу методом свершившихся фактов. Конфронтация неизбежна. Её нельзя предотвратить»².

Просочившаяся информация о встрече в Радоме,— включает корреспондент ЮПИ,— имеет большую ценность для властей, утверждающих, что руководство «Солидарности», рвущаяся к политической власти, предавало интересы рядовых членов профобъединения».

В этой корреспонденции, опубликованной в те дни во многих западных газетах, не упомянут ещё ряд не менее колоритных высказываний, прозвучавших в Радоме. А поскольку они дополняют коллективный портрет вожак польской контрреволюции, стоит их привести— в точном соответствии с сохранившейся стенограммой:

Валенса: «Я хотел дойти до конфронтации естественным способом, когда почти все общественные группы будут с нами. Но я ошибся в своих расчетах, думая, что мы выдержим до того момента, когда постепенно уберем все эти свймы, народные Советы и т. д. Оказалось, что такую

¹С этим утверждением американского журналиста нельзя согласиться. Изображение председателя «Солидарности» как жертвы «ястребов» не соответствует действи-

тельности. Это особенно наглядно покажет заседание всепольской комиссии «профобъединения» в Гданьске неделей позже.

²Сегодня многие бывшие лидеры бывший «Солидарности» пытаются переиначить историю и представить себя этакими «мирными профсоюзными деятелями». Им в первую очередь хотелось бы зачеркнуть радомский эпизод. Характерен в этом отношении диалог Валенсы с американским журналистом, который опубликован в журнале «Ньюсуик» 12 июня 1983 г.

«Вопрос. Говорят, что вы заявили в Радоме в декабре 1981 г., что «конфронтация неизбежна и её нельзя предотвратить»?

Ответ. Какую конфронтацию я мог иметь в виду— безоружных людей с танками? Да это абсурд. Я такое не говорил. Я имел в виду «спор». Я просто хотел мобилизовать общественность и осуществить таким образом мирный нажим».

тактику мы не можем применять в дальнейшем, поэтому мы избираем путь молниеносного маневра... Мы делаем настолько высокую ставку, что вообще преобразуем реальности. Иначе игра эта кончиться не может. Ни одно изменение системы не может обойтись без ударов в челюсть, но, нечего и говорить, игру эту надо только выиграть».

Куронь: «Нужно, парализуя власть, уже сегодня подготовить себе почву для ее захвата».

Розвалюк, председатель регионального комитета «Солидарности» в Познани: «Правительство необходимо лишить доверия, а затем свергнуть».

В те полные драматизма дни в Польше было не до опросов общественного мнения. Но если бы они проводились, то, безусловно, показали бы дальнейшее серьезное падение общественной поддержки «Солидарности». Невроятное фарисейство и двурушничество ее лидеров, предавших и принципы, которые они во всеуслышание провозглашали, и интересы тех, кого они взялись представлять, поразительный разрыв между словами и делами не могли не вызвать шока в различных общественных кругах, особенно в рабочем классе.

Примечательно, что факт неспособности путчистов сохранить в тайне принятые в Радоме планы, их лобовые призывы к перевороту, вызвавшие дальнейший отход масс от «Солидарности», были с недовольством восприняты заокеанскими покровителями. Это недовольство публично засвидетельствовал тогдашний государственный секретарь США А. Хейг. В интервью газете «Вашингтон пост» он признал, что «эксцессы, вызванные «Солидарностью», в какой-то степени подорвали поддержку активного сопротивления властям»¹. Правда, радомский план государст-

¹ Сегодня есть достаточно свидетельства тому, что администрация Рейгана подталкивала польских контрреволюционеров в самое ближайшее время к насильственному свержению социализма. В «польском эксперименте» президент Рейган усматривал хорошее начало для своего «крестового похода» против

социализма. Иной была в этот период позиция западноевропейских правящих кругов. Когда поздней осенью 1981 г. стало достаточно очевидным, что из-за массового отхода польских трудящихся от экстремистских лидеров «Солидарности» шансы для «мирного» перехвата власти в Польше исчезли и что

венного переворота был в скором времени, 11—12 декабря, достаточно серьезно подкорректирован с точки зрения его пропагандистского обеспечения и уточнения тактических установок. Но об этом ниже.

Сразу после Радома лидерами «Солидарности» были предприняты попытки выкрутиться из весьма щекотливого положения, в котором они оказались. Брунне, например, после трансляции по радио и телевидению записей выступлений на радомском совещании заявил 8 декабря буквально следующее: «Президиум всепольской комиссии профобъединения отнюдь не отбросил концепцию национального соглашения и не старается обострить социально-политическую обстановку в Польше. Стремление к достижению соглашения является частью программы профсоюза»¹. Орган ЦК ПОРП — газета «Трибуна люду» в

вашингтонские стратеги решили попытаться свалить социалистическую власть с помощью вооруженного выступления путчистов, правящие круги европейских членов НАТО, не исключая даже английских консерваторов, тотчас же вышли из «польской игры», «заморозили» свое участие в антипольском международном заговоре. Они трезво оценили всю авантюристичность и опасность для Европы подобной попытки. С этого момента государственный переворот в ПНР, назначенный на вторую половину декабря 1981 г., готовился лишь «тандемом» из вашингтонской администрации и штабов польских контрреволюционных сил при опасливом нейтралитете европейских союзников США. У них, к сожалению, не хватило политической смелости, чтобы прямо выступить против готовящейся авантюры с ее непредсказуемыми последствиями. О мотивах, которыми руко-

водствовались в данном случае правительства европейских стран — членов НАТО, достаточно ясно сказал тогдашний канцлер ФРГ Г. Шмидт в интервью голландской газете «Гаагсе курант». Отвечая на вопрос, не вынашивались ли в некоторых кругах Запада в связи с событиями в Польше намерения любыми средствами отколоть ее от других социалистических стран, Шмидт 1 марта 1982 г. заявил: «Если некоторые люди действительно стремились к достижению подобных целей, то уж лучше было бы им вообще об этом не говорить. Если такие идеи умещаются в их головах, то им следовало бы отдавать себе отчет в том, что они витают в прошлом веке. В наше время, — подчеркнул Шмидт, — попытка отделить какую-либо страну от Варшавского Договора — до тех пор, пока существуют две системы, два пакта, — была бы в высшей степени опасной операцией».

¹ В тот момент, когда Брунне произносил перед представителями прессы эту ложь, один из участ-

ников встречи в Радоме, руководитель жешувского «профцентра» Я. Копачевский, на закрытом

связи с выступлением Брунне не могла удержаться от иронии: «Из этого заявления можно сделать вывод, что в Польше произошла массовая галлюцинация. Наверное, народ неправильно понял Валенсу, Буяка, Рулевского или Модзелевского, когда они призывали громить правительство и партию».

Но в эти первые декабрьские дни конфронтация еще не стала неизбежностью. Одна из целей широкой публикации польскими средствами массовой информации путчистских высказываний лидеров «Солидарности» в Радоме состояла, видимо, не только в том, чтобы похвалить народу всю бездну национальной трагедии, в которую могла быть ввергнута Польша в случае реализации радомских решений, но и чтобы дать возможность руководителям «профобъединения» одуматься, остановиться. Партия и народная власть фактически оставили им реальный шанс для возврата к диалогу на платформе социалистического возрождения. «Трибуна людей», обращаясь к активистам «Солидарности», писала 8 декабря: «Почему бы не сказать прямо: «Мы ошиблись, пошли на поводу политических амбиций определенных руководителей профобъединения. Мы не прислушались к голосу масс «Солидарности» и поэтому хотим вернуться на путь соглашения». Это была бы более ясная, честная и прямая позиция».

Но вожаки «Солидарности» предпочли авантюрную ставку на открытую насильственную конфронтацию. Вот их ответы на предложения народной власти. Они были опубликованы в польской прессе.

Валенса, 11 декабря: «Нас провоцируют, нагнетают в стране напряженность. В частности, этому способствовала публикация фрагментов наших выступлений в Радоме. Но мы будем продолжать бороться за то, чтобы общество (читай: «Солидарность». — В. Т.) имело право контролировать действия правительства».

совещании актива «Солидарности» в этом городе откровенно признался: «То, что сообщают по радио о заседании в Радоме, является правдой... Действительно, мы были

единодушны в том, что надо действовать быстро, поскольку конфронтация должна наступить, а «Солидарность» и ПОРП не могут более вместе существовать».

М. Крупиньский, заместитель председателя «Солидарности», председатель регионального объединения «профсоюза» в г. Ольштыне, 10 декабря: «Профобъединение считает дальнейшее ведение переговоров беспредметным. Выраженное Валенсой на заседании в Радоме мнение, что следует начать конфронтацию, широко распространено среди членов «Солидарности».

Один из самых влиятельных идеологов КОС—КОР, **заместитель председателя регионального отделения «Солидарности» во Вроцлаве Модзелевский** был особенно воинствен: «С властью, ставшей преградой на пути перемен, — заявил он 9 декабря, — нельзя достигнуть соглашения. Если власть решится на конфронтацию (т. е. отвергнет радомский ультиматум. — *В. Т.*), то профсоюз ее примет. И тогда — я не побоюсь еще раз повторить (сказанное им в Радоме. — *В. Т.*) — это будет для власти последний бой. Она ничего не добьется, кроме ускорения собственной гибели».

Правда, среди «сторонних» благожелателей «Солидарности» нашлись такие хитрецы, которые предприняли еще одну попытку спасти репутацию контрреволюционных вожakov, а заодно дать им совет на будущее. Они постарались объяснить заговорщические откровения в Радоме тем, что просто «бес попутал» этих добропорядочных «демократов» и «борцов за справедливость». Именно таков был смысл выступления председателя союза журналистов С. Братковского. «Эта сторона, — писал он об участниках радомского заседания «Солидарности» в газете «Жиче Варшавы» 11 декабря, — в любой ситуации должна сначала думать, а потом говорить. Если кто-нибудь не может не плести все, что ему взбредет в голову, то пусть делает это на именинах собственной тещи, которая не записывает его выступления на магнитофон. Эта сторона (даже среди своих!) должна отказаться от ораторства в духе «это есть наш последний...». Она должна отказаться от этого, опасаясь не только просачивания информации, но и из-за того, что речь идет не о «последнем бое». Речь идет об осуществлении глубоких, мудрых, порядочных реформ, о настоящей демократии и длительном процессе».

Однако подобные неуклюжие попытки обелить лидеров контрреволюции уже вряд ли могли ввести в заблу-

ждение многих. Да и самим «подзащитным» господина Братковского это было не нужно. Они взяли курс на молниеносный государственный переворот не по наитию, а по зрелому размышлению, понимая, что начавшийся процесс массового отхода трудящихся от «Солидарности» не оставляет им много выбора. К тому же и сам момент для выступления казался благоприятным: призывы правительства и ПОРП вернуться к диалогу и национальному соглашению лидеры «Солидарности» посчитали признаком все еще прогрессирующей слабости социалистического государства, а следовательно — возможного успеха в предстоящей схватке.

«Молниеносный маневр», о котором рассуждал в Радоме председатель «Солидарности», не был просто броским словом. В этой выношенной формуле содержалась оценка контрреволюцией сложившейся ситуации.

Конечно, лидеры «Солидарности» не были столь большими эрудитами в сфере законов политической борьбы. Но классовым инстинктом они довольно правильно схватывали специфику положения, создавшегося в эти декабрьские дни. А специфика эта состояла, повторяем, в том, что массовый отлив трудящихся от одного центра противоборства не означал сосредоточения их на противоположном полюсе, т. е. такого же возрастания политической армии другой стороны. Разочарование польского рабочего класса, других социальных групп трудящихся в деятельности вожakov «Солидарности» было закономерным и неизбежным, как только стали обнажаться принципиальные различия классовых целей в «двухслойном» «профобъединении»: рабочего класса, выступавшего против деформаций социализма, и классово чуждых ему вожakov «Солидарности», интересы которых были ориентированы на ликвидацию социалистического общественного строя как такового.

Однако нужны были еще долгие месяцы большой политической и идеологической работы ПОРП, союзных с ней партий, всех институтов народной власти, чтобы восстановить в этой новой ситуации то, что было потеряно к концу 70-х годов. Необходимо было вернуть доверие трудящихся.

В этих своеобразных обстоятельствах растущие массы членов «Солидарности» все более оказывались в рядах пассивного, разочарованного «молчаливого большинства». На какое-то время они, даже убеждаясь постепенно в правоте народной власти, становились граждански совершенно пассивными. Самые драматичные повороты в судьбах страны оставляли их равнодушными. В польских условиях того времени это было, видимо, неизбежно.

Как это на первый взгляд ни парадоксально, именно растущий отход масс рабочего класса, других групп трудящихся от «Солидарности» на позиции «молчаливого большинства» впервые за все время действия на польской политической арене антисоциалистических сил открывал реальные, хотя и минимальные, возможности для реализации их замыслов. Ведь до осени 1981 г. контрреволюционные устремления вожakov «Солидарности» достаточно прочно блокировались установкой шедших за ними масс на «обновленный социализм». Никогда еще контрреволюция не вела за собой такой массы, как в Польше до осени 1981 г. Но в то же время никогда она не была так неспособна полностью подчинить ее своим целям.

В каком-то смысле контрреволюционеры из «Солидарности» на время оказались как бы в плену искренней тяги к социализму рядовых членов «профобъединения». Поэтому польская контрреволюция была даже заинтересована в отходе от «Солидарности» тех ее членов, которые наиболее последовательно были ориентированы на социализм. Но в отходе на позиции пассивного «молчаливого большинства». Ведь только резкий спад общественной активности как можно более обширных групп рабочего класса, их хотя бы временный нейтралитет в решающий момент классового противоборства могли бы создать, по их мнению, благоприятные условия для проведения классического путча средствами «молниеносного маневра».

Вот здесь-то и обнаружился серьезный просчет Радома с его откровенно антисоциалистическими призывами и лобовыми решениями, прямолинейно провозглашавшими

контрреволюционные цели, открыто бравшими на себя инициативу в конфронтации. «Радомская позиция», начисто отвергнувшая идею национального соглашения, импонирующую большинству поляков, и провозгласившая курс на насильственное свержение социализма, вызвала переход наиболее политически сознательных рабочих, ранее шедших за «Солидарностью», не в ряды «молчаливого большинства», а на позиции защитников народной власти. Этот просчет лидеры «Солидарности» попытались срочно исправить, хотя и с минимальным успехом, в оставшиеся до переворота дни.

Таким образом, начавшийся отход масс от «Солидарности» не снимал с повестки дня угрозу насильственного свержения социализма, как иногда в те дни полагали некоторые благодушно настроенные наблюдатели. Наоборот, впервые такая попытка становилась неотвратимой и чрезвычайно опасной². Эту особенность момента понимали и в лагере защитников социализма. «То, что руководство «Солидарности» в последние месяцы в значительной мере утратило доверие в глазах членов профсоюза, — отмечал тогда один из руководящих деятелей ПОРП, — еще не означает, что его приобрела партия». В этом и была опасность создавшейся «мертвой зоны». Она могла стать той гиришкой, которая перетянула бы при определенном стечении обстоятельств чашу весов в пользу контрреволюции.

Поэтому радомские заговорщики не колебались в сделанном выборе и не стали терять времени. Сразу же после

¹ Чего стоит, например, такой пассаж об истинных целях лидеров «Солидарности» из речи Валансы в Радоме, ставший известной трудящимся благодаря широкой публикации в польской прессе: «Мы отдаем себе отчет в том, что уничто-

жаем систему, — говорил тогда председатель «Солидарности». — Если создадим собственников, распродадим госхозы, если создадим самоуправление, то системы этой не станат. На этот счет мы не заблуждаемся.

² Вожаки «профобъединения» понимали, что время уже работает не на контрреволюцию. Модзлавский говорил на заседании в Радоме: «Профсоюз не сильнее, чем

был, он слабее, чем был. Значительно слабее». Палька добавил, что «партия может себе позволить оттянуть конфронтацию, а «Солидарность» — уже нет».

радомских решений во все концы страны выехали десятки эмиссаров, специально уполномоченных вести подготовку к намеченному выступлению¹. В одной из директив, которые они уносили с собой, прямо говорилось: «Органы власти уже не способны руководить страной, поэтому в дело вступает «Солидарность».

Большие сборы контрреволюции. 4—10 декабря

Особенности сложившейся обстановки классовых сил не могли не сказаться и на методах, избранных контрреволюционерами для достижения цели. Упор при подготовке государственного переворота теперь делался ими на активные действия антисоциалистического меньшинства, т. е. нескольких десятков тысяч буржуазно ориентированных штатных работников аппарата «Солидарности», коско-роцев, «конфедератов» и т. д. Только организованную и достаточно обученную, хотя и небольшую, армию можно было быстро ввести в действие для «молниеносного» штурма социализма. Важным резервом для мобилизованных отрядов считался и агрессивно настроенный «независимый союз студентов». Довольно значительные массы рядовых членов «Солидарности», еще не отошедших от своих вождей, планировалось использовать как прикрытие «штурмовых отрядов» и для отвлекающих маневров.

Неделя между радомским совещанием президиума всепольской комиссии «Солидарности» 3 декабря и намеченным на 11 декабря пленарным заседанием комиссии *стала неделей лихорадочной практической подготовки*

¹ Был подготовлен план организации вооруженного путча и стра-тегами из «Конфедерации независимой Польши» — основной вооруженной силы контрреволюции. Их план носил более детальный характер и был по сути делом военной диспозицией. Он предусматривал разные варианты хода переворота:

от мгновенного крушения народной власти до сравнительно тяжелой гражданской войны. Например, в «варианте С» прямо говорилось: «В данном случае результатом будет гражданская война. КНП возглавит эту вооруженную борьбу. Власти потерпят поражение».

на местах к решающему выступлению сил контрреволюции против социалистического государства. «Впервые за 15 месяцев, прошедших с начала польских событий, — сообщал в те дни из Польши американский журналист Д. Ост, — руководство «Солидарности» открыто заговорило о борьбе за власть. В некоторых районах уже сформированы подразделения боевиков и ведутся приготовления к захвату власти, к чему на экстренных заседаниях профсоюзов призывают деятели «Солидарности».

Заседания региональных руководящих органов «Солидарности», начавшиеся 6 декабря, уже не оставляли сомнений в отношении планов контрреволюции. Но обсуждение предстоящих событий проходило, как правило, не в низовых организациях «Солидарности» на заводах и фабриках, а непосредственно в региональных руководящих центрах, где рабочие составляли незначительное меньшинство.

Вот некоторые итоги этих заседаний.

Мазовецкий регион (с центром в Варшаве). Собрание делегатов этого звена «Солидарности» проходило 5—6 декабря. Будучи одним из самых экстремистских, он должен был задать тон всем другим регионам. Он выступает, как заявил его председатель З. Бук¹, за «решительное сопротивление всем действиям правительства, что означает окончательный конфликт с властью. Прежняя тактика «Солидарности» была неверной».

Собрание варшавской «Солидарности» конкретизировало путчистские решения, принятые в Радоме, и призвало к «нарастающей забастовке, которая должна перерасти во всеобщую». Обсуждался также вопрос о «временном пра-

¹ Бук, будучи воспитанником КОС—КОР, все больше смыкался с «радикалами». С весны 1981 г. считал возможным свергнуть социализм в ПНР «в считанные дни». В этом он расходился со своим учителем Куроном. Обладая непомерным честолюбием, он не мог примириться с тем, что руководящие органы «профобъединения» находятся в Гданьске. «Являясь по своей природе узурпатором и стра-

дая манией величия, — характеризовала его в апреле 1983 г. «Жолнеж вольности», — он окружил себя легионом советников и экспертов, специально переманивая их из Гданьска за большие деньги. Наконец, после введения военного положения он добился своего и стал в подполье именоваться «руководителем подпольных структур «Солидарности».

вительстве». Были поддержаны решения о проведении 17 декабря «дня протеста» одновременно по всей стране, о создании отрядов «рабочей охраны», о переходе всех средств информации «под общественный контроль».

Развивая тему овладения властью, мазовецкий «профцентр» пошел еще дальше и рекомендовал всепольской комиссии «Солидарности» учредить общественный трибунал, который «определит вину и меру наказания преступникам против народа в 1945—1980 гг., а также степень вины нынешнего руководства».

На основе этих резолюций мазовецкая «Солидарность» принимает решение об образовании совместно с деятелями ряда непегальных группировок специального органа, которому надлежало заняться «подготовкой выборов в народные Советы и сейм ПНР» в целях скорейшего образования «временного правительства национального доверия».

9 декабря стало известно, что руководство мазовецкого «профцентра» уже разработало план организации в «день протеста» 17 декабря многотысячной демонстрации сторонников «Солидарности», которая должна была направиться к зданию Комитета по радиовещанию и телевидению, чтобы овладеть им. Этой акцией предполагалось начать захват власти в общегосударственном масштабе¹.

Если учесть то обстоятельство, что профсоюз банковских служащих, находившийся под полным контролем «Солидарности», решил с 17 декабря прекратить во всех банках страны обслуживание центральной и местной администрации, то картина подготовки к перевороту становится еще полнее.

Вслед за мазовецким «центром» в подготовку к прямой конфронтации включаются и другие региональные органы «профобъединения».

Силезская «Солидарность» создает «Центр солидарного обмена», который в масштабах региона должен

¹ Букя вполне откровенно заявлял еще в ноябре: «Первым шагом любой революции является доступ к средствам массовой информации. Захват радиостанции означает государственный переворот. Когда

вы увидите первую телевизионную программу, составленную «Солидарностью», это будет означать, что первая из опор существовавшей дотопе власти пала».

конфисковать всю продукцию государственных заводов, фабрик и шахт и самостоятельно распределять ее среди населения и предприятий.

«Солидарность» крестьян-единоличников в Щецинском воеводстве объявила о предстоящем захвате зданий воеводского комитета ПОРП, воеводского управления и комитета по радиовещанию и телевидению и передаче их для «общественных нужд». В Щецине начали широко распространяться изданные массовым тиражом плакаты: «Смерть коммунистам!» и «Погром партии — программа народа!».

За конфронтацию проголосовал и краковский «профцентр». Им было принято решение приступить к созданию специальных отрядов, вооруженных, как сказано в резолюции, «чем только можно, в том числе и бутылками с горючей смесью».

Ольштынский «профцентр» обязал все свои организации начать сбор лекарств и перевязочных материалов¹, а также принял решение «на случай ареста» избрать «запасное правление». Решение о дублирующих руководящих органах принимает и познаньский «профцентр».

В Щецинском, Радомском и некоторых других воеводствах появились листовки об объявлении 20 декабря «воскресеньем окончательного расчета с ПОРП».

Из ведущейся как в штаб-квартире, так и в региональных землях подготовки к захвату власти лидеры «Солидарности» в эти дни не делают тайны. Порваны все контакты с властями на местах и правительством.

«Вопрос о власти поставлен открыто, — с удовлетворением сообщает в эти дни варшавский корреспондент западногерманской газеты «Вельт». — Конфронтация с режимом состоится... В «Солидарности» уже говорят о не-

¹ Примечательно, что как раз в эти дни активизировались многие организации на Западе, оказывавшие материальную и финансовую помощь «Солидарности». В том числе, и это подчеркнем особо, медицинские организации. Как сообщила 9 декабря «Гардиан», «британские организации, участвующие в

оказании медицинской помощи Польше, только что провели в Лондоне встречу для установления более тесной координации своей деятельности в связи с обращением личного представителя Леха Валенсы о необходимости расширения медицинской помощи». Комментарии, как говорится, излишни.

обходимости собственной «рабочей милиции»... Теперь дело только за тем, чтобы правильно вести противоборство».

О том, что инициаторы конфронтации — лидеры «Солидарности», писал 8 декабря из столицы ПНР и корреспондент лондонской газеты «Обсервер». Он тогда не скрывал того, о чем сейчас западная пресса предпочитает не вспоминать: «Польша снова оказалась на грани катастрофической пробы сил, — говорится в его сообщении. — Правительство Ярузельского и профсоюз «Солидарность» находятся на пути, который ведет к столкновению, и до него остается всего несколько дней. Руководящие органы «Солидарности», как сообщили вашему корреспонденту в кругах профсоюза, будут энергично настаивать на решающем столкновении с правительством (имеется в виду назначенное на 11 декабря заседание всепольской комиссии «Солидарности». — В. Т.)... Шансы на мирный выход из кризиса, который возникнет на будущей неделе, не назовешь хорошими. Наибольшую опасность создают настроения в «Солидарности».

Однако все эти факты, о которых сообщалось уже в те тревожные дни, лишь в малой степени отражали истинные масштабы планируемого столкновения. Только после введения военного положения и конфискации документов в штаб-квартирах «Солидарности», других экстремистских организаций обозначилась полная картина той «кровавой бани», которую готовили стране путчисты.

В хранилищах «Солидарности» найдены списки, в которых значились 80 тысяч членов ПОРП и других защитников социализма, подлежащих изоляции или лишению права участвовать в общественной жизни в «новой Польше» (они выросли в сравнении с «проскрипционным списком», ставшим известным в ноябре 1981 г., почти в 4,5 раза). Подобный же документ, только местного масштаба, был обнаружен и в штаб-квартире региональной «Солидарности» в **Щецине**. Здесь же нашли директиву, в которой указывалось, что «день протеста» 17 декабря должен стать «днем взятия всей власти» в Щецинском регионе.

Судя по некоторым местным инструкциям, «регламентирующим» проведение расправ после переворота, контр-

революционеры вряд ли соблюдали бы даже тот минимальный «дифференцированный подход» по отношению к активным сторонникам социализма (ликвидация, изоляция, лишение гражданских прав), который предусматривался в их официальных списках на репрессии. Тем на Западе, кто бурно возмущался «недемократическим» введением военного положения и стонал по поводу «несчастной участи» нескольких тысяч временно интернированных после 13 декабря 1981 г., стоило бы вчитаться хотя бы в некоторые из таких документов. В «Солидарности» г. **Тарнува**, например, 6 декабря было подготовлено специальное обращение, в котором говорилось: «Призываем все звенья «Солидарности» в Польше при приближающемся столкновении с коммунистами немедленно приступить — неважно, какими способами — к ликвидации всех судей, прокуроров, секретарей партии, сотрудников службы безопасности, невзирая на их пол и вместе с их семьями».

На закрытом заседании правления региональной организации «Солидарности» в г. **Жешуве** в ответ на призыв очередного оратора к «бескровному восстанию» другой выступавший бросил реплику: «Бескровное восстание? Но это просто смешно... Будут жертвы, и немалые. Мы должны пойти на это, и не принимать сие близко к сердцу».

Утвержденная руководителями **варшавского «центра»** инструкция для всех низовых организаций тоже, хотя и в более обтекаемой форме, призывала к расправе: «В случае атаки сил порядка... атакующих разоружать, а к командирам относиться как к преступникам...»

В подготовленной в **лодзинском региональном «центре»** инструкции о порядке проведения демонстрации 17 декабря деловито рекомендуется, «чтобы во главв демонстрации шли инвалиды, дети и женщины...». Так путчисты страховали себя на случай столкновения с силами общественного порядка. О том же — в инструкции руководства **варшавской «Солидарности»**. «В обстановке конфронтации, — разъясняется в этом документе, — существует реальная угроза... что жители, особенно женщины, пожилые люди и дети, поддадутся панике и закроются в квартирах... Нельзя допустить этого, ибо тем самым создалось бы свободное поле для маневра военно-полицейских сил».

Но все это, конечно, не означало, что контрреволюция готовилась идти безоружной против армии и милиции. Свои солидные «вооруженные силы» КНП, как мы помним, продемонстрировала в День независимости Польши — 11 ноября. В «Солидарности» тоже давно действовала разветвленная сеть вооруженных боевиков. С помощью инструкторов из «Конфедерации независимой Польши» боевые группы «Солидарности» были сведены в подразделения под руководством «десятников», «сотников» и «тысячников». В специальной инструкции «О задачах и целях действий боевых групп», в частности, говорилось: «Формами вооруженной борьбы должны быть: акты террора, налеты, убийства, похищения, саботаж... Правила борьбы: организация активных действий с оружием в руках... Копичественное соотношение снайперского и короткоствольного оружия (пистолеты, револьверы, обрвзы) должно быть 1:5—1:10. Для некоторых типов операций необычайно ценно применение современного нервно-парализующего оружия, в том числе гранат типа «ТС».

К началу декабря у контрреволюционеров имелись значительные запасы оружия. Так, только на одном тайном складе, обнаруженном в **Щецине** после введения военного положения, оказалось более 500 комплектов боеприпасов, огнестрельное оружие, гранатомет, резиновые дубинки. Однако главную ставку контрреволюция делала на захват в первые часы переворота государственных складов оружия¹.

В многочисленных документах и инструкциях в эти дни разрабатывалась программа действий и на первое время после свержения народной власти. Например, предусмотрительный председатель региональной «Солидарности» в **Быдгоще** Рулевский подготовил магнитофонные и видеоманитофонные записи своего обращения к насе-

¹ Оружие шло к заговорщикам и из-за рубежа. Многие здесь еще ждут своего выяснения, но чтобы представить масштабы таких операций, приведем один факт. Только из американского города Кливленда была предпринята, правда, безрезультатная, попытка переправить

в Польшу через Австрию, под видом «продовольственных поставок», на целый миллион долларов огнестрельного оружия, осколочных гранат и мин замедленного действия, а также других средств для вооруженной борьбы, диверсий и террора

нию и выступлений других лидеров «Солидарности», которых в соответствии с инструкцией должны были быть переданы в эфир «тотчас после свержения нынешнего правительства». В секретных документах «Солидарности» была определена и дата учредительного съезда будущей «польской партии труда», которая должна была представлять в будущем парламенте этот «профсоюз». Вместе с другими новоиспеченными партиями, на которые разделятся после победы «клубы самоуправляемой Польши», ей предстояло воспринять власть в Польше. Съезд был запланирован на вторую половину января 1982 г. Уже были отпечатаны партийные билеты.

«Солидарность» Шленско-Домбровского района в Силезии, доводя до сведения своих активистов инструкции гданьской штаб-квартиры «профобъединения», в специальном закрытом документе, подготовленном в начале декабря, информировала их о планах международных акций грядущей «демократической Польши»: «Необходимо попытаться договориться с Россией, но одновременно потребовать помощи вооружениями от США, Франции, Англии».

В нарушение всех международных норм в подготовку переворота активно включились радиопередатчики консульств США в Кракове и Познани, которые с нарастающей интенсивностью вещали на польскую аудиторию.

В эти декабрьские дни резко возросла активность всех без исключения антисоциалистических организаций и групп. 10 декабря руководители «Конфедерации независимой Польши» в специальном документе призвали членов КНП принять участие в предстоящей «всеобщей забастовке», а затем перевести ее в русло вооруженных акций. Серьезно готовилось поддержать городскую «Солидарность» в решающей схватке и руководство «Солидарности» крестьян-единоличников. Ее председатель в начале декабря обязал все отделения «профсоюза» прекратить переговоры с местными органами власти. Сельская «Солидарность» продлила состояние «забастовочной готовности на всей территории страны». Единым фронтом с вожаками «Солидарности» и КНП выступил «независимый союз студентов» и многие другие. Подобного единодушия в действиях антисоциалистических сил еще не наблюдалось.

Однако бешеная активность главарей контрреволюции нередко наталкивалась на сопротивление членов «Солидарности», особенно в тех случаях, когда путчистские планы обсуждались в более или менее широкой аудитории. Это произошло даже в такой цитадели контрреволюции, как варшавская «Солидарность», на уже упоминавшемся нами собрании 5—6 декабря. Призыв к захвату радио и телевидения вызвал неожиданное для экстремистов сопротивление значительной части собравшихся. Предложение отказаться от проведения этой акции было отклонено большинством буквально в несколько голосов. Лишь используя тактику многократных повторных голосований, отключения микрофонов во время выступлений неугодных ораторов и т. д., удалось утвердить и другие путчистские резолюции.

Свои постановления руководители «Солидарности» в эти дни предпочитали выносить на обсуждение лишь в отдельных «проверенных» низовых организациях. Так, решение в духе идей радомского совещания было принято большинством голосов на собрании членов «Солидарности» **щецинской судоверфи им. А. Варского**, где позиции экстремистов были тогда достаточно сильны. «Мы решительно отбрасываем концепцию Фронта национального согласия, — говорилось в нем, — и требуем, чтобы до момента проведения демократических и свободных выборов высшая исполнительно-контрольная власть в стране была передана общественному совету народного хозяйства». Принятие на «опорных» предприятиях подобных решений должно было создать впечатление широкой народной поддержки «радомской позиции». Однако таких «рабочих собраний» было немного. Руководители антисоциалистических сил из «Солидарности» мало где рисковали говорить с рабочими в открытую.

Такова была эволюция «профобъединения». Начав свою деятельность в августе 1980 г. как подлинно массовая организация, оно пришло к декабрю 1981 г. уже в ином качестве, все более превращаясь в легальное прикрытие политической активности контрреволюционного меньшинства. *Коренные интересы элитарного, буржуазного слоя «профобъединения» неизбежно стягивали*

этот слой под откровенно контрреволюционные знамена «клубов», а его массовая основа — значительная часть польского рабочего класса — все определеннее, особенно после радомского шока, отходила от участия в активных акциях. Но профсоюзных вывесок никто не снимал. По инерции под лозунгами «Солидарности» еще шли значительные отряды трудящихся. Но уж без прежней веры, охваченные колебаниями и сомнениями. На сознание многих рядовых членов «профобъединения» все развращающе действовала изощренная демагогия и жонглирование «самоуправленческими» терминами¹.

Но вернемся к декабрьским событиям. В эти решающие дни значительно консолидировались последовательные сторонники социализма, возглавляемые ПОРП. Защитники народной власти обладали немалыми силами, которые явно недооценивались контрреволюцией².

Несмотря на планомерную многомесячную моральную травлю, подчас доходящую и до насильственных

¹ К этому времени все сильнее давало себя знать влияние деклассированных элементов польского общества на некоторые слои населения, особенно — на молодежь. Оно вызвало растущую волну анархии, а вслед за ней — уголовной преступности. Эта деклассирован-

ная масса плохо управлялась «Конфедерацией независимой Польши» и готовилась ею для погромных акций фашистского толка. Как подметила в те дни английская газета «Обсервер», «имеются признаки того, что КНП принимает в свои ряды всякие отбросы общества».

² Выдавая желаемое за действительное, деятели «Солидарности» уверяли себя и других, что государственная власть, защитники социализма крайне ослаблены. Вот, к примеру, одна из «прикидок», обнаруженных в архиве варшавской «Солидарности»: правительство сумеет выставить для оперативных действий в день конфронтации не более 100—200 тыс. человек из рядов армии, членое ПОРП и т. д., в «Солидарности» способна противопоставить им не менее 200—300 тыс. достаточно хорошо подготовленных бойцов. Конечно, общий

неблагоприятный морально-политический климат тех трудных месяцев, тяжелый груз грубых ошибок прежнего партийно-государственного руководства не могли не оказать негативного воздействия и на членов ПОРП. Колебания в политических оценках и действиях, проявления нерешительности и фракционности ослабляли партию. «Но историческим фактом, — подчеркивал позже В. Ярузельский, — является то, что, несмотря на тяжелые поражения, партия не распалась, подавляющее большинство ее членов сохранило верность ПОРП».

действий, более 2,5 миллионна коммунистов, из которых 23 процента составляли люди моложе 30 лет, продолжали отстаивать завоевания социалистической Польши¹. Лидеры «Солидарности», считавшие, что они обладают монопольным влиянием в рабочем классе, напрасно сбрасывали со счетов в своей политической игре и тот факт, что более миллиона польских рабочих—членов ПОРП продолжали защищать идеи социализма.

Они проявляли стойкость и преданность социалистическим идеалам даже на тех предприятиях, которые считались оплотом антисоциалистических сил. На варшавском тракторном заводе «Урсус» в августе 1980 г. в партийной организации ПОРП насчитывалось 3.100, а в начале декабря 1981 г. — 2.600 человек. На металлургическом комбинате «Варшава» в августе 1980 г. было 2.000 членов и кандидатов в члены ПОРП, а к декабрю 1981 г. в рядах заводских коммунистов продолжало состоять 1.800 человек. Всего же в Варшаве, где силы контрреволюции были наиболее активны, партийная организация в период 1980—1981 гг. сократилась всего на 10 процентов². Если к тому же иметь в виду многие десятки и сотни тысяч членов союзных с ПОРП партий, профсоюзов, не входивших в «Солидарность», молодежных и других общественных организаций, твердо стоявших на социалистических позициях, то *политическая армия защитников народной власти была отнюдь не малочисленна. К тому же к декабрю 1981 г. она обладала неизмеримо большей активностью и сплоченностью, чем глубока дезорганизованные общественные силы, еще шедшие за контрреволюцией.*

Конечно, «взвесить» с аптекарской точностью политический вес каждой из противоборствующих в эти декабрьские дни сторон не представляется возможным (это зада-

¹В 1980—1981 гг. ПОРП понесла, конечно, серьезные потери: из

ее рядов вышло около 500 тыс. человек.

²В некоторых городах—оплотах антисоциалистических сил процент деморализованных членов партии был значительно выше. За 1980—

1981 гг. во Вроцлаве, например, почти одна треть членов организации ПОРП сдала свои партбилеты.

ча специальных исследований). Но даже если учесть такие дополнительные неблагоприятные факторы, как позиция влиятельной католической церкви¹, двойное членство значительной части коммунистов (и в ПОРП, и в «Солидарности») и т. д., то совершенно определенно можно сказать, что в случае продолжения борьбы чисто политическими средствами перед ПОРП, всеми социалистическими силами открывались благоприятные перспективы. Был реален, и в не столь отдаленном будущем, не только постепенный отход большей части трудящихся от контрреволюционных предводителей, но и трансформация, в результате взвешенной и гибкой политики ПОРП и социалистического государства, значительной части «молчаливого большинства» в сознательных сторонников народной власти.

Эти тенденции не могла не видеть и контрреволюция. Но она все же переоценивала степень дезорганизации и разобщения в стане противника.

Сегодня уже ясно, что, хотя при определенном стечении обстоятельств успех контрреволюции полностью не исключался², *самым вероятным результатом путчист-*

¹ Известно, что в период усипенной подготовки насильственного свержения народной власти, особенно е первые декабрьские дни, руководители церкви неоднократно публично призывали лидеров «Солидарности» вернуться к «мирному диалогу и компромиссам». «Укрепляя «Солидарность» всюду, где это было возможно, — подчеркивал варшавский еженедельник «Аргументы», — церковь одновременно стремилась к тому, чтобы руководители профсоюза не делали ставки на конфронтацию». Члены вса-

польской комиссии «Солидарности» получили перед заседанием в Гданьске по экземпляру письма, подписанного примасом Польши Глемпом, в котором наряду с подтверждением симпатий церкви к «профобъединению» говорилось, что предшествующие достижения могут быть сведены на нет «безрассудностью, которая называется конфронтацией». В то же время многие представители католической церкви неоднократно выражали свою лояльность верхушке «Солидарности».

² Вряд ли можно было исключить, например, что какая-то часть польских трудящихся, особенно молодежи, дезориентированная и деморализованная долгими месяцами анархии, «забастовочного

терроризма» и подрыва идеологических и нравственных ценностей, может в одночасье покинуть позиции «молчаливого большинства» и временно качнуться е сторону контрреволюции.

ских действий был бы не «молниеносный» захват власти, а кровопролитная и затяжная гражданская война, которая, как подчеркнул, анализируя весной 1982 г. декабрьские события 1981 г., член Политбюро ЦК ПОРП С. Ольшовский, «закончилась бы победой сил социализма. Но, конечно, победа стоила бы многих жертв». В этом и заключалась особая опасность как для ситуации в Польше, так и для всей международной обстановки, накаленной и без того американским бряцанием оружием и раздуванием новой «холодной войны». Братоубийственный вооруженный конфликт в Польше мог бы сыграть, по выражению В. Ярузельского, «роль взрывателя под фундаментом международного мира».

Перед лицом неотвратимого открытого выступления контрреволюции ПОРП и социалистическое государство были лишены возможности действовать обычными политическими средствами. Введение в стране военного положения должно было стать, как подчеркивал позже, на пленуме ЦК ПОРП в феврале 1982 г., В. Ярузельский, «последней из возможных политических инициатив, чтобы избежать неисчислимых последствий конфронтации».

Вместе с тем складывающаяся ситуация имела и свои благоприятствующие для народной власти аспекты. Продолжающийся отход значительной части рабочего класса, других групп трудящихся от экстремистской верхушки «Солидарности», *«обнажив» контрреволюционного «ядра» этой организации от прикрывавшей его в течение многих месяцев «народной оболочки» впервые за 16 месяцев создавали возможность, в случае навязанной народной власти и ПОРП конфронтации, нанести удар по классовому противнику, минимально задев массы трудящихся.* Ведь одна из основных причин длительного отступления социалистических властей под напором дестабилизирующих общество бесчисленных требований «Солидарности» заключалась в том, что эти требования выдвигались от имени народных масс. Нельзя было сбрасывать со счетов и тот факт, что часть — и немалая — трудящихся поддерживала программы, планы и акции «Солидарности», ошибочно считая их социалистическими по целям. Этой принципиальной невозможностью для

социалистического государства применять методы принуждения по отношению к рабочему классу и вообще трудящимся массам ловко пользовались вожаки контрреволюции. Именно это обстоятельство расширяло, и значительно, их возможности для создания хаоса в экономике и дестабилизации государственных структур ПНР.

Такова была обстановка в Польше накануне назначенного на 11 — 12 декабря пленарного заседания всепольской комиссии «Солидарности» в Гданьске. Именно на нем предстояло утвердить планы, разработанные вожаками «профобъединения» на закрытой встрече его президиума в Радоме неделю назад.

В складывающейся ситуации, грозившей им проигрышем, и в не столь отдаленном будущем, у вожаков контрреволюции отсутствовало желание идти по пути диалога. Даже хорошо сознавая, что противоборство может вылиться в гражданскую войну с многочисленными жертвами, они бесповоротно встали на путь открытой конфронтации. В журнале КОС — КОР «Роботнику» № 18, вышедшем в первые декабрьские дни, Куронь прямо заявил: «В любой момент дело может дойти до уличных стычек и борьбы, поджогов всевозможных учреждений, кровопролития, самосудов и т. п. Иначе говоря, такую конфронтацию можно смело назвать гражданской войной».

Сохранялся ли еще шанс отвести от польского народа надвигавшуюся угрозу братоубийственной войны без применения государственными властями чрезвычайных мер? Нет, его в эти дни уже не было.

Перед пропастью. Гданьск, 11 — 12 декабря

В соответствии со сценарием режиссеров контрреволюции заседанию всепольской комиссии «Солидарно-

сти», открывшемуся в Гданьске утром в пятницу 11 декабря, не отводилось решающей роли в назревавших событиях, хотя по уставу она и считалась высшим руководящим органом «профобъединения». Решение о конфронтации, открытой борьбе за взятие власти уже было принято в узком кругу «самодержавных вождей» в Радоме. В последующую неделю была проведена подготовка на местах. Машина контрреволюционного переворота была запущена на полный ход, и никто в Гданьске не собирался ее останавливать.

Пленуму всепольской комиссии «Солидарности», в котором приняли участие эксперты и советники «профобъединения» во главе с Куронем, предстояло своим авторитетом лишь «освятить» планы контрреволюции. Он собрался в бывшем зале техники безопасности судовврфи им. Ленина, в том самом, гдв в августе 1980 г. заседал забастовочный комитет и где были тогда подписаны известные «общественные соглашения», включавшив в себя и пункт о признании профсоюза «Солидарность» при условии уважения им конституционных принципов ПНР.

Сразу после радомского заседания «профобъединение» направило за границу множество «рабочих делегаций». Как выяснилось позже, в их составе нв было ни одного рабочего. Зато в этих делегациях оказались 32 специально подобранных эмиссара, которым поручались два задания: скоординировать с соответствующими службами на Западе ход предстоящего государственного переворота и пропагандистски обеспечить скорвейшев признание новых властей, когда государство перейдет в руки антисоциалистических сил. «Связники» сразу же, нв дожидаясь гданьских решений, приступили к выполнению этих заданий.

Народная власть, социалистические силы во главе с ПОРП, вынужденные готовиться к противодействию контрреволюции, буквально до последнего часа призывали лидеров «Солидарности» вернуться к диалогу, сесть за стол пвреговоров. Полмвсяца спустя В. Ярузельский так сказал об этих тревожных днях: «До последней минуты нас не покидала надежда, что чрезвычайные меры не потребуются. Мы предпринимали много усилий, чтобы прийти к

национальному соглашению, чтобы осуществить необходимые реформы законодательным путем. Никто не может обвинить правительство в стремлении к конфронтации. Я верил, что будет найден путь к компромиссному выходу из опасного кризиса. Но для соглашения необходима добрая воля всех партнеров».

Буквально в последний момент, 12 декабря, орган ЦК ПОРП — газета «Трибуна люду», отвергнув прозвучавшие 11 декабря на заседании всепольской комиссии «Солидарности» требования о капитуляции народной власти, обратилась к Гданьску с призывом возвратиться к платформе переговоров. «В сегодняшней обстановке, — писала газета, — подавляющее большинство поляков задает себе вопрос — решится ли всепольская комиссия отбросить линию соглашения и упорствовать в своей тактике выдвижения невыполнимых условий. Первый день заседания комиссии отнюдь не настраивает оптимистически... Заседание продолжается. Но прозвучит ли из зала гданьской верфи призыв к соглашению вместо призыва к конфронтации?»

Такой призыв к переговорам не прозвучал, да и не мог прозвучать. Предводители «профобъединения», хотя и не вполне представляли себе истинные масштабы отхода от них трудящихся, все же понимали, что необходимо спешить. Некоторые из них осознавали необратимый характер этого процесса, а потому особенно торопились. Другие же считали еще возможным обратить его вспять в ходе подготовки к захвату власти с помощью хорошо продуманных лозунгов и по этой причине тоже доказывали, что медлить нельзя¹. В результате «радомская позиция» о конфронтации была единодушно поддержана. Об этом свидетельствуют протоколы гданьского совещания. Приведем выдержки из них.

Представитель варшавской организации (фамилия не указана) заявил, что «время сейчас работает на

¹Как говорил о положении в «Солидарности» на этом заседании заместитель председателя «профсоюза» регионв Мязовше (Вар-

шава) С. Яворский, «профсоюзные комитеты на воеводском уровне уже распадутся».

партию. Поэтому необходимо срочно начать конфронтацию».

Эксперт объединения Б. Стельмаховский предупредил, что подготовленный правительством законопроект о профсоюзах, который даст правительству и сейму право запрещать забастовки на трехмесячный срок, может разложить «Солидарность», лишив ее главного рычага дестабилизации.

Модзелевский, представлявший на заседании Вроцлав, обосновывал необходимость немедленного захвата власти тем, что многие трудящиеся поддерживают инициативу ПОРП о создании Фронта национального соглашения, участие в котором лишит «Солидарность» шансов на победу. «Мы вынуждены были пойти на переговоры относительно концепции Фронта национального соглашения, — говорил он, — потому что этого хотел народ. Однако мы совершили тем самым трагическую ошибку: всю вину за осложнение обстановки и провал концепции Фронта национального соглашения власти свалили на «Солидарность».

Его поддержал руководитель «Солидарности» из г. Жешува Я. Копачевский: «У «Солидарности» уж не остается времени, мы должны сейчас брать власть в свои руки».

Как это не покажется парадоксальным, единственная реалистическая оценка ситуации прозвучала на заседании из уст одного из самых воинственных экстремистов Гвязды¹. Его характеристика ситуации, сложившейся к де-

¹ Он не без успеха боролся за лидерство в «профобъединении», настойчиво предлагая взять власть еще весной и летом 1981 г. Ослабленному ненавистью к социализму, ему трудно было понять, что любая попытка антисоциалистического переворота весной или летом 1981 г. оказалась бы еще более безуспешной, чем декабрьские планы контрреволюции. Хотя до осени 1981 г. предводители «Солидарности» пользовались среди членов

«профобъединения» авторитетом, авторитет этот держался только по причине наивной веры людей в их преданность идеалам социалистического обновления. С другой стороны, именно эта вера многих сотен тысяч польских трудящихся в «социалистическое предназначение» «профобъединения» была, как мы уже выяснили, непреодолимым препятствием для открытой борьбы контрреволюционной верхушки «Солидарности» за свержение

кабрю, катастрофических масштабов потери «Солидарностью» общественной поддержки была более близка к действительности, чем представления большинства собравшихся. Он выразил убеждение, что контрреволюция, по существу, «уже опоздала». «В последнее время мы терпим крах в пропаганде. «Солидарность» не способна на позитивную пропаганду, — говорил он на заседании. — Наш профсоюз силен только на словах. Мы уже проиграли то, за что боролись, но никто из присутствующих в этом зале не хочет этого признать. Мы проигрываем в нашей пропаганде потому, что она уже не формирует общественного мнения. Это свидетельствует о нашем поражении в идеологической области. «Солидарность» потерпела крах и в вопросе создания производственного самоуправления... Когда была теплая погода, «Солидарность» не принимала решительных мер. Сегодня, в преддверии холодов, — предупреждал Гвязда, — руководство профсоюза толкает нас на конфронтацию, которую мы проиграем».

Это был единственный предостерегающий голос, хотя и раздался он с крайне правого фланга, со скамей «бешеных».

Ничего принципиально нового о целях контрреволюции на заседании всепольской комиссии «Солидарности», по сравнению с совещанием ее президиума в Радоме, сказано не было¹. Но все же небезынтересно познакомиться с высказываниями ее лидеров, которых многие западные комментаторы польских событий называли и называют не иначе, как «настоящими демократами», уважающими конституцию, «честными профсоюзными деятелями», «сторонниками национального диалога».

Вот некоторые из этих высказываний:

Заместитель председателя «Солидарности» ре-

социалистического общественного строя. Этого обстоятельства не понимали, да и не хотели понимать,

ни Гвязда, ни другие «фундаменталисты».

¹ Разработанный в Радоме курс не государственный переворот не подвергся в Гданьске коренным из-

менениям, но, как мы увидим далее, был уточнен в смысле тактических средств его реализации.

гиона Мазовшв Яворский: «Общественный совет народного хозяйства после объявления всеобщей забастовки должен выполнять высшую координирующую роль. Одновременно он был бы признан национальным собранием, хотя и созданным без выборов».

Руководитель быдгощского регионального центра «Солидарности» Рулевский: «Начиная с августа 1980 г. в Польше идет постоянная борьба за власть, которая должна завершиться вооруженной конфронтацией. После всеобщей забастовки нужно создать временное правительство. Ни в коем случае нельзя соглашаться на организацию Фронта национального соглашения».

Заместитель председателя «Солидарности» Лис: «Никаких переговоров. Основой деятельности возможного правительства с нашим участием будет только радомская позиция».

Председатель лодзинской организации «профобъединения» А. Словик: «Я предлагаю захватывать власть по частям. Прошу разрешения объявить забастовку на предприятиях пищевой и перерабатывающей промышленности. Сегодня продукты питания — это невралгический вопрос, и власти будут вынуждены просить нас начать переговоры. В этом случае мы сможем диктовать им свои условия. Таким образом, не говоря прямо о борьбе с партией и правительством, мы схватим их за горло».

Представитель «Солидарности» с тракторного завода «Урсус» в Варшаве (фамилия в протоколе не указана): «На нашем заводе уже воздвигнуты две виселицы для военной диктатуры».

Председатель профсоюза «Солидарность» крестьян-единоличников Кулай: «Мы должны взять в свои руки распределение продовольствия. Наша задача должна заключаться в том, чтобы уничтожить власть снизу, прежде чем браться за нее сверху. Необходимо помнить, что еласть пока еще дышит. Мы должны зажать ей рот, и тогда с ней будет покончено»¹.

Не менее примечательны и другие суждения, прозвучавшие в духе доброй воли и следова-

¹ Президент США Рейган утверждал в январе 1982 г., что руководители «Солидарности» действо-

вали в духе доброй воли и следовали по пути конструктивного диалога».

чавшие на совещании в Гданьске, так сказать, в «своем кругу», где вожаки «Солидарности» не стеснялись.

Председатель мазовецкого «профцентра» Буяк: «Радомское совещание разделило общество. Дело в том, что мы неправильно определили тактику и стратегию профсоюза, называя ее захватом власти. Неврод этого не одобрил. Нам следовало бы заявить, что мы боремся просто за структурные изменения власти».

Представитель катовицкой «Солидарности», деятель «Конфедерации независимой Польши» Я. Лужный: «Мы должны провести встречу между представителями всех независимых организаций и из них создать Фронт национального соглашения, а правительство и ПОРП пусть убираются из Польши. Мы должны сказать себе: Хотим власти! Хотим! Коммунисты — это такие интересные звери, что их надо запереть в клетках и показывать в зоопарке».

Его энергично поддержал советник «Солидарности» **С. Куровский**, который предложил на основе «независимого и самоуправляемого союза национальных сил» «...создать, может быть даже в конспирации, временное правительство»¹.

Модзелевский, заместитель председателя вроцлааского «профцентра»: «Я хотел бы предложить, чтобы в заключении нашего постановления все же было подчеркнуто, что «Солидарность» выступает за соглашение. Это необходимый тактический шаг, который позволит нам снова завоевать большинство народа».

Руководитель КОС — КОР, советник «профобъединения» Куронь: «Солидарность» должна пока прекратить антисоветскую кампанию в своих печатных изданиях. Однако, когда потребуется, мы можем изменить тактику».

¹Особенно много говорилось об этом «временном правительстве» в кулуарах. Здесь по рукам ходил список членов будущего правительства. Что касается премьера, то считали, что наиболее подходящая кандидатура — Т. Мазовецкий, главный редактор ежене-

дельника «Солидарность». По словам гданьского деятеля «профобъединения» А. Колодзея, больше шансов было у Мазовецкого. В то же время Валенсу прочили в президенты, которому, по выражению того же Колодзея, «нечего будет сказать».

Не все сказанное в Гданьске 11—12 декабря попало в протоколы. О некоторых любопытных деталях заседания поведала, например, слушателям французской телевизионной программы «Антенн-2» уже после введения военного положения в Польше польская эмигрантка, живущая в Париже, В. Рабинович. Выступая 17 декабря в телепередаче, эта дама, присутствовавшая на заседании в Гданьске в качестве гостя, рассказала о царившей там зйфории. Вот отрывок из ее выступления: «Все руководители «Солидарности» говорили о предстоящем взятии власти. Яцек Куронь из КОС—КОР утверждал, что он «все это предвидел еще в 1977 г.». На заседании говорили также о том, чтобы «освободить от коммунизма Ригу и Владивосток» (иными словами, от берегов Балтийского моря до берегов Тихого океана.—В. Т.), и о том, чтобы после победы «направить бригаду добровольцев в Афганистан».

Таковы были «профсоюзные проблемы», обсуждавшиеся вожаками польской контрреволюции на сборище в Гданьске. Возвращаясь к его дальнейшему ходу, особо следует остановиться на позиции председателя «профобъединения». На первый взгляд речь Валенсы прозвучала здесь более сдержанно не только в сравнении с речами большинства выступавших, но и с собственным выступлением в Радоме. «Я считал, что конфликт может назреть только весной,—говорил он на гданьском заседании,—но время опережает события. *Пока у нас нет еще тех сил, чтобы перейти к открытой борьбе*» (курсив мой.—В. Т.). У большинства участников совещания эта формулировка вызвала недоумение. «Пусть Валенса прямо заявит, что мы хотим взять власть!»—неоднократно раздавалось в зале заседания.

Однако Валенса такого заявления не сделал. Примечательно, что такую же позицию заняли Куронь, Модзелевский и некоторые другие. Как это надо было понимать? Означали ли выступления этих ключевых фигур в руководстве польской контрреволюции, прозвучавшие как будто резким диссонансом с общим воинственным настроением гданьской встречи, отказ от «радомской позиции» на немедленную конфронтацию с социалистическим государством?

Было бы верхом наивности полагать, что главные

«штабисты» польской контрреволюции, последовательно ведя дело к вооруженному противоборству еще с конца октября — начала ноября, вдруг «одумались», решили отказать или, по крайней мере, отложить реализацию радомских планов государственного переворота. Ведь как было сказано выше, основной причиной целенаправленного форсирования антисоциалистическими силами открытой конфронтации с народным государством был начавшийся осенью 1981 г. процесс отхода рядовых членов «Солитарности» от ее контрреволюционных вождов.

Понимая, что обнародованные на по их инициативе решения радомского заседания лишь ускорили этот процесс, верхушка «профобъединения» не могла не отдавать себе отчет в том, что любая эскалация с конфронтацией делала ее планы все менее реальными. Кроме того, ее не могло не беспокоить то обстоятельство, что ПОРП и правительство предложили конструктивные меры выхода из общественно-политического кризиса, обретавшие все большую популярность.

Главная причина согласованного и хорошо взвешенного изменения некоторых акцентов в позиции «вождей» контрреволюции — именно учет уроков Радома. Прямолинейные, лобовые призывы к вооруженной конфронтации, по сути — к развязыванию братоубийственной гражданской войны, раздавшиеся в Гданьске в первый же день заседания, не могли не помешать дальнейшему манипулированию рядовыми членами «Солитарности». Кроме того, открытая жажда насилия и крови могла девальвировать симпатии к «Солитарности» значительных спектров общественного мнения на Западе. Поэтому и были внесены определенные коррективы. Разумеется, Куронь, Валенса и К^о не стали «вдруг» противниками радомского плана немедленного штурма социалистического государства. Они понимали, что другой альтернативы просто не существует. И тем не менее в самый канун запланированного путча они в один голос заговорили о том, что не нужно спешить с конфронтацией.

Приведем любопытный диалог между Валенсой и корреспондентом одной из польских газет 11 декабря, перед самым началом заседания в Гданьске, также проливаю-

щий определенный свет на причины столь крутого поворота.

«Вопрос. Я слежу за Вашими выступлениями и у меня создается впечатление, что в последнее время настолько возросло значение радикальных сил в «Солидарности», что Вы подчиняетесь им. Так ли это?

Ответ. Нет, их значение не возросло. В то же время эти силы действительно правы, они были правы и раньше и правы сейчас. Однако надо оговориться: если идти по их пути, то мы сразу должны решить дело путем конфронтации, включая драку. Моя политика состоит в том, что *я тоже хочу достигнуть тех же целей, но не такой ценой, без драки.* Я хочу вести переговоры с правительством и договориться с ним, *но не изменяя нашим задачам* (курсив мой. — В. Т.).

Итак, Валенса, как и откровенные экстремисты, стремится к взятию власти, но только без «драки», «мирно». Внешне — типичный оппортунизм. Но только внешне.

Как свидетельствуют материалы гданьского совещания, новые акценты, прозвучавшие в высказываниях Валенсы и других, означали не отход от «радомской позиции», а ее «тактическое обогащение». Эти коррективы имели серьезное значение для отработки окончательного сценария готовящегося путча.

В прениях на гданьской встрече наряду с лобовым радомским планом (в случае отказа правительства от установления полного контроля «Солидарности» над его деятельностью *контрреволюция первой начнет вооруженную конфронтацию*, или, пользуясь выражением Валенсы, завершающую «драку»), все яснее обозначался новый, второй вариант взятия власти. Сценарий переворота постепенно приобретает *двухвариантный* характер.

Смысл второго варианта сводился к следующему: выдвижением абсолютно непримлемых, значительно более жестких, чем радомские, требований *вынудить народную власть первой начать «драку», т. е. ввести военное положение или принять иные экстраординарные меры.* А затем, уже в виде «защиты рабочего движения, свободы и демократии», ответа на «насильственное подавление трудящихся» свергнуть правительство.

Именно поэтому на гданьском заседании всепольской

комиссии «Солидарности» так настойчиво звучали соотвествующие рекомендации коскоровцев, составлявших мозговую центр «профобъединения». Наиболее четко главную идею второго варианта сформулировал в Гданьске «серый кардинал» Модзелевский: «Я считаю, что конфронтация наступит в том случае, если власти не пойдут на уступки. Однако *войну должна объявить не «Солидарность», а партия»* (курсив мой. — В. Т.).

Это был ловкий ход, рассчитанный на фабрикацию алиби для «Солидарности» в глазах не только польской, но и мировой общественности после захвата путчистами власти¹. Невслучайно маневр, предпринятый вожаками контрреволюции, совпал с пиком антикоммунистической, антипольской кампании на Западе, в ходе которой, вопреки фактам, настойчиво утверждалось, что ПОРП и социалистическое государство готовятся силой подавить «демократическое движение рабочих», отказавшись от диалога с «Солидарностью» и поиска национального соглашения.

Таково было «двойное» пропагандистское обеспечение контрреволюционного переворота в Польше. По расчетам авторов второго варианта, его успешная реализация должна была не только остановить продолжавшееся массовое бегство из политической армии контрреволюции, но и вернуть в ее ряды достаточную часть «молчаливого большинства».

Авторы нового варианта сценария контрреволюционного переворота сумели буквально на ходу внести его в документы гданьского собрания. Это произошло в самый последний момент.

Еще на утреннем заседании всепольской комиссии «Солидарности» 12 декабря был оглашен проект поста-

¹ В свете этих фактов явно неуклюжими выглядят нынешние попытки бывшего председателя «Солидарности» изобразить из себя принципиального противника насильственных методов борьбы с конституционными властями ПНР в период 1980—1981 гг. В интервью, например, газете «Вашингтон пост» 22 декабря 1982 г. Валенса утвер-

ждал, что он «с самого начала понимал, что правительство возьмет верх в любой конфронтации с применением насилия». И это говорит активный участник, более того, один из инициаторов откровенно путчистских собраний в Радове и Гданьске, однозначные высказывания которого мы уже приводили.

новления, прямолинейно сработанный в духе радомского ультиматума. В нем «Солидарность» открыто брала на себя инициативу конфронтации. «Нынешняя власть,— говорилось в проекте,— не может обеспечить порядок в стране и снабжение населения продовольствием. Поэтому мы выступаем за вотум недоверия Ярузельскому, правительству и сейму ПНР, призываем создать временное правительство и провести всеобщие выборы».

Однако в принятых в тот же день на вечернем заседании 12 декабря окончательных текстах документов, в отличие от процитированного выше проекта, основной упор делался уже на целенаправленное создание таких условий, в которых не «Солидарность», а народная власть была бы вынуждена «начать драку».

Для этого правительству и ПОРП были предъявлены гораздо более жесточенные требования, чем в Радоме. Конституционным властям в ультимативной форме предлагалось договориться с «Солидарностью» на условиях их фактического отстранения от властных функций. В свете этого ультиматума становится более понятной многозначительная фраза председателя «Солидарности» из процитированного выше его последнего перед гданьским собранием интервью: «договориться с правительством... не изменяя нашим задачам».

Что же представляли собой гданьские требования?

В основном документе гданьского заседания — «постановлении о тактике и стратегии профсоюза» прямо ставился вопрос об отстранении от власти конституционного правительства с помощью неконституционной процедуры — «референдума», организуемого самим «профобъединением». Авторы этого документа¹ явно

¹Примечательно, что в качестве соавторов «постановления о тактике и стратегии профсоюза» выступили представители двух основных группировок антисоциалистических сил, позиции которых в начале гданьского совещания резко расходились. Один из соавторов — «фундаменталист» Рулавский на первом же заседании 11 декабря ратовал за немедленное свержение

правительства по инициативе «Солидарности». Он был поддержан большинством выступавших, принадлежавших к этой группировке. Именно этой фракцией, имевшей в высшем органе «профобъединения» довольно сильные позиции, был выдвинут цитировавшийся первоначальный проект решения. Другой соавтор — Модзлевский вместе со своими коллегами по КОС —

рассчитывали на то, что власти ПНР вряд ли останутся безразличными к такой, например, формулировке постановления: «Всепольская комиссия выступает за всенародный референдум, который должен состояться до 15 февраля 1982 г. Референдум будет касаться *оценки и проверки деятельности официальных властей, местной государственной и хозяйственной администрации, ограничения на определенное время их действия... и обновления всех выборных органов...* Всепольская комиссия вводит должность комиссара для проведения референдума, а также определяет тематику вопросов (курсив мой — В. Т.).

Вот вопросы для «референдума», утвержденные на заседании: «1. Доверяете ли Вы правительству генерала Ярузельского? 2. Одобряете ли Вы создание временного правительства и проведение свободных выборов? 3. Как бы Вы отнеслись, если бы временное правительство гарантировало военные интересы Советского Союза в Польше?»¹

Даже политически неискушенному человеку было ясно, что для проведения такого общегосударственного референдума нужно обладать всей полнотой власти. Законным властям, по сути дела, предлагалось сидеть сложа руки и ждать «оценки» их деятельности на псевдореферен-

КОР настаивал на необходимости вынудить власти первыми начать конфронтацию. Эта позиция, как уже говорилось, полностью соответствовала тому варианту, который казался предпочтительнее заокеанским «мозговым центрам». Приня-

тые в Гданьске документы наглядно свидетельствуют, чья точка зрения победила на заседании высшего органа «профобъединения», на чьих условиях состоялось новое примирение в стане контрреволюции.

¹Как легко увидеть, уже сам третий вопрос референдума был сформулирован тенденциозно и таким образом, что ставил положение дел с оборонительными союзами Польши с ног на голову. Ведь участие Польской Народной Республики в Варшавском Договоре обусловлено, как известно, прежде всего коренными национальными интересами польского народа, его стремлением обрести прочный мир в Европе и безопасность поль-

ского государства, гарантировать нерушимость западных границ страны, законность которых до сих пор не признается ревизионистскими кругами ФРГ, упрямо мечтающими о Германии в границах 1937 г. Этой позиции придерживаются даже некоторые члены нынешнего консервативно-либерального правительства Западной Германии, публично заявляющие, что вопрос о германских территориях еще окончательно не решен.

думе, которая заранее predetermined. Любое конституционное правительство вряд ли могло бы остаться равнодушным к подобной перспективе...

В другом постановлении было выдвинуто еще одно неприемлемое для властей ПНР требование: «обобществления радио и телевидения». «Первым шагом в этой области будет обеспечение доступа профсоюза на радио и телевидение». Способы и сроки этого «обеспечения доступа», как уже говорилось, были определены заранее: прямой захват передающих станций 17 декабря. Если, конечно, государство не уступит их «Солидарности» добровольно.

И, наконец, в специальном решении заседавшие в Гданьске «сторонники диалога и национального соглашения» официально отказались от переговоров с народной властью, категорически отвергли социалистическую платформу Фронта национального соглашения и приступили к созданию своего «фронта»: всех оппозиционных социализму сил. Из него полностью исключались ПОРП, союзные с ней партии, другие «зависимые от коммунистов» общественные организации.

Драматизм положения властей, поставленных перед альтернативой: либо полная капитуляция на милость контрреволюции, либо введение военного положения, трудно преувеличить. Неприемлемый, не терпящий отлагательств ультиматум властям был предъявлен. Контрреволюция жаждала теперь только одного — вынудить правительство к принятию чрезвычайных мер и тем самым получить предлог для того, чтобы, как ей казалось, в несколько дней покончить с народной властью и ПОРП.

Были продуманы все необходимые детали. Гданьское заседание всепольской комиссии «Солидарности» в своем «постановлении о тактике и стратегии» предусмотрело, что в случае, «если будет принят закон, предоставляющий правительству чрезвычайные полномочия, всепольская забастовка автоматически начнется в 9.00 по местному времени на следующий день после принятия закона». А эта всепольская забастовка означала бы переход всей полноты власти к предводителям «Солидарности». На этот счет

была подготовлена специальная инструкция, обнаруженная уже после срыва планов контрреволюции. В ней прямо говорилось: «С момента объявления военного положения единственной властью на территории страны являются всепольская комиссия, президиум, либо председатель «Солидарности». На местах власть переходит в руки региональных отделений и заводских комитетов «Солидарности»...¹

Введя в план готовящегося переворота второй вариант, руководители антисоциалистических сил вместе с тем не исключали возможности использования первоначального сценария, разработанного в Радоме. Но с некоторой модификацией.

Стратеги и тактики контрреволюции могли предположить, что народная власть попытается оттянуть конфронтацию, не принимая в то же время ультиматума «Солидарности». Такое предположение было не беспочвенным: время работало на народную власть и против контрреволюции. К тому же начиналась зима.

При подобном ходе событий конфронтацию должна была бы начать «Солидарность», но уже будто бы не по своей инициативе. Как видим, в Гданьске первоначальный радомский вариант переворота был серьезно доработан с точки зрения пропагандистского обеспечения. В резолюции о тактике и стратегии специально предусматривалась подходящая лазейка: «Если правительство применит чрезвычайное положение *или же репрессии, которые парализуют деятельность тех или иных звеньев «Солидарности»* (курсив мой. — В. Т.), то трудовые коллективы обязаны начать забастовку немедленно, не ожидая решения всепольской комиссии или руководства региональных звеньев профобъединения».

Но и в этом, подновленном радомском варианте для «оттяжек и раздумий» правительству был установлен тот же крайний срок — четверг 17 декабря (на это число, как мы помним, был назначен «всепольский день протеста»).

¹Как писал в январе 1982 г. главный редактор западногерманского буржуазного ажендавателя «Штарн» Г. Наннен, «референдум вместе с всеобщей забастовкой, несомненно имел целью навязать

Польшу западнодемократический (читай: капиталистический. — В. Т.), в по своей сути, безусловно, антикоммунистический общественный строй».

В этот день массовые демонстрации в поддержку ультиматума «Солидарности» решено было перевести в прямой захват важнейших стратегических объектов¹. Эти путчистские акции, без сомнения, натолкнулись бы на применение властями ответной силы, что и дало бы контрреволюции искомый предлог для обвинения их в «репрессиях» и для начала всеобщей забастовки.

Как видим, широко разрекламированная идея проведения «всеполюского дня протеста» работала и на второй вариант. Установленный крайний срок ультиматума, истекающий 17 декабря, имел своей скрытой целью подтолкнуть правительство к упреждающим действиям. Ведь массовые беспорядки и кровопролитие во время «дня протеста» уже сами по себе не сулили властям ничего хорошего. Как заметила западногерманская газета «Нойе Рур-цайтунг», «решение «Солидарности» провести «день национального протеста» стало последней каплей, вызвавшей введение военного положения».

Таков был детально продуманный двухвариантный сценарий путча. Видимо, этот сценарий не всем участникам гданьского собрания показался — и не без оснований — в достаточной мере реалистичным. Поэтому перед голосованием, чтобы успокоить колеблющихся и сомневающихся, на трибуну был выпущен для «срочной важной информации» один из ведущих деятелей «Солидарности» Лис. «Среди военнослужащих, которых задержали в армии и не демобилизовали в установленный срок, — сообщил он собравшимся, — начались волнения. Они объявили, что 22 декабря, независимо от того, будет им разрешено или нет, они уйдут в увольнение на предстоящие праздники. 3 января, — закончил свою ложную информацию Лис, — они вернутся в армию». Стало быть, нечего опасаться вмешательства «деморализованной» армии и можно с уверенностью бросить контрреволюционные силы в «последний бой» с социалистическим государством, лишившимся, по утверждению Лиса, своей единственной опоры. Лидеры контрреволюции, привыкшие беззастенчиво лгать

¹ Не случайно подробный сценарий проведения этого «дня протеста» взялся отработать такой ма-

стер подрывных маневров, как Модзелевский.

трудовым массам, в данном случае без колебания применили тот же прием для обработки «своих». Сомневающиеся были посрамлены. В ноль часов сорок минут 13 декабря в Гданьске с подъемом был утвержден последний документ.

Резолюция об открытой и немедленной конфронтации с народным государством была принята подавляющим большинством голосов: из 107 присутствовавших членов всепольской комиссии «Солидарности» 5 голосовали «против» и 4 воздержались¹. Государственному перевороту был дан «зеленый свет».

Спасительный контрудар. 13 декабря

Почти одновременно с окончанием заседания всепольской комиссии «Солидарности» заговорщики, казалось, получили то, к чему стремились: инициатором «последнего боя» вынужденно выступило, как этого и хотелось путчистам, социалистическое государство. Развитие событий пошло как будто бы в соответствии со вторым вариантом гданьского сценария.

13 декабря роено е полночь высшие конституционные органы ПНР ееели на есей территории страны еоенное положение и образоеали Военный совет национального спасения. Были интернированы экстремистские лидеры «Солидарности», а также руководители нелегальных антисоциалистических организаций, прежде всего КОС — КОР и «Конфедерации независимой Польши».

¹ У одного члена комиссии в последний момент настолько сдали нервы, что он просто отказался участвовать в голосовании. Им

был... Лех Валенса, будущий «президент демократической, самоуправляемой Речи Посполитой».

Выступая по радио в 6 часов утра 13 декабря, председатель Военного совета национального спасения, Первый секретарь ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР генерал В. Ярузельский сказал:

«Наша Родина оказалась над пропастью. Превращаются в руины достижения многих поколений и возведенный из пепла дом.

Слова, сказанные в Радоме, заседание в Гданьске окончательно обнажили подлинные намерения руководящих кругов «Солидарности». Эти намерения в массовых масштабах подтверждает повседневная практика, растущая агрессивность экстремистов, явное стремление к полному разрушению польской социалистической государственности. Надо предотвратить конфронтацию, которую открыто объявили предводители «Солидарности», преградить ей путь. Авантюристам надо связать руки, прежде чем они столкнут отчизну в пучину братоубийственной борьбы.

Обращение за помощью к армии носит только временный и чрезвычайный характер. Армия не подменит собой нормальный механизм социалистической демократии. Демократию можно воплощать и развивать только в сильном государстве, в котором соблюдается правопорядок. Анархия вредит и противоречит демократии.

Мы хотим сильной Польши, сильной своими достижениями, культурой, формами общественной жизни, местом в Европе. Единственный путь к этой цели — социализм, одобренный обществом, постоянно обогащаемый жизнью. Такую Польшу мы будем строить, такую Польшу мы будем защищать.

В этом деле особое место отводится партии. Несмотря на совершенные ошибки и горькие поражения, партия в процессе исторических преобразований по-прежнему является активной и творческой силой.

Из этого кризиса мы обязаны выйти собственными силами и собственными руками устранить опасность. История не простила бы нынешнему поколению, если бы не была использована эта возможность»¹.

¹Отношение Советского Союза, других государств социалистиче-

ского содружества к суверенным решениям конституционных орга-

Программа экономической и политической стабилизации, социалистического возрождения Польши, намеченная в первом выступлении председателя Военного совета национального спасения, была развита и конкретизирована им через несколько дней, 25 декабря, в обращении к польскому народу по случаю рождественских праздников:

«Единственный путь для Польши,—говорил В. Ярузельский,—это путь совместных согласованных усилий всего общества, путь углубления социалистической демократии. Никто не намерен отменять основных принципов обновления. Нам чужды месть и сведение счетов. В социалистической Польше не будет военной диктатуры, но не будет также места для разрушения государства, для сторонников конфронтации.

Мы будем настойчиво, шаг за шагом создавать организационно-правовые гарантии того, чтобы уже никогда больше не могли повториться зло и извращения, которые накопились перед августом 1980 г., и чтобы не могли вернуться опасности, которые принес последний период.

В нашей общественно-экономической системе есть место для самоуправляемых и действительно независимых профессиональных союзов—независимых от государственного работодателя, но также независимых и от манипуляций и террора безответственных политиков. Есть место для рабочего самоуправления. Богатство форм общественной, научной и культурной жизни не противоре-

ное ПНР хорошо известно. Телеграфное агентство Советского Союза по уполномочию правительства СССР уже 13 декабря 1981 г. заявило, что «все эти шаги, принятые в Польше, представляют собой, разумеется, ве внутреннее дело». Вместе с тем следует подчеркнуть, что советские люди отнюдь не безразлично воспринимали польские события, понимая всю огромную опасность затянувшегося контрреволюционного разгула в братской соседней стране.

Чрезвычайная интернациона-

листская помощь была оказана Польше прежде всего в экономической сфере. В начале января 1982г. Исполком СЭВ принял заявление, в котором было подчеркнуто, что «страны—члены СЭВ оказывают и будут оказывать всестороннюю помощь братскому польскому народу в преодолении возникших экономических трудностей, в восстановлении нормального производства, в народном хозяйстве, в обеспечении условий для дальнейшего социалистического развития страны».

чит намерениям властей. Права католической церкви в осуществлении ее миссии гарантированы конституцией.

Таким образом, возможность национального согласия все еще открыта. Более того, сейчас она может оказаться реальнее, чем раньше.

Впервые за 16 трагических месяцев перед Польшей забрезжил свет в туннеле. Предотвращение путча создавало впервые реальные предпосылки для выполнения разработанной IX Чрезвычайным съездом ПОРП конструктивной программы нормализации положения в стране, совершенствования экономических и политических структур социализма. «Этот суверенный шаг, предпринятый против смертельной угрозы существованию польского народа, — особо подчеркивал секретарь ЦК ПОРП М. Ожеховский, — явился вместе с тем мерой, необходимой для спасения мира в Европе»¹.

Хотя в нашу задачу и не входит детальный анализ ситуации после введения в стране военного положения, мы считаем необходимым напомнить о программных документах народной власти, поскольку они, несомненно,

¹Какова же была первая реакция Западной Европы на чрезвычайные меры польских властей? Газета «Генераль-анцайгер» отмечала, что, по мнению Бонна, премьер-министр Ярузельский ввел военное положение, чтобы национальными средствами отвести угрозу гражданской войны». «Я думаю, — подчеркнул 13 декабря канцлер Австрии Б. Крейский, — что введение в Польшу военного положения является последней попыткой предотвратить беду». В принципе, ничего удивительного в такой позиции трезвомыслящих государственных деятелей, как и ряда ведущих органов печати Западной Европы, не было. Они лишь продемонстрировали достаточно реалистичный подход, взвешенно, в духе разрядки подошли к событиям в суверенной стране, хотя, конечно, не отказались от выражения своих

классовых симпатий или антипатий. Крутой поворот к длительному периоду враждебных политических и экономических акций против ПНР был совершен многими государствами Западной Европы — членами НАТО двумя неделями позже под жестким давлением Вашингтона, когда последний убедился, что его надежды на социальный реванш в Польше оказались химерой. США удалось в начале января 1982 г. протолкнуть на сессии министров иностранных дел НАТО угодную Белому дому резолюцию, осуждающую власти ПНР за введение военного положения, а Советский Союз за «вмешательство» (?) в польские события. Странам — членам НАТО рекомендовалось ввести вслед за уже введенными Америкой экономические санкции против ПНР и СССР.

внесли дополнительные позитивные коррективы в ход последующих событий. А эти события развивались совсем иначе, чем их рисовали себе самонадеянные прожекторы из «Солидарности». Ясная и четкая программа социалистического возрождения, изложенная В. Ярузельским, не могла не оказать дополнительного отрезвляющего воздействия на рядовых членов «Солидарности», уставших от «забастовочного террора», от хаоса и анархии.

Фактически, как показали уже первые дни после введения военного положения, контрреволюционные штабы оказались в роли генералов без армии или, точнее было бы сказать, даже без тех готовых на все «батальонов», на которые они еще считали возможным рассчитывать в своих планах государственного переворота.

Если главная идея второго варианта по свержению социализма — вынудить власти ПНР и ПОРЛ взять на себя инициативу начать «бой», ввести военное положение — оказалась успешно реализованной, то последующий ход событий не укладывался в подготовленную схему¹. Ведь в

¹ В течение нескольких дней после 13 декабря 1981 г. в Белом доме ход событий в Польше выдвигался в ином, более радужном свете. В Вашингтоне еще не представляли себе, что их совместный с польской контрреволюцией план победного завершения «операции Полония» может дать осечку.

Не менее оптимистичным был и настрой «котца» плана «операции Полония» Бжезинского, бывшего помощника президента США по национальной безопасности. Выступая по телевидению 14 декабря, после того как с ним проводили консультации, по заявлению американских телестанций, «различные официальные представители нынешней администрации», профессор заявил, что «основные события развернутся в ближайшие 48 часов, которые дадут ответ практически на все главные вопросы... Начнется настоящая конфронтация между

населением страны и нынешним режимом. Когда вся страна присоединится к забастовке, то это будет означать, что, несмотря на все аресты, позиции профсоюза по-прежнему непоколебимы... С военным положением мало кто из поляков сможет смириться...» Чаша весов, по убеждению вашингтонских стратегов, склонялась в пользу контрреволюционных сил и их успех следует ожидать с часу на час. Поэтому, как заявил тогдашний государственный секретарь США А. Хейг, «польский народ должен сам изыскать пути решения своих проблем и ему необходимо позволить сделать это без какого бы то ни было вмешательства извне». «Мы ясно заявляем,—подчеркнул утром 14 декабря президент Рейган,—насколько серьезно будем рассматривать любое подобное вмешательство».

соответствии с гданьскими решениями на следующий день после введения военного положения (им оказался понедельник 14 декабря) всеобщая забастовка должна была «сместить» социалистическое государство и до создания нового, «временного правительства» передать всю полноту власти руководящим органам «Солидарности». Однако действительность оказалась иной.

Из тысяч польских заводов и фабрик к концу понедельника 14 декабря бастовало всего 170, а 15 декабря — 70 предприятий. Причем 15 декабря разрозненные забастовки прошли только в 10 из 49 воеводств страны.

Не оправдались и большие ожидания, возлагавшиеся контрреволюционерами на «день протеста» 17 декабря¹. В последующие дни забастовки продолжались лишь в трех районах, где позиции экстремистских лидеров «Солидарности» были особенно сильны (Гданьск, Катовице, Вроцлав). Первым за многие месяцы днем без забастовок стал день 29 декабря. Таким образом, расчет контрреволюции на «всепольскую забастовку, перерастающую в восстание в ответ на насилие и репрессии властей», как на основной рычаг запланированного переворота — оказался несостоятельным. И не потому, повторяем, что чрезвычайные меры, принятые правительством, были неожиданными: ведь

¹ Именно в четверг 17 декабря Вашингтону стало ясно, что совместный стратегический план США и польской контрреволюции по «отбрасыванию» социализма в ПНР потерпел крушение. Этот день стал «черным четвергом» для администрации Рейгана. 17 декабря президент США на специальной пресс-конференции впервые публично осудил введение военного положения в ПНР, обвинив польские власти в жестоких и неоправданных репрессиях против «честных профсоюзных деятелей» только за то, что они исповедовали «европейские идеалы демократии и господства закона» (?!). Он почти в открытую призвал ушедших в подполье контрреволюционеров не склады-

вать оружие. «Насилие, — довольно прозрачно изложил он свою мысль, — влечет за собой насилие и угрожает свергнуть Польшу в пучину хаоса». 23 декабря хозяин Белого дома выступил с развернутой программой всеобъемлющих экономических санкций против ПНР (29 декабря санкции были объявлены и против СССР), которые, по замыслам стратегов из Вашингтона, должны были бы свергнуть страну в пучину того хаоса, о котором он говорил 17 декабря. Началась массированная и длительная политическая, экономическая и пропавгандистская война мирового империализма во главе с США против социалистической Польши.

«Солидарность» в своих гданьских планах конфронтации с властями специально предусматривала этот вариант развития событий и даже считала его предпочтительным. Более того, она тщательно готовилась к нему: были созданы глубоко законспирированные центры и линии связи, которые должны были способствовать успеху выступления даже в случае ареста его главных руководителей.

Не выдерживают критики и модные ныне на Западе ссылки на внезапную изоляцию руководства антисоциалистических сил как на причину поражения контрреволюции. Известно, что еще 17 декабря из 13 членов президиума всепольской комиссии «Солидарности» 8 находились на свободе, избежав интернирования в первые дни после введения военного положения. Вместе с ними тогда ушли в подполье 25 из 40 руководителей местных «профцентров». В течение многих дней после 13 декабря в Гданьске продолжал функционировать подпольный всепольский забастовочный комитет, который тщетно пытался поднять массы рядовых членов «Солидарности» на активные действия.

Неожиданными для польской контрреволюции оказались не сами чрезвычайные меры конституционных органов ПНР, а их четкая оперативность и действенность, спокойное отношение к этим мерам большинства поляков. «Разведслужбы стран НАТО,— говорил в феврале 1982 г. В. Ярузельский,— ошибочно определили обстановку в нашей стране. Они недооценили разум поляков, монолитность и идейность наших вооруженных сил, эффективность действия органов социалистического государства».

Вожакам польской контрреволюции не дано было понять, что причины крушения столь тщательно разработанных планов свержения социализма коренились не в «порочном круге» слепых случайностей («раздоры» в лагере контрреволюции, «нелучший выбор» момента противоборства, «недостаточная помощь» со стороны Запада и т. д.), а в иных— фундаментальных, объективных факторах истории.

Как раз не поражение контрреволюционных сил, а их успех был бы случаен. Это могло произойти лишь при редком стечении неблагоприятных обстоятельств, при ро-

ковом нагромождении кардинальных ошибок защитников социализма в Польше. От попятных движений, моментов регресса общество, конечно, никогда не застраховано. Но такой откат назад — не правило, а исключение. Шестнадцатимесячный кризис в Польше подтверждает эту истину.

Но если польские экстремисты практически не имели шансов на успех, то их возможности развязать гражданскую войну, ввергнуть страну в состояние длительного хаоса, осложнить до взрывоопасного предела обстановку во всем мире, особенно в Европе, были вполне реальны¹. Без сомнения, все эти обстоятельства, и не в последнюю

¹ У читателя может возникнуть закономерный вопрос: не предусматривали ли стратеги готовящегося путча такой поворот событий, при котором в случае развязывания кровопролитного вооруженного мятежа конституционное правительство ПНР может обратиться за помощью к своим социалистическим соседям? Этот вариант не только ими предусматривался, но и детально был продуман. Вот что рассказала по этому поводу в апреле 1983 г. газета «Жолнеж вольности»: «В штаб-квартира мазовецкого региона «Солидарности» в Варшаве родилось немало документов и инструкций, которые рассылались во все уголки страны в качестве «образцовых» и подлежащих исполнению. К довольно оригинальным относится обширный документ, дополненный приложениями, под названием «Вероятность, масштаб и характер советской вооруженной интервенции в Польшу». Несмотря на то что это «профсоюзный документ», в нем даются военно-политический анализ возможных действий в масштабе европейского военного театра. Красной нитью через весь документ проходит мысль о том, что в случае неудачи с «молниеносным» захватом власти следует «во что бы то ни стало

спровоцировать вооруженную интервенцию СССР в Польшу».

Возникает еще один вопрос: зачем понадобилось это контрреволюционерам? На основе анализа упомянутого документа газета «Жолнеж вольности» пишет: «Цель этой провокации — создать в Польше такую политическую обстановку после того, как советская помощь станет свершившимся фактом, которая предоставит взрывную в мечах возможность прямого политического и военного вмешательства западных государств — членов НАТО во главе с США в польские дела, а введение «нового порядка в Польшу» в этом случае оказывалось бы на расстоянии вытянутой руки». Была ли эта безрасчетная затея их собственной инициативой или предпринята по согласованию со своими заокеанскими «партнерами» по заговору? Отметим одно: США целенаправленно подталкивали своих «польских друзей» к развязыванию братоубийственной войны «Советское вмешательство, — писала в октябре 1982 г. «Жолнеж вольности», — было расчетливо вписано в американский сценарий польских событий». Но в эти планы Вашингтона вожаки польской контрреволюции посвящены не были.

очередь соображения внешнеполитического характера, учитывались ПОРП и правительством при принятии ими трудного решения о введении военного положения. Тем более трудного, потому что народная власть, ПОРП, все социалистические силы были той стороной, которая не была заинтересована в насильственном противоборстве.

Но гданьскими решениями, нацеленными на то, чтобы загнать власти в угол и заставить их либо капитулировать, либо решиться на принятие экстраординарных мер защиты, контрреволюция не оставляла польскому народному государству иных путей. И выбор был сделан.

Измышления о том, что власти и ПОРП чуть ли не с августа 1980 г. готовились прибегнуть к насилию, ввести военное положение, не имеют под собой никакой почвы. Основным сигналом, который заставил народную власть поставить перед собой вопрос о подготовке к чрезвычайным мерам, была «радомская инициатива» 3 декабря. «Прямой причиной того, что мы приняли это решение,— сказал в январе 1982 г. в интервью американскому агентству Юнайтэд Пресс Интернэшнл министр по связям с профсоюзами ПНР С. Чосек,— был Радом. Это была декларация открытого выступления против нас. Мы ждали гданьских решений. И в тот момент, когда всепольская комиссия «Солидарности» в Гданьске официально выступила с «радомской инициативой», программа вождей «профсоюза» стала очевидной. *Решение о введении военного положения было принято только тогда, когда мы полностью убедились в их намерениях* (курсив мой.— В. Т.).

Не более основательно и утверждение, согласно которому «польское военное правительство,— по выражению президента США,—ведет войну против собственного народа». Оно продиктовано не только классовой ненавистью, но и сознательным искажением действительного положения вещей, стремлением скрыть правду. А правда состоит в том, что социалистическому государству (и в этом его коренное отличие от государства буржуазного) противопоставлены иные принципы социального управления, кроме убеждения масс. Разумеется, таковыми были и действия польского социалистического государства.

Военное положение, введенное в декабре 1981 г. в ПНР, не было и не могло быть «военной диктатурой», как почти единодушно утверждают на Западе, и по другой причине. Оно не могло быть таковой уже в силу самой природы социалистической армии народной Польши — Войска Польского. Социалистическое Войско Польское родилось 40 лет назад в горниле совместной с Советской Армией борьбы за освобождение страны от немецко-фашистской оккупации и всегда было национальной силой, органически связанной с народом, трудящимися классами. Его офицерский корпус и рядовой состав — это представители прежде всего рабочего класса и крестьянства страны. Будучи армией трудящихся, естественной на сознательной защите интересов трудового народа, его социалистических идеалов, Войско Польское никогда не было силой, которую можно было противопоставить народу. Верно храня патриотические традиции, чутко реагируя на настроения в народных массах, связанное с ними тысячами кровных нитей, Войско Польское никогда не выступило бы за дело, которое противоречит интересам народа, его устремлениям и надеждам.

Его отличие от других организаций трудящихся, институтов социалистического государства заключалось в канун введения военного положения в том, что, будучи специфическим, высокоорганизованным — в силу особенностей военного дела — государственным институтом, Войско Польское вместе с гражданской милицией и органами безопасности было в значительной мере «закрыто» для изозированной пропаганды контрреволюционеров и западных спецслужб, несмотря на все их усилия прорваться туда. Оно не подвергалось той ежечасной и ежедневной идеологической обработке и психологическому террору, которые воздействовали на сознание других групп польских трудящихся. Поэтому офицеры и солдаты могли более объективно оценить складывающуюся опасную для национальной государственности социалистической Польши ситуацию, быстрее распознать цели демагогии экстремистских лидеров «Солидарности», других контрреволюционных групп и организаций. Примечательно, что подавляющее число молодых резервистов, призванных в армию во второй половине 1981 г. (а среди них было 70

процентов членов «Солидарности»), в новых, армейских условиях достаточно быстро начинали осознавать опасность своих прежних настроений, понимать, куда толкала страну антисоциалистическая оппозиция¹.

Конечно, подчас народная власть не пресекала должным образом атаки наглежащей контрреволюции. Давали себя знать примиренческие тенденции, а порой и оппортунистические, ревизионистские настроения, охватившие часть членов ПОРП, других социалистических сил. Однако главная причина такой терпимости заключалась в том, что до осени 1981 г., когда еще не начался широкий отход масс от своих контрреволюционных вожаков, социалистическое государство не могло позволить себе применить насильственные методы борьбы с ними. Сложность положения польских коммунистов в течение многих месяцев растущего развала и анархии в государстве состояла именно в том, что они должны были терпеливо ждать, пока достаточно широкие массы трудящихся на собственном политическом опыте не убедятся в противоположности своих интересов интересам верхушки «профобъединения». Естественно, это не снимало с коммунистов обязанности активно и энергично способствовать прояснению политического сознания рабочего класса и других групп трудящихся, но возможностей для широких действий против антисоциалистических сил обстановка в стране вплоть до осени 1981 г. не давала.

Только в последние месяцы 1981 г. в Польше начала складываться иная расстановка политических сил, когда контрреволюционное меньшинство, враги социализма в значительной степени потеряли доверие и поддержку трудящихся. Это означало, что появилась возможность

¹Выступая на проходившем 21 — 22 июля 1983 г. заседании сейма, принявшем решения об отмене военного положения в стране, Первый секретарь ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР В. Ярузельский высоко оценил деятельность вооруженных сил в трудный для Польши период. Он говорил: «В ту памятную декабрь-

скую ночь я сказал, что мы не намереваемся произвести военный переворот, ввести военную диктатуру. Вооруженные силы не действовали вопреки закону. Они спасли родную страну, когда ее трясла лихорадка, когда над ней нависла невиданная опасность. Они выполнили свой священный долг перед родиной, перед социализмом».

для использования революционного насилия в целях защиты социализма. Оно уже могло быть с достаточной степенью точности направлено против тонкого слоя, а именно — против контрреволюционной верхушки. Об этом свидетельствуют факты и цифры. После 13 декабря было временно интернировано около 5 тыс. человек¹. В их число попала малая часть даже из тех десятков тысяч штатных функционеров «Солидарности» (напомним, что их насчитывалось в «профобъединении» 40—45 тысяч) и других контрреволюционных организаций, которые принимали самое непосредственное участие в подготовке государственного переворота. В течение самого трудного первого месяца были привлечены к судебной ответственности за нарушение законов военного положения 347 человек (с 13 по 21 декабря 1981 г. — 144, с 22 декабря по 1 января — 123, со 2 по 13 января — 80). С 13 декабря по 13 февраля обвинительные приговоры были вынесены 40 лицам.

Так что рассказы, которые шли тогда потоком от западных корреспондентов из Варшавы со ссылкой на «достоверные источники», были типичными акциями психологической войны, развязанной против Польши. Образчиком может служить, например, сообщение швейцарской газеты «Зоннтагсблию», напечатанное 20 декабря 1981 г. со ссылкой на «очевидцев». Газета писала: «Судя по всему, арестована вся польская интеллигенция: профессора в школах и университетах, каждый, кто мог иметь определенное влияние на население...» Редакции «Зоннтагсблию», видимо, просто невдомек, что в народной Польше — высокоразвитой стране с 36-миллионным населением — существует многомиллионная интеллиген-

¹ В течение первого месяца более 1.000 из них были освобождены. И не вина польских властей, что их не оказалось больше. Единственное, что требовалось от интернированного для освобождения, — это подписать декларацию с обязательством не нарушать существующий в стране правопорядок и не

заниматься деятельностью, противоречащей Конституции ПНР и существующим законам. Вполне обоснованное и, более того, самое минимальное требование к тем, кто до 13 декабря активно готовил насильственное свержение конституционных властей и постоянно нарушал законы страны.

ция, а преподавателей высших учебных заведений, техникумов и средних школ — сотни тысяч человек.

Точно так же были далеки от правды сообщения, широко циркулировавшие в западной прессе, о многих десятках и даже сотнях жертв. В самые первые дни после введения военного положения в стране трагически погибло в результате спровоцированных и организованных самой же контрреволюцией нападений на отряды общественного порядка 7 человек. И все это произошло в одном месте — в шахтах «Буек» в Силезии. Если вспомнить «списки на репрессии» — сначала на 18 тысяч, а затем уже на 80 тысяч человек, обвиняемые в тайниках «Солидарности», и те методы настоящего самосуда, которыми намеревались их осуществлять, то легко можно себе представить, какое море крови готовились пролить контрреволюционеры.

Народная власть, предотвратившая готовящуюся трагедию, не проявила жажды возмездия по отношению к тем, кто поддался враждебным призывам контрреволюции, даже активно участвовал в противозаконных, антигосударственных акциях. Специальный декрет, обнародованный сразу же после введения военного положения, предусматривал амнистию для лиц, совершивших действия против народного государства до 13 декабря 1981 г. Но об этом гуманном акте польских властей западные корреспонденты предпочитают не сообщать¹.

Военное положение, действовавшее в Польше на протяжении полутора лет, строго говоря, не было военным положением в полном смысле этого понятия. Отличаясь от «классических» образцов, оно никогда, ни на один день не носило полного, всеохватывающего характера. «Законы военного положения, — отметил 12 декабря 1982 г. В. Ярузельский, — мы начали смягчать и, по мере возможности, отменять их почти с первых минут». И действительно,

¹Зато английское агентство «Рейтер» спустя несколько дней после 13 декабря передало на весь мир такую фальшивку: «Польский посол в Японии Руреж, попросивший убежище в США, заявил, что советские войска, одетые в польские мундиры, проникли в страну заблаговре-

менно, чтобы участвовать в репрессивных акциях». Как видно, иных, более вразумительных объяснений своего сокрушительного поражения представители польских антикоммунистических сил придумать не смогли.

функционирование основных институтов политической системы социализма продолжалось, хотя временно и было значительно сужено. Продолжали свою обычную деятельность конституционные органы власти и многие общественные организации. В соответствии с Конституцией ПНР ПОРП по-прежнему осуществляла свою руководящую роль в обществе, направляя деятельность не только гражданской администрации, но и армии, милиции, органов безопасности. Была приостановлена деятельность только тех организаций, которые прямо или косвенно приняли участие в подготовке государственного переворота или поддерживали действия заговорщиков.

Уполномоченные Военного совета национального спасения, назначенные в воеводства, министерства и ведомства, фактически выполняли функции координации деятельности органов власти и управления в условиях сложившейся чрезвычайной ситуации, не подменяя существующего государственного аппарата своими собственными структурами. Продолжали выходить газеты и журналы, выражавшие точку зрения различных политических партий и групп. Без всяких ограничений функционировали и католическая церковь, и другие религиозные организации, созывались различные общественные форумы.

Социалистические силы Польши твердо стояли за скорейшую отмену военного положения¹. Чисто политические аспекты военного положения уже в первые месяцы его действия были быстро сужены до крайне необходимого минимума. На первый план сразу же выдвинулись

¹Ведь военное положение и вынужденное, временное, но значительное сужение рамок политической демократии, приостановка, ввиду чрезвычайных обстоятельств, действия некоторых ее институтов затруднило и замедлило процесс перехода ряда социальных групп польских трудящихся из лагеря «резервированных» на позиции активных защитников социализма, полной мобилизации всех резер-

вов, заложенных в социалистическом демократизме. Несомненно, этот процесс шел бы намного быстрее и эффективнее в условиях «мирной» политической борьбы. Но не народной властью была избрана силовая форма противоборства. Ее предпочли экстремисты из «Солидарности», увидев в путче единственный шанс уйти от надвигающегося краха.

чрезвычайные меры социально-экономического порядка, предлагавшиеся, как уже говорилось, ПОРП еще в начале ноября 1981 г. и категорически тогда отвергнутые экстремистскими вожаками «Солидарности». «Введение военного положения 13 декабря 1981 г.,—оценивал в декабре 1982 г. результаты уходящего года заместитель Председателя Совета Министров ПНР Я. Ободовский,— прежде всего сдержало развитие пагубных для экономики страны явлений. Был начат процесс создания условий, способствующих преодолению экономического кризиса». Сегодня, когда стала еще эримее глубина той пучины хаоса и анархии, в которую была ввергнута страна, совершенно ясно, что иного выхода не было и не могло быть.

Вслед за спасением пришло время возрождения, социалистического возрождения страны, путь к которому нелегок и нескор. Самое опасное для польского народа осталось позади, но самое трудное—еще впереди.

...В августе 1983 года — почти день в день со времени последней поездки автора в ПНР в 1980 г. — ему вновь довелось побывать в Варшаве. Сегодня она спокойная и деловая. Жить еще нелегко, многого не хватает, хотя пик экономической разрухи и общественной напряженности пройден. Трудно, с предельным напряжением сил, но пройден. Во всем — большом и малом — чувствуется: страна на пути стабилизации¹.

Встречи, беседы, поездки многое уточнили в авторском взгляде на польские события. Картина сложных перипетий 1980—1981 гг., смысл крутого декабрьского поворота в восемьдесят первом, трудного, но неуклонного выхода страны из общественного кризиса в последующие

¹ Даже такой консервативный западногерманский деятель, как небезызвестный председатель правого христианско-социального союза Ф. И. Штраус, побывавший в ПНР в конце июля 1983 г., почти сразу же после отмены в стране военного

положения, не мог не констатировать: «Все сообщения, представляющие положение в Польше как хаос, в котором голодные люди блуждают в отчаянии, — это неправда».

месяцы стали обвинять, двальны, чётче (что, востественно, нашло своё отражение и на страницах этой книги).

Как раз в те августовские дни польская правительственная газета «Речь Посполита» писала, оценивая итоги пути, пройденного страной с памятного 13 декабря:

«В течение 384 дней действующего и 201 дня приостановленного военного положения,— говорилось в газете,— была ликвидирована трагическая для народа, опасная для социализма тенденция. Зато возникла и постепенно набирает силу другая тенденция — спасения, обновления и народного соглашения».

Как видим, отсчёт времени газетой ведётся не в месяцах, и даже не в неделях, а в днях. И это понятно: каждый из них по напряжённости, накалу борьбы за спасение страны, по серьёзности событий был, без преувеличения, равен подчас неделям, месяцам, а то и больше.

«Этих труднейших для всего нашего народа дней могло бы быть, наверное, в половину меньше,— с горечью заметил один из собеседников автора в Гданьском воеводском комитете ПОРП,— если бы Запад и прежде всего США, не начал против Польши настоящей войны на удушение, стремясь парализовать и уморить Польшу голодом и спровоцировать в стране неконтролируемый взрыв отчаяния». И действительно, сразу же после того как стало ясным, что контрреволюционный путч в ПНР потворствовал краху, американские стратеги ввели в действие свой «запасной вариант», о существовании которого Белый дом даже не считал нужным поставить в известность своих «польских друзей». В нём не только народу Польши, но и «младшим партнёрам» Вашингтона из КОС—КОР и «Солидарности» отводилась роль той пешки, которой без сожаления жертвуют во имя выигрыша всей партии.

Главная цель «запасного варианта» с его комплексом «санкций» состояла в том, чтобы, пользуясь серьёзной зависимостью польской экономики от Запада, не дать

ПНР залечить тяжелые раны, нанесенные 16-месячной разрушительной деятельностью «Солидарности», превратить Польшу в страну перманентного политического и экономического кризиса, а затем, используя контрреволюционное подполье, развязать братоубийственную войну.

Иными словами, довести «польский котел», уже предельно разогретый дестабилизирующими действиями антисоциалистических сил, до такого уровня кипения, который надолго приковал бы внимание Советского Союза, других стран—членов СЭВ и Варшавского Договора к Польше. Это дало бы, как полагали в Вашингтоне, шанс для изменения а пользу империализма соотношения сил на международной арене и обретения им стратегического превосходства над социалистическим содружеством. Словом, по образному выражению В. Ярузельского, Вашингтон был готов во имя своих целей «воевать до последнего поляка».

Первые шаги от края пропасти

Ситуация первых месяцев после введения военного положения в ПНР, казалось, могла в Вашингтоне вселять надежды на успех такого курса. Анти-социалистическим силам удалось averгнуть страну за время их открытого разгула в бедствия поистине небывалых масштабов. В силу разрушительной инерции этих процессов народное хозяйство Польши и в первые месяцы 1982 г. продолжало катиться вниз: падало промышленное производство; ощущалась серьезная нехватка угля, других сырьевых ресурсов, строительных материалов; серьезно были нарушены кооперационные связи между предприятиями.

Ускорить банкротство польской экономики должны были, по расчетам Белого дома, экономические «санкции». Наряду с замораживанием кредитов, отказом от экспорта из ПНР, США, ряд западноевропейских стран и Япония прекратили поставки в страну сырья, оборудова-

ния, технологии. Это не могло не сказаться самым бедственным образом на польской экономике. В результате примерно 30 процентов промышленных мощностей страны перестали выдавать продукцию или же резко сократили производство.

Не менее жесткие акции были проведены США и некоторыми их союзниками и на продовольственном фронте «экономической войны». В результате резкого сокращения импорта зерна и некоторых кормовых компонентов производство птицы на птицефабриках, организованных по американской технологии, снизилось почти на 80 процентов. Одновременно уменьшилось на 21 проц. и производство яиц. Запрещение лова рыбы в 200-мильной зоне у берегов США привело к тому, что польский рыболовецкий флот сократил снабжение внутреннего рынка рыбой и изделиями из нее на 40—50 тыс. тонн. В результате «санкций» Запада импорт сливочного масла и мяса уменьшился, даже в сравнении с 1981 г., на 44 и 65 тыс. тонн соответственно. В 1982 г. в результате «санкций», по подсчетам варшавского журнала «Загаднения и материалы», польская промышленность не смогла произвести товаров в пересчете на американские доллары на сумму 13,3 млрд., равную половине всех долгов ПНР Западу.

Это повлекло за собой дальнейшее снижение жизненного уровня трудящихся, усугубило дефицит товаров народного потребления, прежде всего продуктов питания, усилило инфляцию. Уровень жизни польского населения в 1982 г. упал на 26 процентов, что особенно серьезно ударило по менее обеспеченным слоям, многодетным семьям, пенсионерам, молодежи.

Одной из главных целей экономической блокады, помимо того, чтобы добиться необратимого развала польской экономики, было углубление недовольства трудящихся растущими материальными трудностями, возврат отошедших от предводителей контрреволюции значительных масс польских тружеников «на круги своя», внушение им идеи о неспособности народной власти справиться с общественно-экономическим кризисом. И не случайно уже в самом начале 1982 г. антисоциалистическое под-

полье выкинуло лозунг: «Зима — ваша, весна — наша»¹.

Перед ПОРП, всеми социалистическими силами сразу же после введения военного положения встала *двудесятилетняя задача*, которая поначалу многим казалась невыполнимой: в самые сжатые сроки остановить спад производства, начать выход страны из экономического кризиса и одновременно, как подчеркивал В. Ярузельский, «завоевать на свою сторону заблуждающихся, дезорганизованных и одурманенных людей».

Народная власть выдвинула взвешенную программу преодоления кризиса, определила пути ее реализации. Миллионы поляков, все глубже осознавая, что повышение уровня жизни, материальное благополучие страны зависят только от их собственного труда, постепенно включались в процесс экономической стабилизации.

Принципиальная победа была достигнута в августе 1982 г. Тогда впервые за 21 месяц промышленное производство перестало снижаться; более того, оно поднялось на 2 процента по сравнению с августом предыдущего года. Это как будто скромное достижение знаменовало собой *начало хозяйственного перелома*. По сравнению с соответствующими периодами 1981 г. индустрия страны увеличила свое производство: в сентябре — на 3 процента, октябре — на 5, ноябре — на 8 и декабре 1982 г. — на 11 процентов. В 1982 г. *впервые за много лет Польша в своих внешнеторговых оборотах добилась превышения экспорта над импортом*.

¹ Антисоциалистические группировки, хотя и быстро редющие, но еще обладавшие зимой — весной 1982 г. определенным влиянием в массах, были нацелены на возобновление беспорядков и организацию саботажа. Как писал «на волю» находившийся в местах интернирования Куронь: «Либо власти пойдут на компромисс с обществом (читай: контрреволюцией. — В. Т.), ли-

бо общество сваргнет власть». «Суть этой контрреволюционной тактики. — подчеркивала в те дни гданьская газета «Глос выбжежа», — в организации всеобщей забастовки с последующим перерастанием в вооруженное столкновение. Гарантией достижения этой цели должно стать усиливающееся давление, оказываемое на Польшу странами Запада».

Эти сдвиги во многом способствовали постепенному преодолению гражданской пассивности довольно обширных групп польских трудящихся, отошедших от экстремистских вожakov «Солидарности», но пока что с настороженностью относившихся к ПОРП и народной власти. Первые шаги в этом направлении дали свои результаты. Если весной и летом контрреволюции еще удавалось провоцировать серьезные беспорядки, то уже к осени они потеряли такую возможность¹. Антисоциалистическое подполье все явственнее теряло свое влияние, дискредитировало себя в глазах «молчаливого большинства» лозунгами экономической дестабилизации страны и откровенной поддержкой западных «санкций» против ПНР².

Установления нового периода в развитии положения позволили властям повести решительную борьбу против таких чуждых социализму явлений, как спекуляция, тунеядство, взяточничество, особенно бурно произраставших в кризисные 1980—1981 гг. В 1982 г. были привлечены к уголовной ответственности около 10 тысяч крупных спекулянтов (почти в два раза больше, чем в 1981 г.); 69 тысяч перекупщиков дефицитных товаров были оштрафованы. В течение года 250 так называемых «подпольных миллионеров», сколотивших огромные состояния на всякого рода

¹ Этого не могла не отметить католическая церковь, чутко регистрирующая на изменение общественных настроений. Глава костелов кардинал Глумп в одной из своих проповедей в конце 1982 г. сделал примечательное признание: «Из социологических исследований,— заявил он,— вытекает, что польский народ в своей массе вовсе не хочет капитализма». Подобная вполне определенная констатация была бы невозможна еще год-два до этого,

когда из уст церковных пастырей звучали совсем иные суждения. Позитивные сдвиги во внутрипольской ситуации еще больше обострили борьбу между двумя течениями в костелах: одним, занимающим позицию неприятия социализма, и другим — осознующим, что ПНР — социалистическая страна и отношения церкви с государством нужно строить, исходя из признания существующих реальностей.

² Во второй половине 1982 г., по данным проведенного массового опроса, только 7 процентов опро-

шенных выражали в доброжелательное отношение Вашингтона к польскому народу.

незаконных сделок и по сути перераспределявших доходы трудящихся в свою пользу, были осуждены на разные сроки лишения свободы с конфискацией имущества. Государственный аппарат энергично очищался от коррумпированных элементов и бюрократившихся чиновников. Словом, резко активизировалась *борьба с любыми проявлениями социальной несправедливости*, с отступлениями от норм социалистической нравственности.

Вслед за первыми успехами в преодолении хозяйственной разрухи в стране обозначился крутой перелом в общественных настроениях. Трудящиеся наглядно смогли увидеть, что народная власть меньше чем за год отвела от страны страшную угрозу экономического краха. На 10-м пленуме ЦК ПОРП в октябре 1982 г. Первый секретарь ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров и Военного совета национального спасения В. Ярузельский мог с полным основанием констатировать: «В течение последних 10 месяцев мы прошли длинный, ведущий вперед путь. Это свидетельствует о том, что у социализма прочны корни, что народная власть эффективна, что партия, хотя и ослабленная, остается движущей силой, вдохновительницей социалистического обновления и прогресса»¹. Началась подготовка к отмене военного положения.

Однако контрреволюционное подполье затвляло новую «пробу сил», решив спровоцировать «всепольскую забастовку», приурочив ее ко второй годовщине регистрации (10 ноября 1980 г.) «Солидарности» как профсоюза. Огромные усилия затратили на подготовку этой акции западные центры психологической войны. Подсчитано, что в течение 10 ноября западные «радиоголоса», вещающие на польском языке, *более 100 раз* обращались к полякам с соответствующими призывами. «10 ноября, по

¹ Лишь авторитетная политическая сила могла вызвать целый поток обращений к себе трудящихся. Только в Комиссию ЦК ПОРП по предложениям, жалобам и сигналам в течение 1982 г. поступило

400 тыс. писем с критикой недостатков и конструктивными советами. Еще 41 тыс. писем была получена членами Политбюро и секретарями ЦК.

мысли наших врагов, должен был состояться, — как охарактеризовал смысл готовящейся забастовки член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП К. Барчиковский, — своеобразный референдум на тему: кто за власть, а кто против нее». Но «референдума» не получилось. Контрреволюционеры потерпели столь внушительное поражение, что это вынуждены были признать и по ту сторону Атлантического океана.

Газета «Крисчен сайенс монитор»: «Годовщина «Солидарности» прошла без каких-либо серьезных инцидентов. Призыв к прекращению работы по всей стране провалился».

Газета «Нью-Йорк таймс»: «Акция протеста не получилась. Стратегия подпольного руководства «Солидарности» поддержки не имела. Похоже на то, что правительство твердо контролирует положение в стране и что бурные дни, когда «Солидарность» бросала вызов коммунистической системе, ушли безвозвратно».

В конце декабря 1982 г. *военное положение в ПНР было приостановлено*. С Военного совета национального спасения были сняты административные функции, но оставлены обязанности гаранта безопасного перехода от временной к полной отмене военного положения. Войско Польское вернулось в казармы и занялось своим обычным трудом. Лица, еще остававшиеся к этому времени в местах интернирования, были освобождены¹.

Только после провала «всеобщей забастовки» 10 ноября и приостановки военного положения в Вашингтоне, с годичным запозданием, пришли к пониманию того, что «операция Полония», задуманная и осуществлявшаяся как

¹ Руководителям КОС—КОР во главе с Куронем, в таюке семи экстремистским главарям бывшей «Солидарности» (Гвязде, Яворскому, Юрчику, Модзелевскому, Пальке, Роепловскому и Рулевскому)

было предъявлено обвинение в подготовке антигосударственного путча. И они были переведены в места предварительного заключения на время ведения следствия по их делу.

совместное предприятие Вашингтона и антисоциалистических элементов внутри Польши, провалилась¹.

Строго говоря, здесь на нашем рассказе об «операции Полония» можно было бы поставить точку. Она завершилась закономерным крахом: не удалось ни «опрокинуть» социализм, ни разжечь в стране братоубийственный внутренний конфликт.

Но последствия целенаправленных дестабилизирующих акций авторов и организаторов этой операции тяжелой ношей и на долгие годы легли на плечи каждой польской семьи. Предстоит напряженный труд, чтобы вернуть потерянное, наверстать упущенное, восстановить разрушенное и в жизни и в душах людей. Процесс экономической и общественной стабилизации потребует многих и многих усилий и времени.

В этом смысле об эпилоге говорить еще рано. Он еще пишется историей.

Взгляд в завтра

С первых же дней 1983 г. Польша вступила в новый этап выхода из кризисного состояния, который коротко можно было бы характеризовать как *этап восходящего развития*. 22 июля в стране *было отменено военное положение*.

¹ Любопытно, что вера в незыблемость сохранялась и у вожаков антисоциалистических сил внутри страны. Вот характерный штрих. В конце 1982 г. — через несколько дней после возвращения в Гданьск из мест интернирования бывший председатель бывшей «Солидарности» встретился с корреспондентом газеты «Вашингтон пост». Сообщив в этой беседе, что «сопровождавшие его домой сотрудники службы общественного порядка обращались с ним хорошо», Вапвнса истопкивал это по-своему: «быв-

ший электрик» заявил этим сопровождающим, как сообщает не без сарказма американский корреспондент, буквально следующее: «Естественно, я сказал им, что как будущий президент очень рад, что они так ко мне относятся. Я спросил их, будут ли они мне тогда верно служить, и они пообещали, что будут...» Не напоминает ли этот эпизод типичную сценку из практики левых заведений определенного рода, в которых работают достаточно вежливые санитары?

Какой же видится польским коммунистам, социалистическим и патриотическим силам страны программа полного и окончательного преодоления кризиса? Каковы характер и масштабы трудностей, еще стоящих на этом пути? Какие актуальные уроки извлекаются из прошлого? Такие вопросы неизбежно встанут перед каждым, кто с человеческой надеждой и классовой озабоченностью всматривается в завтрашний день народной Польши.

Предельно ясно и откровенно ответил на эти вопросы Первый секретарь ЦК ПОРП В. Ярузельский в интервью советскому телевидению 12 октября 1983 г. Напомним некоторые положения этого интервью.

«Вопрос. Не могли бы Вы рассказать, какова нынешняя обстановка в Польше и каковы перспективы процесса дальнейшей стабилизации политической и социально-экономической жизни?

Ответ. ...Конечно, у врагов социализма нет шансов, у них нет перспектив. Зловещий план свержения социализма в Польше был решительно сорван. Спокойствие и благоразумие, с которыми подавляющее большинство нашего народа восприняло введение военного положения, убедительно свидетельствуют о чувствах патриотической ответственности, о доверии к народному Войску Польскому, которое в соответствии с волей партии взяло на себя главную задачу защиты социализма и спасения страны.

Ныне военное положение отменено, жизнь в стране нормализуется. Практически на всех участках происходит улучшение. Но это, конечно, не означает, что противники социализма перестали мешать, подстрекать, отравлять сознание некоторых групп населения.

Так будет продолжаться до тех пор, пока все трудящиеся окончательно не разберутся, кем на деле являются эти ложные «друзья народа», как вредна их деятельность. Задача нашей партии состоит и будет состоять в том, чтобы воздействовать на этот процесс созревания общественно-

го сознания, укреплять и ускорять его¹. В свою очередь, задачей наших государственных органов является последовательное пресечение антисоциалистической деятельности.

Что касается внешнего противника, то он является главным подстрекателем и стратегом контрреволюции. Ведущую роль играет в этом, конечно, американская администрация, а под ее нажимом и некоторые другие государства НАТО.

Если бы это не было так цинично и возмутительно, то мнимая забота капиталистов, миллионеров, монополий о судьбе польского рабочего выглядела бы просто парадоксальной и смешной. Совершенно ясно, что Польша стала предлогом в империалистической игре, своего рода полигоном «холодной войны». Польшу «наказывают» за то, что она является Польшей социалистической, что она — друг Советского Союза, наконец за то, что она сама уберегла себя от братоубийственного конфликта, от гражданской войны, а может быть, даже от последствий, дестабилизирующих положение во всей Европе. По отношению к нам применяются политический бойкот, экономические санкции и пропагандистская агрессия. Мы и это выдержим. Из затеи империалистов в отношении Польши ничего не вышло и не выйдет...

Нашу уверенность и спокойный оптимизм укрепляет чувство союзнической солидарности и доверия, братской помощи, которую мы ощутили и ощущаем прежде всего со стороны Союза Советских Социалистических Респу-

¹ Этот поворот в общественном сознании особенно наглядно проявился в массовом вступлении польских трудящихся в новые профсоюзы (в сентябре 1983 г. — 3,2 миллиона членов) и в ПДНВ — Патриотическое движение национального возрождения (более 1 миллиона человек). Началось быстрое размывание «мопчипового

большинства», которое все более превращается, хотя и в еще весомое, но уже *меньшинство*. Меняются настроения этого меньшинства: оно навблюдает за стабилизирующими мерами народной власти, за борьбой с деформациями социализма, хотя и выжидательно, но с надеждой.

блик, а также со стороны других братских социалистических стран...

Суммируя сказанное, хотел бы добавить, что сегодня нам еще трудно, но уже значительно легче, чем было. Мы хотим быстрее идти вперед, но это не всегда удастся. Не всегда возможно. Но прежде всего мы хотим идти так, чтобы уже никогда больше не отступать, чтобы закреплять каждый пройденный шаг вперед, чтобы строить будущее на здоровых основах.

Вопрос. Как Вам видятся направления дальнейшего развития социалистической Польши?

Ответ. Чтобы определить перспективу, надо оценить ее базу, ее фундамент. Его составляют сегодня уже почти сорок лет строительства социалистической Польши. Несмотря на допущенные ошибки и серьезные трудности, это страна, в которой под руководством Польской объединенной рабочей партии совершились великие исторические перемены. Никакая враждебная пропаганда не в состоянии перечеркнуть этого.

И поэтому перспективная задача для Польши — никогда не допустить противоречащих ленинским принципам болезненных явлений и искажений, которые принесли столько вреда жизни нашей партии и жизни нашего народа. Наша перспектива — это и упорное преодоление препятствий и диспропорций. Это упрочение социалистических отношений в экономике, в общественной, политической и культурной жизни. Это полное восстановление доверия к партии, ее руководящей роли, укрепление ее марксистско-ленинского характера, обеспечение ведущей, передовой роли и места рабочего класса, расширение классового влияния профсоюзов. Это, наконец, укрепление социалистического государства, осуществление реформ, отвечающих требованиям социалистической демократии, строительство национального согласия в соответствии с коренными историческими интересами Польской Народной Республики. Таковы наши задачи, которые прежде всего определяют необходимость напряженного

труда, хорошей организации и высокой дисциплины, укрепления социалистического общественного сознания. Таков магистральный курс, который прокладывают партия и Польша....»

Этот магистральный курс доказал свою перспективность. После 13 декабря 1981 г. в Польшу снова вернулась надежда. Сегодня надежда становится уверенностью. Уверенностью в том, что испытания, с которыми пришлось столкнуться польскому народу, больше никогда не повторятся. Социализм в ПНР не только отстоял себя, но и ведёт фронтальное наступление.

Уважаемый читатель!

**Ваши отзывы о книге направляйте
по адресу: 107082, Москва,
ул. Большая Почтовая, д. 7,
Издательство Агентства печати
Новости.**

**В 1984—1985 гг. в
Издательстве АПН выйдут в
свет в серии «Библиотечка
АПН»:**

**В. О в ч и н н и к о в. «Горячий пепел.
Хроника тайной гонки за обладание
атомным оружием»**

В. С и м о н о в. «Британия без туманов»

**Л. Б е з ы м е н с к и й. «Разгаданные
загадки третьего рейха», I и II части**

**«От Советского Информбюро» в 2-х
томах (переиздание)**

**Г. Ж у к о в. «Воспоминания и
размышления» в 3-х томах
(переиздание)**

ИБ № 7665

Введим Пвнтелеймонович Трубников

КРАХ «ОПЕРАЦИИ ПОЛОНИЯ»

Документальный очерк

Редактор С. Мартынчук

Художник В. Адамович

Художественный редактор З. Жарикова

Технический редактор Н. Хлоповская

Корректор Л. Устинова

Технолог Л. Пчельникова

Сдано в набор 04. 08. 83 г. Подписано в печать 05. 12. 83 г. Т 20467

Формат 84 х 108/32. Объем 8,0 печ. л., 13,44 усл. л., 13,58 уч.-изд. л.

Тираж 100 000 экз. Зак. 951. Изд. № 6640. Цена 60 коп.

Издательство Агентства печати Новости.

**Типография Издательства Агентства печати Новости.
Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.**

60 коп.

ПОЛЬСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ: ИГРА В ЧЕТЫРЕ РУКИ

„СОЛИДАРНОСТЬ...: ПУТЬ В НИЧТО

ЗАГОВОР: ПОСЛЕДНИЕ 46 ДНЕЙ

Издательство Агентства печати Новости